

Вестник НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ Московского университета

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 25 МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

ТОМ 12 • № 2 • 2020 • АПРЕЛЬ–ИЮНЬ

ПРОТЕСТНАЯ ВОЛНА 2019 ГОДА: ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
Пятаков А.Н. Феномен социальных протестов в Латинской Америке в 2019 г. Глобальный контекст и эквадорский case-study .	7
Кузнецов Д.А. Траектории регионального развития Латинской Америки в XXI веке	44
Ивановский З.В., Розенталь Д.М. Венесуэла: политическое противостояние и мировое сообщество	71
Дьякова Л.В. Чилийская модель перед ожиданиями социальной справедливости	112
Воротникова Т.А. Боливия перед выбором: возможна ли консолидация «разделенного общества»?	142
Сарабьев А.В. Протестная волна и контрмеры страха: ливанский акт мировой драмы	164

Moscow University Bulletin of World Politics

ISSN 2076-7404

Vol. 12 • No. 2 • SPRING • 2020

THE PROTEST WAVE OF 2019: UNITY IN DIVERSITY

CONTENTS

Editorial Note	3
Pyatakov A.N. The 2019 Social Protests in Latin America: Global Context and Ecuadorian Case-Study	7
Kuznetsov D.A. Latin America in the 21st Century: Regional Development Trajectories	44
Iwanowski Z.W., Rozental D.M. Venezuela: Political Confrontation and the World Community	71
Di yakova L.V. The Chilean Model Confronting Expectations of Social Justice	112
Vorotnikova T.A. Bolivia at a Crossroads: Is Consolidation of a 'Divided Society' Feasible?	142
Sarabiev A.V. Protest Wave and Countermeasures of Fear: Lebanese Act of a Global Drama	164

ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогой читатель!

Уже сейчас можно со всей уверенностью говорить о том, что пандемия новой коронавирусной инфекции (COVID-19) стала тем событием, которое превратится в элемент коллективной памяти для целых поколений. Она разделила мир на «до» и «после». И неудивительно, что сегодня политики и ученые напряженно всматриваются в будущее, пытаясь понять, каким же мы увидим этот мир «после». Однако, как представляется, для того чтобы решить эту задачу, не менее, а может быть, даже более полезно будет приглядеться к миру «до», к той международно-политической ситуации, с которой человечество встретило новую угрозу.

На фоне драматичных перипетий в отношениях между ведущими акторами мировой политики совершенно особое место занимает мощная волна социального протеста, прокатившаяся по всему земному шару в 2019 г. На первый взгляд, разрозненные, никак не связанные между собой выступления сливались в общий поток, который грозил обернуться непредсказуемыми последствиями. Но буквально за считанные дни и недели он прекратился, разбившись об ограничительные меры, введенные правительствами в целях борьбы с распространением инфекции, и (что, возможно, даже более важно) страх населения перед угрозой заражения. В каком-то смысле пандемия COVID-19 при всех своих трудно прогнозируемых долгосрочных экономических, социальных и политических последствиях в краткосрочной перспективе стала для многих правительств своеобразным «подарком судьбы», позволившим разом погасить протестные выступления, стабилизировать ситуацию в своих странах на основании пусть и шаткого, но компромисса. В то же время совершенно очевидно, что объективные проблемы, лежавшие в основе протестной волны, остались нерешенными, а экономические последствия разного рода карантинных ограничений их лишь усугубят. Именно поэтому с точки зрения попыток предсказания облика нового, «постковидного», мира обращение к изучению массовых протестов 2019 г. представляет особый научный и практический интерес. Этой проблеме посвящен предлагаемый вашему вниманию выпуск нашего журнала.

Особым размахом и интенсивностью отличались протестные выступления, охватившие целый ряд стран Латинской Америки, и на рассмотрении ситуации в этом регионе в данном выпуске сделан особый акцент. К подготовке номера были привлечены ведущие эксперты из Института Латинской Америки Российской академии наук и МГИМО МИД России.

Открывают выпуск две статьи, в которых предпринята попытка осмыслить феномен протестной волны 2019 г. в целом, вписать его в контекст современных глобальных тенденций социально-экономического, политического и технологического развития. Так, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований ИЛА РАН А.Н. Пятаков подчеркивает, что, рассуждая о социально-экономических детерминантах протестов на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Западной Европе и Азии, нельзя ограничиваться лишь рассмотрением таких проблем, как рост неравенства и социальной поляризации. Исследователь предлагает взглянуть на протесты 2019 г. шире, связав их не только с приливной динамикой антиглобалистского движения, но и с логикой современного технологического прогресса. В качестве теоретико-методологической основы для такого исследования автор предлагает использовать понятие «социальная сингулярность».

Иной, но не менее оригинальный подход к изучению и осмыслению рассматриваемого феномена предлагает в своей статье преподаватель кафедры мировых политических процессов, сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России Д.А. Кузнецов. Он последовательно анализирует чрезвычайно сложную динамику регионального развития Латинской Америки через призму методологии изучения мегатрендов современной мировой политики, разработанной видным российским специалистом — профессором М.М. Лебедевой. Рассмотрение региональных процессов с точки зрения противоречивого сочетания трех базовых мегатрендов современности (глобализации, интеграции и демократизации), выделяемых М.М. Лебедевой, и их контртрендов позволило Д.А. Кузнецову сформулировать несколько возможных сценариев развития региона Латинской Америки и Карибского бассейна.

Таким образом, первые две статьи выпуска позволяют поместить феномен протестов 2019 г. в более широкий контекст глобальных и региональных проблем, поставить вопрос о наличии и характере связи между выступлениями в отдельных странах. Именно глубокому рассмотрению специфики протестных движений в конкретных го-

сударствах посвящены оставшиеся четыре статьи. При этом следует подчеркнуть, что каждая из них также отличается оригинальностью авторского подхода, попыткой взглянуть на ситуацию в той или иной стране под необычным углом зрения.

Так, доктор политических наук, профессор, руководитель Центра политических исследований ИЛА РАН З.В. Ивановский и заместитель директора ИЛА РАН Д.М. Розенталь представили фундаментальное и исключительно фундированное исследование системного кризиса, который охватил в настоящий момент Венесуэлу и превратил ее в один из главных очагов региональной нестабильности. В статье рассмотрены как причины обострения политического противостояния в Венесуэле в последние годы, так и его возможные международные последствия, включая его преломление в контексте сложного взаимодействия ведущих субъектов современной мировой политики.

Говоря о специфике протестных выступлений 2019 г. в Чили, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН Л.В. Дьякова обращает внимание на системное противоречие, характеризовавшее развитие этого государства на протяжении нескольких последних десятилетий. Речь идет о конфликте, присущем всей чилийской модели, — конфликте между попытками модернизации страны в соответствии с неолиберальными принципами и растущим общественным запросом на обеспечение социальной справедливости. Именно с возможностью нахождения нового компромисса между этими разнонаправленными установками Л.В. Дьякова связывает перспективы преодоления самого глубокого политического кризиса в истории Чили за последние 30 лет.

Этот подход, основанный на выявлении структурных предпосылок протестных выступлений 2019 г., получает своеобразное логическое продолжение в статье ученого секретаря ИЛА РАН Т.А. Воротниковой. Обращаясь к кейсу Боливии, она предлагает взглянуть на причины, логику развития и перспективы преодоления острого внутривнутриполитического кризиса, охватившего страну в 2019 г., через призму концепции «разделенного общества». В статье подробно проанализированы ключевые линии разлома, характеризующие боливийское общество, в том числе этнические, культурно-цивилизационные различия, экономические диспропорции, социальные и политические противоречия.

Изысканным контрапунктом к этим статьям, который позволяет ярко проиллюстрировать широту географии протестной волны 2019 г., а также придать завершенность композиции представляемого

вашему вниманию выпуска, является работа ведущего научного сотрудника Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН А.В. Сарабьева. В статье подробно проанализированы социально-экономические и политические предпосылки протестов, охвативших в конце 2019 — начале 2020 г. Ливан, а также попытки правящих политических элит стабилизировать обстановку в стране, своеобразной кульминацией которых стало введение режима «всеобщей мобилизации для борьбы с коронавирусом». А.В. Сарабьев аргументированно показывает, что последовавшая за этим «автостабилизация» общественной ситуации носит вынужденный характер, позволяя правительству выиграть время, но не решая ни одной из ключевых проблем, стоящих перед ливанским обществом. Образно сравнивая ситуацию в Ливане с античной трагедией, автор заключает, что за развязкой сюжета не последовал катарсис. Вопрос о том, какой будет жизнь после отмены карантинных ограничений, остается открытым — как для Ливана, так и для всего мира.

Хочется надеяться, что представленные в данном выпуске журнала материалы помогут приблизиться к ответу на этот вопрос. Статьи рисуют чрезвычайно сложную картину природы социальных протестов, прокатившихся по миру в 2019 г.: во всех рассмотренных странах эти протесты характеризовались ярко выраженной спецификой; все они были обусловлены прежде всего объективными факторами экономического, политического, духовного развития соответствующих обществ; не было никакой особой идеологии, которая позволяла бы однозначно маркировать, легко привести все эти выступления к какому-то общему знаменателю; не было никакой глобальной внешней силы, способной спровоцировать эти движения и направить в некое выгодное для себя русло. И всё же за этой кажущейся стихийностью, разрозненностью протестов, как представляется, скрывается фундаментальное единство, позволяющее говорить о протестной *волне*. В чем оно? Об этом мы позволим читателю судить самому.

Желаем вам приятного чтения!

А.Н. Пятаков*

**ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТЕСТОВ
В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ В 2019 Г.
ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ
И ЭКВАДОРСКИЙ CASE-STUDY**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт Латинской Америки Российской академии наук»
115035, Москва, ул. Большая Ордынка, 21/16*

В статье проанализирован феномен глобальных социальных протестов, охвативших в 2019 г. более 20 стран мира. Рассмотрены наиболее яркие эпизоды этого процесса на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Западной Европе и Азии. Произведена периодизация циклов мировых протестов в XXI в., в которой актуальные глобальные волнения составляют третий этап. Проанализированы особенности каждого из этапов, отмечена тенденция к усилению политического и насильственного компонентов. Особый акцент сделан на анализе процесса разворачивания протестов в Латинской Америке, охватившего в разной степени не менее восьми государств региона: Гаити, Пуэрто-Рико, Венесуэлу, Эквадор, Перу, Боливию, Чили и Колумбию. В каждой из стран триггерами протестов служили факторы, обусловленные особенностями внутреннего развития и трудно поддающиеся унификации. В статье высказывается ряд политологических и социально-философских гипотез, призванных приблизиться к пониманию нового глобального явления. Есть основания полагать, что происходит «интернационализация» феномена французских «желтых жилетов» и его переложение на уникальные реалии географических точек, вовлеченных в данный протестный процесс. Проанализированы миграционные и социокультурные каналы «экспорта» протестов из Франции в Латинскую Америку. Высказанные рядом авторов предположения о социально-экономической обусловленности феномена глобальных протестов ростом неравенства и социальной поляризации представляются верными, но недостаточными для комплексного осмысления нового и сложного явления. В форме гипотезы в статье высказываются доводы в пользу правомочности использования такого социально-философского понятия, как «социальная сингулярность». Описаны его характеристики, ключевыми из которых являются

* Пятаков Андрей Николаевич — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН (e-mail: anpyatakov@yandex.ru).

функционирование глобальной социальной сферы в онлайн-режиме и, как следствие, повышение скорости распространения социальных процессов в глобальном масштабе. В заключительной части статьи проанализированы предпосылки и общий ход социальных волнений в Эквадоре как «отправной точке» фазы эскалации протестов в Латинской Америке в 2019 г.

Ключевые слова: глобальные протесты, «желтые жилеты», анти-глобализм, Латинская Америка, триггеры конфликтов, социальная сингулярность, Эквадор, «Гражданская революция», индейские движения, МВФ, неолиберализм.

Поднявшаяся в 2019 г. волна общественных протестов в Латинской Америке во многом оказалась неожиданностью для политического истеблишмента охваченных беспорядками стран. Став региональным «пазлом» в картине фактически общемирового протестного процесса, данное явление выступает очередным, казалось бы, случайным феноменом мировой политики последних лет. Вместе с тем есть все основания полагать, что современный мир входит в фазу турбулентности и неопределенности, и в этом контексте мировые социальные протесты, охватившие, особенно с октября 2019 г., Латинскую Америку и другие части света, — это преломление общемировых кризисных процессов.

Налицо всё более явная эрозия прежних, казавшихся устойчивыми схем и моделей развития. Всё чаще происходит, говоря словами американского философа ливанского происхождения Нассима Талеба, вылет «черных лебедей»: события вроде бы случайные, непредвиденные и не экстраполируемые из прошлого становятся знаком нашего времени. Избрание Дональда Трампа на пост президента США; Брекзит; необычайно упорные уличные протесты «желтых жилетов» во Франции; торговые войны Вашингтона и Пекина параллельно с политическим кризисом в Гонконге; самый мощный за последние 30 лет социальный взрыв в Чили по незначительному поводу; прокатившееся фактически по всей Латинской Америке «домино» социальных протестов; государственный переворот в Боливии, прервавший многолетнюю полосу политической стабильности и экономического динамизма; новая фаза арабской «весны» или «осени» от Алжира и Судана до Ливана и Ирака; пандемия новой коронавирусной инфекции с непредсказуемыми последствиями как для мировой экономики, так и для политики — всё это еще вчера казалось маловероятным, если не невозможным.

Теперь подобная неопределенность становится нормой мировой политики, прежние причинно-следственные связи рушатся. Развивая предложенную Н. Талемом метафору, можно предположить, что в будущем мир столкнется уже не с отдельными «черными лебедями», а с целыми «стаями». В непредсказуемости их «вылета» проявляется одна из важнейших черт современной эпохи: кризис познания и прогнозирования. Прежние общепринятые концептуальные модели не способны объяснить актуальные трансформации. Вместе с тем неопределенность есть логичное следствие нелинейности нашего мира, отражение этого состояния в общественном сознании и научном познании. Н. Талей утверждал в своей книге: «Беда в том, что мир гораздо менее линеен, чем мы привыкли думать и чем хотелось бы верить ученым» [Талей, 2009: 157].

Целью данной статьи является поиск максимально общей объективной обусловленности феномена латиноамериканских социальных протестов как органичной части глобального протестного процесса, развернувшегося в 2019 г. В статье реализованы метод анализа от общего к частному, а также эволюционно-исторический подход. Исследование носит междисциплинарный характер и проведено на стыке таких дисциплин, как регионалистика (в частности, латиноамериканистика) и социальная философия, с использованием философского, политологического и социологического понятийных аппаратов.

Феномен глобальных протестов 2019 г. в исторической ретроспективе: сравнение с предшествующими протестными волнами в XXI в.

Социальные протесты 2019 г. требуют концептуального осмысления и осознания как принципиально нового феномена, качественно отличающегося от предыдущих протестных процессов. В настоящей статье мы выскажем гипотезу, не претендуя на ее окончательность, относительно природы разворачивающегося на наших глазах глобального явления. Прежде чем перейти к теоретическому аспекту, остановимся на эмпирической стороне, напомним общую канву как общемировых, так и латиноамериканских протестов. В общей сложности в данный процесс в 2019 г. были так или иначе вовлечены более двух десятков стран: Алжир, Боливия, Великобритания, Египет, Гаити, Гвинея, Гондурас, Гонконг, Грузия, Испания (протесты в Каталонии), Индия, Иран, Ирак, Колумбия, Ливан, Мальта, Никарагуа, Пакистан, Пуэрто-Рико, Судан, Франция, Чили, Эквадор

и др. Мировая география прошедших в 2019 г. протестов вызывает у многих аналитиков исторические ассоциации, заставляя проводить аналогии с прежними революционными эпохами. Например, колумнист «Financial Times» Гидеон Рэчман не без основания утверждает: «Определенные годы в истории — 1848, 1917, 1968, 1989 — вызывают в воображении образы уличных протестов, массовых демонстраций и революционных беспорядков. Когда историки станут оценивать 2019 год в ретроспективе, они также будут иметь основания объявить его историческим годом народных волнений»¹.

Из событий недавнего прошлого вспоминается подъем антиглобалистского движения в начале XXI в. в странах Западной Европы, который можно разделить на два этапа.

Первый (его пик охватывает примерно 2000–2005 гг.) связан с выступлениями антинеолиберального характера в форме организованных протестных акций, реализуемых параллельно со знаковыми форумами и саммитами представителей международных финансовых организаций: Всемирной торговой организации (ВТО), Всемирного банка (ВБ), Международного валютного фонда (МВФ), «Группы восьми» («Большой восьмерки», G8) и др. Поначалу проводившиеся системно и регулярно практически каждый год, к 2007–2008 гг. эти выступления утратили накал. Самыми резонансными мероприятиями данного периода стали Всемирные социальные форумы, которые впервые прошли в Бразилии (в Порту-Алегри), а затем эстафетно передавались другим странам. Антиглобалистское движение охватило в указанный период и Латиноамериканский регион, сконцентрировавшись главным образом на сопротивлении проекту Зоны свободной торговли двух Америк (Área de Libre Comercio de las Américas, ALCA) [Пятаков, 2007], однако после срыва в 2005 г. межгосударственных переговоров по этому направлению также потеряло былую интенсивность.

Современные протесты косвенно соотносятся со второй волной антиглобализма, поднявшейся в начале 2010-х годов. Тогда протестные выступления по всему миру были связаны с такими движениями, как леворадикальные испанские «Возмущенные» («Indignados») и «Захвати Уолл-стрит» («Occupy Wall Street») анархистского толка в США [Сергеев, 2018]. В 2011–2012 гг. прототипы второго движения оперативно возникли в мегаполисах преимущественно стран

¹ Rachman G. 2019: The year of street protest // Financial Times. 23.12.2019. Available at: <https://www.ft.com/content/9f7e94c4-2563-11ea-9a4f-963f0ec7e134> (accessed: 09.02.2020).

метрополий мировой системы [Коротаев и др., 2017: 151]. Получив сильный, но кратковременный международный резонанс, вторая протестная антинеолиберальная волна также постепенно утратила как организационное, так и информационное влияние. Единственным конкретно-политическим последствием стало создание испанской леворадикальной партии «Мы можем» («Podemos») [Khenkin, 2016; Astakhova, 2016].

Возникает вполне оправданный вопрос: как с выделенными волнами глобального протеста соотносятся события «арабской весны» 2011 г.? На этот счет есть разные точки зрения. Например, исследователи из НИУ ВШЭ полагают, что «арабскую весну» можно рассматривать «в качестве триггера глобальной дестабилизационной волны 2011–2015 гг., но никак не в качестве ее причины» [Коротаев и др., 2017: 164]. Отметим, что протесты типа «Оссиру» и «арабской весны» действительно не имеют в своей основе глубинной внутренней взаимосвязи, хотя и в высокой степени синхронизированы. Это выступления типологически разных подсистем глобального капитализма: первые преимущественно метрополитанской локализации, вторые — периферийной. По-видимому, «арабская весна» носила (или быстро приобрела) *субрегиональный* масштаб, обусловленный застарелыми конфликтами в Ближневосточном регионе [Социальный протест на современном Востоке, 2016], и не вызвала прямого глобального резонанса, поэтому, с нашей точки зрения, эти события выбиваются из логики *глобальных* протестов.

Глобальная протестная волна 2019 г. выступает в определенном смысле третьим «изданием» антинеолиберально-антиглобалистского движения, но с рядом принципиальных отличий. На уровне общих тенденций различие между волнами протестов касается, во-первых, особенностей взаимоотношений между левыми организациями и низовыми слоями «гражданского общества». При первых двух волнах массового подъема граждан не наблюдалось; основными целями леворадикальных акций было «пробудить» общественное сознание и создать информационный повод либо для собственного пиара, либо для стимулирования гражданской активности². Главными «действующими лицами» первых двух волн были как минимум

² Следует отметить, что латиноамериканский формат первой волны антиглобализма изначально был в высокой степени исключением из этой тенденции, поскольку политика навязывания «свободной торговли» затрагивала интересы широких масс (в частности, мелких и средних производителей). Это обусловило гораздо более широкий и массовый характер протеста против ALCA по сравнению с акциями западноевропейских антиглобалистов.

отдельные организации, как максимум — социальные движения. В современном же протестном процессе на уровне тенденции наблюдается обратное соотношение: левые организации и движения играют явно подчиненную, если не вторичную роль. В 2019 г. выступления в большинстве случаев возникали, казалось бы, спонтанно, и представители левых партий и организаций стремились, наоборот, «оседлать» и возглавить протест, который, как показывает, в частности, французская практика (неудачные попытки левых политиков Франции встать во главе «желтых жилетов»³), обходится и без лидерства.

Во-вторых, существенное отличие третьей волны антиглобалистских выступлений заключается в формах выражения протестов. В первой и второй волнах превалировали акционизм, нарочитая демонстративность, стремление эпатировать и шокировать общественность (исключение составляет, пожалуй, только эпизод с «арабской весной», который служит прообразом нынешнего протестного этапа). Налицо тенденция к усилению от этапа к этапу политизации и степени вовлеченности в реальную общественную жизнь. Антиглобализм начала 2000-х годов, по сути, был только демонстрацией недовольства и нередко походил на карнавальное самовыражение в подчас экстравагантных формах⁴, политические же последствия, если и были (отмена ALCA), определялись позициями правительств. Теперь же путем серьезных протестных действий достигаются конкретные социально-политические цели вплоть до смены власти.

В-третьих, еще одна важная отличительная черта заключается в отсутствии видимой, фиксируемой на поверхности как внешней, так и внутренней взаимосвязи между национальными «эпизодами» глобальной волны протестов в 2019 г. Первая волна антиглобализма была отчетливо подчинена внешней логике проведения саммитов и встреч транснациональных элит и представителей государств (в случае латиноамериканского антиглобализма эту функцию выполняли Саммиты Америк и другие официальные встречи). Вторая

³Pascale D. The populists trying to lure France's 'yellow vests' // Euronews. 07.02.2019. Available at: <https://www.euronews.com/2019/02/06/is-italy-s-di-maio-the-latest-politician-to-jump-on-the-yellow-vest-bandwagon> (accessed: 09.02.2020).

⁴В ходе социальных протестов в Латинской Америке против проекта ALCA и массовых шествий нередко можно было встретить шутовское обыгрывание названия самого проекта. Например, в Бразилии в 2003 г. группа демонстрантов шла с плакатом «ALCAholicos contra ALCA» (с исп. — «АЛКАголики против АЛКА»). Такой карнавальный подход был скорее правилом для всего начального антиглобализма в целом.

волна антиглобалистских протестов стала отсроченной общественной реакцией на глобальный экономический кризис 2008–2009 гг. Нынешний же мировой протестный подъем внешне выглядит как «мозаика» разрозненных и внутренне никак не связанных социальных возмущений, порожденных эндогенными факторами и особенностями развития каждого из национальных государств, в которых разворачивались протесты.

Мировые «горячие точки» в 2019 г.

В разных странах, вовлеченных в нынешнюю глобальную протестную волну, триггерами служили различные факторы, обычно — непопулярные меры властей. Кульминация протестов пришлось на осень 2019 г.: большинство выступлений происходили в октябре–ноябре, хотя ряд ярких эпизодов имели место в начале и в середине этого «горячего» года (например, в Судане, Гаити, Пуэрто-Рико и др.). Поскольку системное и исчерпывающее изучение всех случаев протеста не является предметом настоящей статьи, выделим наиболее показательные, рассмотрев более подробно латиноамериканские.

Безусловно, базовым для понимания общего характера и направленности глобальных протестов является феномен «желтых жилетов» во **Франции**. Возникнув в 2018 г. как реакция на неолиберальную внутреннюю политику правительства Эммануэля Макрона, протесты носили децентрализованный и крайне тематически размытый характер, хотя и проводились системно и регулярно [Шумаков, 2019; Бурмо, Лапина, 2019]. После периодов спада и подъема к концу 2019 — началу 2020 г. произошло тематическое оформление протестов, и они сфокусировались главным образом на недовольстве пенсионной реформой.

Соседняя **Испания** в октябре 2019 г. пережила новую волну манифестаций, длившуюся несколько недель, на фоне затяжного кризиса вокруг каталонской автономии [Яковлев, 2018]. В это время проходили судебные слушания по делу лидеров автономистов. Акции протестующих с требованиями их освобождения достигли такого накала, что впервые с 2017 г. привели к насильственным столкновениям между полицией и манифестантами, а также к блокировке аэропорта Барселоны и ряда крупных автотрасс⁵.

⁵ Las protestas derivan en una oleada de violencia en Catalunya // La Vanguardia. 16.10.2019. Available at: <https://www.lavanguardia.com/politica/20191016/471019551059/protestas-sentencia-proces-cataluna-disturbios-violencia-mossos.html> (accessed: 09.02.2020).

Протесты в странах Ближнего и Среднего Востока дали толчок процессам, вышедшим далеко за пределы региона. В **Судане** после «хлебной революции» (демонстраций на фоне повышения цен на хлеб в декабре 2018 г.)⁶ страна вошла в полосу политического кризиса, завершившегося военным переворотом в апреле 2019 г., который положил конец тридцатилетнему правлению Омара аль-Башира. **Египет**, подписав в 2016 г. соглашение с МВФ⁷ и получив к 2019 г. серию многомиллиардных кредитов, был вынужден проводить политику жесткой бюджетной экономии. В результате в сентябре 2019 г. президент Абдель Фаттах ас-Сиси столкнулся с серией стихийных протестов с требованием его отставки⁸. В **Ираке** антикоррупционные протесты, развернувшиеся с 1 октября 2019 г., по наблюдениям обозревателей, стали самыми массовыми со времен Саддама Хусейна⁹ и привели к отставке премьер-министра Адила Абдель Махди. С 17 октября волна недовольства прокатилась по **Ливану**. Катализатором протестных акций с участием около четверти населения стало решение властей о введении налога на использование мессенджера WhatsApp (одной из мер по сокращению дефицита бюджета, наиболее чувствительной для молодежи)¹⁰. Следствием общественной мобилизации здесь также стала отставка премьер-министра Саада Харири 29 октября 2019 г. В **Иране** после 15 ноября 2019 г. акции гражданского неповиновения прокатились по всем ключевым городам. Активную роль сыграло студенческое движение. Начавшись из-за повышения цен на бензин, протесты быстро приобрели политический характер с требованием усиле-

⁶ Bianchi A. Sudan's bread revolution isn't just about bread anymore // ISPI, Italia. 15.09.2019. Available at: <https://www.ispionline.it/en/publication/sudans-bread-revolution-isnt-just-about-bread-anymore-21992> (accessed: 09.02.2020).

⁷ IMF board approves Egypt's \$12 billion loan agreement, \$2.75 billion disbursed // Reuters. 12.10.2016. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-egypt-imf/imf-board-approves-egypts-12-billion-loan-agreement-2-75-billion-disbursed-idUSKBN137005> (accessed: 19.02.2020).

⁸ Protesters and police clash in Egypt for second day running // The Guardian. 22.09.2019. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2019/sep/22/protesters-and-police-clash-in-egypt-for-second-day-running> (accessed: 19.02.2020).

⁹ 'They are worse than Saddam': Iraqis take to streets to topple regime // The Guardian. 27.10.2019. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2019/oct/27/iraq-protests-aim-topple-regime> (accessed: 09.02.2020).

¹⁰ Lebanon protests: How WhatsApp tax anger revealed a much deeper crisis // BBC. 07.11.2019. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-50293636> (accessed: 10.02.2020).

ния роли светских институтов государства¹¹. В **Алжире** протесты развивались с февраля 2019 г. на фоне электорального процесса и достигли максимального накала к декабрю. Примечательно, что «схема» действий протестующих во многом копировала модель Франции: если там «желтые жилеты» собирались по субботам, то в Алжире протестным днем стала пятница. Преемник ушедшего в отставку под давлением социальных протестов президента Абделя Азиза Бутефлики — бывший премьер-министр Абдельмаджид Теббун, избранный на высший пост в декабре 2019 г., — также стал объектом атаки «протестных пятниц», динамика которых не снизилась и в 2020 г.

Нынешняя волна протестов охватила и один из самых населенных, экономически и политически значимых регионов — Южную Азию. **Пакистан** пришел в движение 27 октября 2019 г. Марш протеста из Карачи в столицу был возглавлен крупнейшей оппозиционной религиозно-консервативной партией «Джамаат Улема-е-Ислами» («Jamiat Ulema-e Islam»). Спустя четыре дня манифестанты добрались до Исламабада и на протяжении двух недель блокировали ключевую транспортную артерию с требованием отставки премьер-министра Имрана Хана, который в июле 2019 г. принял пакет экономических мер, продиктованных МВФ¹². В **Индии**, имеющей давнюю протестную традицию [Лунев, 2015], поводом для выступлений, охвативших все ключевые мегаполисы, стали поправки к закону о гражданстве, предусматривающие для немусульман из Южной Азии получение паспорта по упрощенной процедуре¹³. Протест вскоре приобрел более широкую социальную повестку, и в начале 2020 г. прошла крупнейшая в истории мирового профсоюзного движения забастовка с участием около 250 млн человек¹⁴.

Однако, пожалуй, центральным вектором глобальной протестной волны стала Южная Америка, где к концу 2019 г. волнениями были охвачены все государства Тихоокеанского побережья.

¹¹ Iran protests: Who are the opposition in the country? // BBC. 16.01.2020. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-51093792> (accessed: 18.02.2020).

¹² Five things to know about Pakistan's anti-government protests // Aljazeera. 06.11.2019. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2019/11/pakistan-anti-government-protests-191105110114858.html> (accessed: 18.02.2020).

¹³ Daniel V. Why people are protesting in India // The New York Times. 17.12.2019. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/12/17/world/asia/india-protests-citizenship-muslims.html> (accessed: 10.02.2020).

¹⁴ Grevatt M. Biggest strike in world history: 250 million Indian workers // Workers World Party. 12.01.2020. Available at: <https://www.workers.org/2020/01/45470/> (accessed: 09.02.2020).

Латиноамериканская траектория глобальной протестной волны

В Латинской Америке разворачивание социальных протестов четко обозначилось в начале 2019 г. и достигло кульминации к осени, глубоко затронув по крайней мере восемь стран. Актуальная фаза социально-политической турбулентности стала результирующей роста конфликтности по мере отката «левого поворота» и укрепления правых тенденций в региональной политике [Визгунова и др., 2017]. В первое полугодие волнения охватили Гаити и Венесуэлу, а затем переместились в пять южноамериканских, а точнее, андских государств (Эквадор, Боливию, Чили, Перу и Колумбию) и одно карибское (Пуэрто-Рико). Именно на указанную пятерку стран пришелся пик социально-политических выступлений, поэтому точнее говорить не о латиноамериканской, а об андской протестной волне. Два южноамериканских гиганта остались в стороне от этого процесса. Относительное спокойствие **Бразилии** объясняется общественной апатией после прихода к власти правого популиста Жаира Болсонару. В **Аргентине** общественное недовольство, набиравшее силу все четыре года правления сторонника неолиберализма Маурисио Макри, было канализировано в электоральное русло: на выборах в октябре 2019 г. президентом был избран перонист Альберто Фернандес. Можно только предполагать, как отреагировало бы аргентинское общество на переизбрание М. Макри или на протесты в соседних странах, если бы они не совпали с выборами, но есть основания полагать, что протестный сценарий был бы очень вероятен.

«Входными воротами» в Латиноамериканский регион для нынешней протестной волны стало небольшое и одно из самых бедных государств — **Гаити**. Здесь протестная активность проявилась уже в феврале 2019 г., а пика достигла к сентябрю. Стоит напомнить, что Гаити, будучи страной франкоязычной, особенно подвержена влиянию французских социально-политических процессов. Упав на почву социально-экономического неблагополучия, информация об активности «желтых жилетов», охватывавшей и заморские департаменты Франции в Карибском регионе (Гваделупу, Гвиану, Мартинику), усилила протестные настроения гаитян. В сентябре 2019 г. прошла всеобщая забастовка против экономических мер, инициированных президентом Жовенелем Муазом по рекомендации МВФ. Недовольство простых жителей вызвали как конкретные меры правительства, так и коррумпированность властей и их приверженность неолиберальному курсу. Кроме того, в повестку протестов

был поставлен вопрос о фактическом контроле над государством миротворческих сил ООН (главным образом бразильского контингента), находящихся в Гаити уже 15 лет. Длившиеся больше месяца протесты унесли жизни 77 гаитян.

В **Венесуэле** поводом для антиправительственных выступлений стал факт самопровозглашения спикера Национальной ассамблеи Хуана Гуайдо «временным президентом» в январе 2019 г. Получив небывалый информационный резонанс, протесты не возымели никаких внутривнутриполитических последствий. Активная фаза выступлений здесь длилась до апреля 2019 г., но потом резко сошла на нет [Розенталь, 2019]. Парадоксально, но Венесуэла, самая внутривнутриполитически накаленная все последние годы страна с активной в протестном плане праворадикальной оппозицией, во втором полугодии 2019 г. фактически выбыла из числа нестабильных государств региона.

Следующей ареной социального протеста стало **Пуэрто-Рико**. Волну демонстраций в июле 2019 г. вызвал скандал, связанный с разоблачением частных разговоров губернатора Рикардо Росельо, — так называемый TelegramGate¹⁵. Общество возмутили его гомофобские и дискриминационные высказывания. В ходе протестов, в популяризацию которых внесли большой вклад примкнувшие к ним медийные личности (например, поп-певец Рикки Мартин), Р. Росельо 24 июля подал в отставку. В истории Пуэрто-Рико это стало первым случаем досрочного ухода губернатора с поста с момента проведения первых выборов в 1947 г.¹⁶

В начале октября 2019 г. «грянули» социальные протесты в **Эквадоре**. Поводом стала отмена субсидирования цен на топливо, предусмотренная соглашением с МВФ как условие выдачи кредита. Более подробно эквадорский эпизод будет рассмотрен далее. Он запустил в Латинской Америке протестную волну, по охвату и остроте противостояния не имеющую аналогов в новейшей политической истории региона.

Параллельно с эквадорскими протестами в соседнем **Перу** проходили манифестации против принятого 30 сентября 2019 г. решения президента Мартина Вискарры о роспуске парламента. Однако политический кризис не вызвал пока протестных акций

¹⁵ Una guía para las revelaciones del #TelegramGate // Noticel. 13.07.2019. Available at: <https://www.noticel.com/ahora/gobierno/una-guia-para-las-revelaciones-del-telegram/1094937599> (accessed: 18.02.2020).

¹⁶ Ricardo Rosselló anunció su renuncia a la gobernación de Puerto Rico // The New York Times. 24.07.2019. Available at: <https://www.nytimes.com/es/2019/07/24/espanol/america-latina/rossello-renuncia-puerto-rico.html> (accessed: 18.02.2020).

такого размаха и накала, как у соседей. Причина, очевидно, состоит в том, что конфликт ветвей власти носил узкокорпоративный характер и не затрагивал экономических интересов широких масс. Тем не менее Перу можно отнести к зоне социально-политической турбулентности.

Параллельно с эквадорскими волнениями начались масштабные протесты в **Чили**. Формальной их причиной стало повышение стоимости проезда в метро с 800 до 830 песо (с 67 до 70 рублей) — мера, неосмотрительно принятая властями в самый разгар протестов в Эквадоре — 6 октября. На следующий день чилийские студенты в массовом порядке стали брать станции метро штурмом и проникать туда без оплаты билета. Буквально за неделю в акции гражданского неповиновения были вовлечены и другие слои населения, протесты выплеснулись на улицы и быстро достигли максимальной степени эскалации (стычки с карабинерами, поджоги банков, разрушение станций метро и т.п.). Природа нынешних протестов в Чили усматривается в прорыве недовольства, накопленного за долгие годы неолиберального курса. Ключевым лозунгом протестующих стал слоган «дело не в 30 песо, а в 30 годах» (прошедших с момента падения режима Аугусто Пиночета). Весьма противоречивая внутренняя политика левоцентристских правительств способствовала консервации унаследованных от диктатуры социальных проблем, а приход к власти правых стимулировал их обострение [Дьякова, 2018]. Протесты в Чили стали выражением голоса молчаливого большинства, которое не было представлено в большой политике. На улицы вышли те, кто разочаровался в электоральной демократии. В последние годы в Чили довольно высок уровень абсентеизма, в результате чего Себастьян Пиньера, избранный в 2017 г., является, по сути, президентом меньшинства: из 14 млн чилийцев, имевших право голоса, его поддерживали только 3,8 млн. Чилийские протесты принципиально отличаются от остальных незавершенностью и неопределенностью перспектив. После попытки властей урегулировать ситуацию (отмены повышения тарифов и смены ряда лиц в правительстве) противостояние продолжилось с требованием глубокой политической реформы. Власти пошли на уступки, согласившись провести в апреле 2020 г. плебисцит по реформе Конституции, однако любое неверное решение грозит новым социальным взрывом. Чилийскую протестную динамику можно рассматривать как классический пример реализации трансформационного подхода в конфликтологии, согласно которому конфликт не разрешается, но переходит в новые формы [Mitchell, Christopher, 2002].

Соседнюю **Боливию** социально-политический кризис охватил после всеобщих выборов 20 октября 2019 г. В результате трехнедельных протестов преимущественно средних слоев, а также вмешательства военных переизбранный президент Эво Моралес был вынужден уйти в отставку [Чернышев, 2020]. Неожиданность взрыва усиливалась тем, что в последние годы экономика Боливии демонстрировала поступательный рост, а социальные программы достаточно эффективно решали проблему бедности [Воротникова, 2019]. Ключевую роль сыграли факторы сугубо политического и даже социально-психологического характера: резкое ухудшение международного положения левого правительства, стремление среднего класса вывести на политическую арену своих представителей и др. Боливийские события актуализировали проблематику государственных переворотов и привели к сужению левого сегмента в регионе (одним из первых внешнеполитических решений новых «властей де-факто» стал выход из Боливарианского альянса)¹⁷.

Заключительным «аккордом» южноамериканской фазы потрясений 2019 г. стали протесты в **Колумбии**, начавшиеся в конце ноября. К концу декабря 2019 г. страна пережила три общенациональные забастовки и серию «кастрюльных маршей» (исп. — *cacerolazo*)¹⁸. По мнению российского политолога М.Г. Абрамовой, «обострение было вызвано заявлением нескольких бывших партизанских лидеров Вооруженных сил Колумбии (FARC) о том, что они возобновят вооруженную борьбу» [Абрамова, 2020: 122]. С нашей точки зрения, внутри Колумбии не было четкого триггера нынешней фазы протестов. Можно сказать, сами волнения в Эквадоре и Чили выступили в роли колумбийского «детонатора». Вместе с тем протесты стали следствием комплекса внутренних факторов, таких как громкие коррупционные дела в высшем эшелоне власти, систематические убийства общественных лидеров и представителей политических движений, диаметральный разворот властей в отношении мирного соглашения с FARC, сокращение участия государства в ряде сфер экономической и общественной жизни. Протестный подъем в Ко-

¹⁷ Bolivia anuncia su retiro de la Alba y analiza su salida de Unasur // EFE. 15.11.2019. Available at: <https://www.efe.com/efe/america/politica/bolivia-anuncia-su-retiro-de-la-alba-y-analiza-salida-unasur/20000035-4112073> (accessed: 19.02.2020).

¹⁸ Традиционные для многих стран Латинской Америки мирные уличные манифестации, во время которых средством выражения недовольства является битье по кастрюлям. В Колумбии помимо шествий подобного рода протестующие устраивали аналогичные митинги напротив здания Национального конгресса в целях психологического давления на власть.

лумбии, как и в Чили, продемонстрировал, как может прорываться накопленное за десятилетия общественное недовольство. Власти пошли на уступки, согласившись пересмотреть ряд законов, в частности трудовое законодательство, однако, как и в случае с Чили, паллиативные меры не выводят конфликт из открытой фазы.

Здесь перечислены лишь самые резонансные из протестных выступлений в регионе, «за скобками» оставлены крупные социально-политические потрясения 2019 г. в Гватемале, Гондурасе, Доминиканской Республике, Коста-Рике, Панаме, Парагвае. Из обзора видно, что «общего знаменателя», который послужил бы причинной основой протестов, у отдельных страновых случаев нет и налицо доминирование факторов эндогенного характера. Вместе с тем две особенности указывают на то, что феномен глобальной протестной волны 2019 г. — явление не случайное, но представляющее собой сложный и пока не до конца познанный процесс.

Первая из указанных особенностей — полная (в подавляющем большинстве случаев) неожиданность происходящего для властных элит государств, где наблюдались протесты. Растерянность, стремление пойти на уступки, невозможность быстро погасить протестные выступления силой, желание как можно скорее сбить волну недовольства и перевести события в спокойное русло — вот чем характеризовались действия властей, столкнувшихся с волнениями. Российский латиноамериканист Л.С. Окунева не без основания отмечает: «Без явных лидеров, зачастую имея молодежную социальную базу, массовые манифестации стали неожиданными и поразили не только собственные правительства, но и весь мир своим напором и интенсивностью» [Окунева, 2020: 8]. Иными словами, субъективный фактор политики в лице властей, традиционной оппозиции и в целом политического истеблишмента столкнулся с неподконтрольным и стихийным общественным процессом, воздействовать на который быстро и без крайне негативных последствий оказывается просто невозможно.

Вторая важная особенность протестов 2019 г. — практически синхронное разворачивание массовых выступлений во многих странах. Неслучайно некоторые обозреватели квалифицировали волну как «протестный вирус, распространяющийся по миру»¹⁹. Одновременность глобальных протестов, особенно отчетливо продемонстри-

¹⁹El virus de la protesta se extiende por el mundo // La Vanguardia. 01.12.2019. Available at: <https://www.lavanguardia.com/internacional/20191201/471949650735/virus-protestas-mundo.html> (accessed: 15.02.2020).

рованная в Латиноамериканском регионе, есть признак единства внешне различных и разрозненных событий. В географии распространения «вируса» можно четко выделить траекторию его движения и увидеть культурно-миграционный механизм, лежащий в его основе. Начавшись во Франции в 2018 г., протесты переместились на Ближний Восток и в Северную Африку. Самые бурные выступления в 2019 г. наблюдались в Алжире и Ливане — бывших французских владениях, где и по сей день сохраняется мощное социокультурное влияние экс-метрополии. Миграционные потоки в Латинскую Америку из арабского мира в целом и из этих государств в частности имеют давнюю историю [Борзова, Савичева, 2017; Кудеярова, 2017]. Например, латиноамериканская диаспора в Ливане составляет, по оценкам, от 10 до 12 млн человек и значительно превосходит население исторической родины²⁰. В целом же количество мигрантов арабского происхождения и их потомков в странах, вовлеченных в протестную волну, довольно весомо: в Колумбии — 1,5 млн человек, в Чили — 800 тыс., в Эквадоре — 250 тыс. Есть основания полагать, что миграционный фактор внес существенный вклад в «экспорт» протестных настроений. Таким образом, в определенной степени можно говорить о процессе «интернационализации» протеста «желтых жилетов». На факт связи между французскими и мировыми протестами обращают внимание ряд авторов. Например, исследователь из испанского «мозгового центра» CIDOB²¹ Эдуард Солер отмечает: «Цикл мобилизаций, которые интенсифицировались во второй половине 2019 г. прежде всего в Латинской Америке, имеет в качестве отправной точки протесты “желтых жилетов” во Франции. В 2019 г. во многих протестах имело место их копирование. Это очень разные протесты, например, одни — против авторитарных режимов, другие против демократических правительств, одни протесты с высоким уровнем насилия, другие — нет»²². Вне Латинской Америки, но в Западном полушарии эффект «желтых жилетов» отмечен в Канаде,

²⁰ Más de 10 millones de libaneses empujan el crecimiento social y económico de América Latina // INFOBAE. 25.06.2014. Available at: <https://www.infobae.com/2014/06/25/1575973-mas-10-millones-libaneses-empujan-el-crecimiento-social-y-economico-america-latina/> (accessed: 15.02.2020).

²¹ Барселонский центр по международным делам (Barcelona Centre for International Affairs).

²² El metro, el pan, el WhatsApp: las grandes protestas de 2019 comenzaron con una chispa de desigualdad // El Diario. 22.12.2019. Available at: https://www.eldiario.es/internacional/metro-whatsapp-chispa-protestas-desigualdad_0_976052626.html (accessed: 15.02.2020).

где французская диаспора обладает большим общественным весом. Здесь возникло одноименное протестное движение, правда, с противоположной — праворадикальной — повесткой [Кузнецова, 2019].

Бывший экономист Всемирного банка Б. Миланович, комментируя феномен синхронности, отмечает, что глобальные протесты не направлены против глобализации, «но порождены самой глобализацией»²³. С этим мнением можно согласиться. Действительно, в отличие от первых волн анти- и альтерглобализма, теперь недовольство не концентрируется на самом феномене глобализации, а носит более конкретный и сфокусированный характер. Вместе с тем было бы преждевременно квалифицировать глобальную волну недовольства как «глобализацию протеста», поскольку такой формат предполагает наличие прямых и непосредственных связей между протестными очагами, в частности выражение солидарности, согласование действий и т.д. Пока же каждый случай, при всей объективной международной обусловленности, субъективно носит замкнутый на себя характер. Происходит, образно выражаясь, «взрыв вулканов» без видимой взаимосвязи и осознанного взаимодействия. Тем не менее стоит признать, что, существуя в едином информационном и международном пространстве, каждый протестный случай объективно не может быть изолирован от другого. Несмотря на то что страновые всплески недовольства происходят без прямой апелляции друг к другу, внешне они выглядят единым процессом. На языке социальной философии такой феномен можно обозначить как «латентное единство».

Многие аналитики, стремясь выявить причины активизации протестов в мире в целом и в Латинской Америке в частности, указывают на факторы социального и экономического характера. Самые популярные объяснения — рост разрыва доходов как в глобальном, так и в латиноамериканском масштабе, а также пробуксовка неолиберальных методов управления, формируемых международными финансовыми институтами по единым лекалам²⁴. Имущественная поляризация влечет за собой рост социальной напряженности, которая находит протестный «выход» под воздействием специфических для каждого государства триггеров. Что же касается неоли-

²³ 2019: La revuelta global contra el aliento de lo irreparable // La Voragine. 28.12.2019. Available at: <https://lavoragine.net/2019-la-revuelta-global-contra-el-aliento-de-lo-irreparable/> (accessed: 20.02.2020).

²⁴ Lafuente J. La desigualdad moviliza a América Latina // El Pais. 27.10.2019. Available at: https://elpais.com/internacional/2019/10/26/america/1572112346_368643.html (accessed: 20.02.2020).

беральных рецептов МВФ и Всемирного банка, то данный фактор действительно оказался самым повторяющимся в роли протестного «детонатора» (Эквадор, Пакистан, Гаити, Египет). Нисколько не подвергая сомнению важность обоих факторов и разделяя мнение, что растущее неравенство вносит немалый вклад в эскалацию социальной конфликтности, предложим несколько иную исследовательскую стратегию с целью задать более высокий аналитический регистр в подходе к данному вопросу. С нашей точки зрения, проблема глобальных протестов носит комплексный характер, пониманию которого наиболее отвечал бы междисциплинарный подход, включая социально-философский аспект.

Понятие «социальная сингулярность» и его объяснительный потенциал в свете глобальных протестов

Феномен глобальных протестов 2019 г. еще станет предметом политологических исследований, здесь же хотелось бы выдвинуть ряд теоретических гипотез, которые еще предстоит доказать или опровергнуть будущей практикой глобальных социальных действий.

Признак синхронности, безусловно, можно вывести из общих тенденций современных международных отношений: усиления взаимосвязи глобальных экономических (транснационализация мировой экономики) и политических процессов, интенсификации межконтинентальных и внутрирегиональных миграционных потоков, экспоненциального роста скорости передачи информации с помощью глобальных социальных сетей. Однако каждый из указанных факторов в отдельности недостаточен для полного объяснения происходящего.

По всей видимости, мир имеет дело с кумулятивным, синергетическим эффектом данных факторов, который приводит глобальную социальную сферу в принципиально новое качественное состояние. Важнейшими его характеристиками выступают уровень и глубина взаимосвязи глобальных социальных отношений, а также скорость распространения социальных процессов в мировом масштабе. Большинство глобальных процессов уже характеризуются online-режимом функционирования. «Online-процессы» уже давно освоены мировой финансовой сферой, можно также говорить и о функционировании мировой политики в формате online. Если в области финансов речь идет о супервысокой скорости транзакций, когда одним кликом «мыши» можно перевести капиталы с одного континента

на другой, в мировой политике — о синхронном взаимодействии в принятии политических решений, то в глобальной социальной сфере — о высокой скорости *распространения социальных процессов*, включая протестные. Нынешняя волна протестов дает основания предполагать, что мир вступает в такую фазу, где существует глобальная «социальная online-сфера». Интернет и соцсети выступают проводниками и средствами обеспечения такого качественно нового состояния. Например, исследователи НИУ ВШЭ, оперируя крайне удачным и эвристичным понятием «глобальная информационная связность», полагают, что «арабская весна», будучи проявлением «фазового перехода» мир-системы, была подготовлена ростом влияния именно этого фактора [Коротаев и др., 2016: 117].

Существенно расширить аналитическое пространство, в котором может быть осмыслен феномен высокой скорости распространения в глобальном масштабе социальных процессов (и протестов 2019 г. как их конкретно-исторического проявления), можно путем использования такого социально-философского понятия, как «социальная сингулярность» (или «историческая сингулярность»). Данный термин введен футурологом Максом Бордерсом в книге с одноименным названием [Borders, 2018]. В исследовании рассмотрен «веер» глобальных социальных последствий процессов децентрализации, в том числе в государственно-политической плоскости. В целом данный подход укладывается в парадигму эрозии государства как института мировой политики, сформулированную японским политологом Кеничи Омаэ [Ohmae, 1999] и выступающую в конечном счете теоретическим обоснованием гегемонистской роли транснациональных структур в мировой конкуренции с этатистскими акторами. Предложенная далее трактовка «социальной сингулярности» имеет лишь внешнее, терминологическое сходство с подходом М. Бордерса.

Данное понятие можно рассматривать по аналогии с естественно-научным (физическим) термином «космологическая сингулярность». При всей метафоричности и очевидных ограничениях терминологического переноса из космологии в социологию данное понятие обладает объяснительным потенциалом. Опыт подобной аналогии уже есть — это набирающий научную популярность термин «технологическая сингулярность», применяемый и в гуманитарных исследованиях [Попова, Абрамова, 2018], но здесь затрагивается иной ракурс. Напомним, что в физике под точкой «космологической сингулярности» понимается бесконечно плотное начальное состояние материи до момента Большого взрыва, характеризующееся

бесконечно высокими значениями температур. Развивая этот образ и переложив два параметра «космологической сингулярности» — плотность и температуру — на глобальное общество, можно предположить следующее.

Во-первых, современный мир находится в состоянии максимальной «плотности социальной материи», невиданной ранее в истории человечества. Интернет и трансконтинентальные информационные коммуникации фактически сужают мировое пространство до размеров «глобальной деревни», а то и «квартиры», где можно online, буквально «как на кухне», пообщаться с человеком в другой точке планеты. Этим обусловлены фактическая синхронность и взаимосвязанность большинства социальных, экономических и политических процессов. Есть еще один аспект возрастания социальной плотности современного общества, недавно обнаруженный Пентагоном. Речь идет не просто об информационной плотности, но буквально о физической плотности социальной действительности. Имеется в виду не экспоненциально развивающийся процесс урбанизации, а «сжатие» самого физического пространства современного общества, связанное с развитием транспортных технологий. Недавно в США сделали заявление, что появилась возможность доставить любого человека в любую точку Земли не более чем за час²⁵. Подобные сверхскоростные технологии способны «сжать» человечество до немыслимых ранее масштабов. Пока область применения этих технологий, по всей видимости, сугубо военная (как первоначально и интернета), но мы знаем, сколь быстро военные технологии перекачываются в гражданскую сферу. Какие это повлечет последствия — вопрос открытый.

Во-вторых, можно говорить о неуклонном повышении «социальных температур» во многих регионах, в первую очередь в Латинской Америке, в арабском мире, частично в Азии (Гонконг, Пакистан, Индия) и Западной Европе («желтые жилеты» во Франции, Каталония). Катализаторами этого процесса выступают местные уникальные факторы (как в случае обусловленности протестов в разных странах), но тот факт, что мир входит в новую фазу социальной накаленности, — объективная реальность. Речь идет о росте «температур» и напряженности не столько в сфере межгосударственного взаимодействия, сколько в плоскости отношений «власть—общество».

²⁵ Tingley B. Recently retired USAF general makes eyebrow raising claims about advanced space technology // The WarZone. 11.12.2019. Available at: <https://www.thedrive.com/the-war-zone/31445/recently-retired-usaf-general-makes-eyebrow-raising-claims-about-advanced-space-technology> (accessed: 15.02.2020).

Синергия двух данных факторов дает новое качество социальной мобилизации, что эмпирически подтверждает опыт глобальных протестов. Социальная активность в таких условиях может оперативно разворачиваться как во времени, так и в пространстве (включая социальное): а) молниеносно под воздействием, казалось бы, не критически важных факторов и триггеров; б) вовлекая в свою орбиту максимально широкие социальные слои. Французские исследователи из Института стратегических международных отношений (L'Institut de relations internationales et stratégiques, IRIS), анализируя глобальные протесты в статье «Почему столько людей протестуют сразу?», квалифицируют движения, вовлеченные в волну, как «межклассовые» (*interclasistas*) [Billion, Ventura, 2020: 44]. С нашей точки зрения, более корректно, исходя из стратификационного подхода, было бы обозначать их как «межстратовые», поскольку понятие «класс» имеет устоявшееся марксистское содержание, однако мысль авторов понятна. Действительно, у большинства вовлеченных протестных движений нет четкого авангарда, они максимально разнородны с очень широкой социальной базой. Примером могут служить как французские «желтые жилеты», так и протестные акторы в Эквадоре (что будет показано далее).

Поскольку глобальная социальная материя характеризуется новым качеством как социальной плотности, так и социальных «температур», не приходит ли на смену некогда популярной «теории» Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории» новая парадигма? Условно ее можно назвать «исторической сингулярностью» или «новым началом истории». Однако здесь мы входим в область более широкого историко-философского исследования.

В свою очередь гипотеза о новом качестве глобальной социальной сферы, теоретически описываемом понятием «социальная сингулярность», позволяет выдвинуть гипотезу второго порядка. Возникшее качество «социальной сингулярности» в среднесрочной перспективе может стать фактором формирования феномена «прозрачности» глобальных социальных отношений. Термин «прозрачность» применительно к социальной сфере введен отечественным философом-марксистом Е.Н. Харламенко. В диссертационном исследовании, посвященном производственным и социальным отношениям, автор дает концептуальное определение: «Под “прозрачностью” здесь понимается внешнее, т.е. непосредственно наблюдаемое либо требующее минимального анализа и обобщения, проявление производственных отношений, наиболее соответствующее внутреннему содержанию; отсутствие объективной видимости, заслоняющей

сущность» [Харламенко, 2003: 22]. В данном случае имеется в виду Великобритания в период ее становления как «мастерской мира» в XVIII в., однако исследователь приводит и ряд других примеров такого рода «прозрачности» — от античных Афин и Рима до российского рабочего движения начала XX в. Показательно, что во все подобные моменты, связанные чаще всего с «классическими» эпохами всемирной истории, социальные отношения формировались «на основе отношений производства всемирно-исторического масштаба» [Харламенко, 2003: 22]. Возможно, нынешние глобальные волны протестов на практике прокладывают путь к обретению свойства «прозрачности» социальными отношениями, складывающимися уже в качественно новом масштабе — общемировом. Данную теоретическую гипотезу представляется уместным высказать в тот исторический момент, когда в мире происходит «кипение» в самой социальной сфере.

В последние годы в академических дискуссиях все чаще звучит констатация современной эпохи как переходной. Так, член-корреспондент РАН В.М. Давыдов отмечает, что ситуация на мировой арене «теперь кардинально осложняется втягиванием мирового сообщества в глобальный переход, ведущий к качественно иному режиму воспроизводства мировой экономики и системы международных отношений, в основе чего находится кардинальная смена технологической парадигмы. <...> Начавшийся переход впервые столь глубоко и радикально преобразует производственный базис, общественную среду, каждодневный быт и даже духовную атмосферу, короче, весь механизм развития» [Давыдов, 2019: 37]. Представляется, что понятие «социальная сингулярность» отражает новый аспект состояния переходности современного мира.

Изложенное содержание понятия не претендует на окончательность и высказано в режиме поисковой гипотезы. В ответ на возможную критику касательно того, что оно слабо эмпирически редуцировано и трудно поддается «замеру», отметим, что, с нашей точки зрения, уже сам факт волны глобальных протестов выступает как эмпирическое проявление состояния сингулярности в социальном аспекте. При этом было бы некорректно ставить знак равенства между феноменами «социальной сингулярности» и глобальных протестов. Первое понятие намного шире, а второе выступает лишь частным конкретным модусом его проявления. С нашей точки зрения, в том же методологическом ключе может быть рассмотрена и глобальная эпидемия COVID-19 в 2020 г. И здесь на первый план выходит уже другой, глобальный социально-медицинский модус

«социальной сингулярности», однако анализ данного аспекта выходит за предметные рамки статьи.

Далее мы детально рассмотрим эквадорский кейс как органичную часть латиноамериканских и глобальных протестов и проанализируем его в контексте сформулированной гипотезы.

Эквадорский социально-политический кризис: предпосылки, причины, динамика протестов

Эквадорский case-study показателен по ряду моментов. Во-первых, массовые выступления в этой андской стране стали «точкой входа» латиноамериканской протестной волны в наиболее острую фазу (октябрь–декабрь 2019 г.) и в определенной мере послужили примером для соседей. Во-вторых, цикл протестов в Эквадоре претерпел полную эволюцию конфликта в его классической схеме — от возникновения до относительной нормализации. Кульминационная фаза эскалации пришлась на короткий промежуток времени — 3–12 октября 2019 г. Наконец, в-третьих, данный протестный эпизод выступает ярким примером для иллюстрации состояния «социальной сингулярности» в национальном масштабе. Действительно, здесь в максимально сжатом временном промежутке произошла конвергенция всех указанных ранее характеристик: высокая скорость распространения протестных процессов в сочетании с достигшими максимума «социальными температурами» привела к всеобщей мобилизации и формированию межстратового коллективного субъекта протеста. Для того чтобы понять контекст социального взрыва, рассмотрим подробнее предпосылки конфликта.

С 2007 г. в Эквадоре развивался процесс социально-политических преобразований, названный «Гражданской революцией»²⁶ и составлявший часть «левого поворота». Президенту Рафаэлю Корреа удалось увеличить отчисления транснациональных нефтяных компаний в пользу государства, осуществить широкие социально-экономические программы, значительно снизить уровень бедности. Однако преобразования по сравнению с Венесуэлой и Боливией не были столь радикальными, прежде всего в силу объективных причин: особо тесной привязки экономики к «северному соседу» (валютной единицей страны еще с 1999 г. является доллар США) и геополитического окружения (оба сухопутных соседа — Колумбия и Перу — были далеки от «левого поворота»). В Эквадоре не было

²⁶ Период президентства Рафаэля Корреа (2007–2016) принято называть «Гражданской революцией».

масштабных национализаций, политическая оппозиция сохранила значительное влияние, выразившееся особенно во владении крупными СМИ и медиахолдингами. В отличие от других стран «левого поворота», не удалось создать сильной левой партии, способной обеспечивать обратную связь власти с обществом. Основанное Р. Корреа в 2006 г. широкое движение «Альянс за гордую и независимую Родину» (Alianza-PAIS, аббревиатура означает «СТРАНА») даже после преобразования в партию оставалось идейно и политически разнородным, что не могло быть компенсировано жесткой вертикалью руководства. Вакуум заполнялся традиционной в Эквадоре крайней персонализацией политики и власти, а отчасти — активностью низовых социальных движений, то поддерживавших власть, то вступающих с ней в острые конфликты.

После 10 лет относительного внутривнутриполитического спокойствия в Эквадоре началась полоса кризиса. Рубиконом стали всеобщие выборы 2017 г. Р. Корреа удалось закрепить в Конституции право президента на переизбрание, но сам он им не воспользовался. Выдвижение преемника характеризовалось напряженной, хотя преимущественно негласной внутривнутрипартийной борьбой, предвосхищавшей углубление политического кризиса. В итоге «партией власти» был выдвинут Ленин Морено (вице-президент во время первого мандата Р. Корреа, работавший затем в одной из структур ООН). Разрыв с соперником на выборах — банкиром-мультимиллионером Гильермо Лассо — оказался минимальным: 51,15 против 48,65% [Пятаков, 2017]. На протяжении нескольких дней власти не оглашали результатов, что спровоцировало массовые протесты оппозиции с требованиями пересчета голосов. Возле помещения избирательной комиссии был развернут палаточный лагерь сторонников Г. Лассо, его партии CREO (в переводе с испанского — «Создавая возможности») и других правых организаций. Индейское население, традиционно мощный фактор во внутренней политике Эквадора²⁷, в этих протестах не участвовало. Тем не менее страна оказалась на грани государственного переворота (как тогда могли развиваться события, наглядно демонстрирует постэлекторальный кризис в Боливии в октябре 2019 г.). Только согласие власти назначить второй тур выборов и,

²⁷ Эквадор — крайне неспокойная в политическом плане страна, о чем свидетельствует ее недавняя история: с 1996 по 2005 г. сменилось восемь президентов, и ни одному из них не удалось завершить свои полномочия в срок. Индейский фактор был главным при смене правительств в истории страны дважды: он сыграл ключевую роль в уходе с поста президента Х. Мауада в 2000 г. и в отставке Л. Гутьерреса в 2005 г.

главное, обещания общенационального диалога, данные Л. Морено, вернули ситуацию в русло видимой стабильности. Экс-президент Р. Корреа после завершения выборов эмигрировал в Бельгию, где планировал заниматься научной деятельностью и проводить время в кругу семьи, однако спокойной жизни дальнейшее развитие ситуации ему не принесло.

Даже после победы на выборах Л. Морено не мог не ощущать опасности если не переворота, то повторения венесуэльской ситуации — затяжного противостояния с оппозицией и введения международных санкций, особенно пагубных для долларизованной экономики Эквадора.

Неблагоприятный международный фон и внутреннее соотношение сил неизбежно сказались на траектории политического процесса. Сторонники «Гражданской революции» предупреждали нового президента об угрозе стабильности политической системы, но у него фактически не было иного выхода: либо жесткий конфликт с оппозицией на фоне победы с небольшим перевесом, либо диалог с «партнерами», ставящими власти свои условия.

Падение цен на нефть на мировом рынке стало еще одним фактором сдвига вправо в Эквадоре, для которого продажа углеводородов всегда была существенной статьей госбюджета [Шинкаренко, 2019]. С 2017 г. требовалось ежегодно от 8 до 10 млрд долл., чтобы сохранять положительную динамику экономики и иметь возможность платить по внешним долгам²⁸. Поиск источников дополнительного финансирования вынудил правительство Л. Морено снять табу на сотрудничество с МВФ, что соответствовало условиям оппозиции, и реализовать ряд непопулярных мер, включая сокращение на 10% зарплат в госсекторе. Первый визит представителей МВФ в Эквадор для «консультаций» состоялся в июне 2018 г. Вскоре после переговоров последовала новая серия мер «жесткой экономии». В декабре 2018 г. было принято решение о постепенном уменьшении количества министерств вдвое (с 40 до 20), в бюджете на 2019 г. существенно сокращалось финансирование социальной сферы (образования — на 375 млн, здравоохранения — на 194 млн, социальных выплат малоимущим — на 132 млн), впервые в современной истории Эквадора произошло незначительное повышение цен на бензин и дизельное топливо. Данные меры спровоцировали первую вспышку социаль-

²⁸ Lenín Moreno: 'Nunca promoveremos paquetazos' // Telegrafo. 01.08.2017. Available at: <http://www.eltelegrafo.com.ec/noticias/politica/2/presidente-pide-ayuda-ciudadana-para-la-cirugia-mayor-a-la-corrupcion> (accessed: 20.02.2020).

ных протестов. В 2019 год Эквадор вошел в крайне нестабильном положении.

Параллельно с экономическими реформами, вынужденно неолиберального характера, шел процесс демонтажа сложившейся за годы правления Р. Корреа политической системы. Сразу после инаугурации Л. Морено начал антикоррупционную кампанию (точнее, был вынужден включиться в международный процесс, инициированный правящими кругами США и Бразилии). Наиболее громкое дело касалось вице-президента Хорхе Гласа, с которым Л. Морено вместе участвовал в выборах. Х. Гласу, как и ряду политиков других стран региона, было вменено в вину получение взяток от бразильской строительной компании «Odebrecht». Прокуратура опиралась на поступившие из США данные о получении Х. Гласом 13,5 млн долл. за оформление пяти контрактов с 2012 по 2016 г., когда он руководил соответствующими направлениями экономической политики. Обвинение, которое Х. Глас и Р. Корреа считают юридически некорректным, фактически ставило под удар и экс-президента. На этом основании сначала Х. Гласу сократили полномочия, а затем он и вовсе был снят с занимаемой должности и заключен под стражу. В декабре 2017 г. он был приговорен судом к шести годам заключения. Многие в Эквадоре и других государствах региона продолжают ставить под сомнение юридическую сторону дела и рассматривают его как акт политической борьбы с давним конкурентом. Политическое пространство страны резко раскололось на сторонников Л. Морено и защитников Р. Корреа и Х. Гласа. Л. Морено встретил полное одобрение лидеров оппозиции и резкую критику экс-президента, обвинившего преемника ни больше ни меньше как в предательстве²⁹. Оппоненты Л. Морено заговорили о «правом повороте» внутри «левого поворота». Р. Корреа регулярно публиковал твиты, резко критикуя преемника³⁰. Между бывшим и действующим президентами развернулась настоящая вербальная война.

В декабре 2017 г. корреистское большинство в руководстве правительственной партии сместило Л. Морено с поста ее лидера. Однако сторонники президента, мобилизовав все ресурсы, сумели взять ре-

²⁹ Correa define a Moreno como un ‘traidor’ // Notimerica. 13.04.2018. Available at: <https://www.notimerica.com/politica/noticia-correa-define-moreno-traidor-advierete-hay-ecuador-ya-no-puede-llamar-democracia-20180413091306.html> (accessed: 05.04.2020).

³⁰ Crisis en Ecuador: Lenín Moreno vs. Rafael Correa, los antiguos aliados cuya enemistad divide al país // BBC News Mundo. 10.10.2019. Available at: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-49987257> (accessed: 05.04.2020).

ванш. Обозначился раскол во фракции Alianza-PAIS в Национальной ассамблее: за Р. Корреа выступили 28 депутатов, покинувшие посты в парламенте. Виднейшие сподвижники экс-президента — бывший министр иностранных дел Рикардо Патиньо, бывшая председатель Национальной ассамблеи Габриэла Риваденейра и другие — были в итоге смещены с партийных и парламентских постов (первый под угрозой тюрьмы был вынужден эмигрировать в Мексику). Экспрезидент остается за пределами государства, поскольку в стране ему грозит судебное преследование. Его сторонники, утратив большинство в руководстве партии, решили создать новую политическую организацию — «Движение гражданской революции». Р. Корреа позиционирует ее как ведущую оппозиционную силу в отношении действующего президента. К концу 2019 г. движение, не сумев зарегистрироваться в качестве политической партии, вошло в состав парламентской партии «Сила социального обязательства» («Fuerza compromiso social»), представленной в Национальной ассамблее 29 депутатами (вторая по численности фракция после Alianza-PAIS — 40 мандатов). Так некогда близкие соратники превратились в жестких политических антагонистов. Партия власти, утратив из-за раскола твердое большинство в парламенте, стала еще больше нуждаться в поддержке правой оппозиции.

Внутриполитические пертурбации сопровождались крупными сдвигами во внешней политике. Предвестником последовавшей смены курса стала выдача властям Великобритании основателя WikiLeaks Джулиана Ассанжа по запросу спецслужб США [Галибина-Лебедева, 2019]. Л. Морено пошел на явное сближение с Вашингтоном: после визита госсекретаря Майка Помпео в июле 2019 г. было заключено соглашение, предоставляющее возможность американским военным самолетам использовать аэропорт на Галапагосских островах для проведения военных учений³¹. Де-факто данный шаг находился в рамках традиционной для латиноамериканских армий тенденции зависимости от Пентагона [Манухин, 2019]. В августе 2019 г. Эквадор вышел из состава Боливарианского альянса (Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA), в сентябре — из Союза южноамериканских наций (Unión de Naciones Suramericanas, UNASUR). Оба интеграционных объединения были важными региональными компонентами «левого

³¹ Tamayo E. Galápagos, ¿de patrimonio de la humanidad a portaviones de EEUU? // ALAI. 11.07.2019. Available at: <https://www.alainet.org/es/articulo/200761> (accessed: 24.02.2020).

поворота». Затем последовало демонстративное снижение уровня отношений с Кубой, с которой Эквадор 27 лет поддерживал тесные связи по линии развития здравоохранения [Борейко, 2018]. В ноябре 2019 г. кубинским медикам предложили покинуть страну³². Таким образом, стремительно были осуществлены кардинальный разворот внешнеполитического курса и слом выработанных годами матриц международного взаимодействия.

В феврале 2019 г. МВФ и правительство Л. Морено заключили предварительное соглашение о предоставлении кредита в 4,2 млрд долл., а в марте Эквадор получил первый транш в 652 млн долл.³³ Через полгода прошел очередной раунд переговоров с кредитной организацией, на котором представители МВФ озвучили программу структурных реформ до 2021 г. Страна вышла на «финишную прямую» к «горячему» октябрю 2019 г.

1 октября 2019 г. Л. Морено объявил о принятии самого крупного пакета мер «жесткой экономии», включавших массовое сокращение госслужащих, урезание зарплат и отпусков, уменьшение социальной поддержки малоимущих, либерализацию цен на топливо и газ, которые ранее субсидировались государством и обходились в 1,3 млрд долл. ежегодно³⁴. Подобные меры привели бы к подорожанию бензина на 60%, дизельного топлива на 200%. В свою очередь это спровоцировало бы рост цен на продукты питания, одежду и пр. и тем самым затронуло бы коренные интересы широких слоев эквадорского общества. Особенно чувствительной для широких масс оказалась отмена субсидий на бытовой газ. На следующий день ведущий профсоюз — Единый фронт трудящихся (Frente Unitario de Trabajadores, FUT) — инициировал общенациональную забастовку, к которой присоединились транспортники и влиятельное индейское движение CONAIE³⁵. Эквадорское общество, особенно

³² Regresa a Cuba misión médica que trabajó 27 años en Ecuador y fue cancelada por Lenín Moreno // NODAL. 20.11.2019. Available at: <https://www.nodal.am/2019/11/regresa-a-cuba-mision-medica-que-trabajo-27-anos-en-ecuador-y-fue-cancelada-por-lenin-moreno/> (accessed: 24.02.2020).

³³ Gobierno invertirá 652 millones de dólares del FMI en obras sociales // Sonorama. 15.03.2019. Available at: <https://www.sonorama.com.ec/2019/03/15/gobierno-invertira-652-millones-de-dolares-del-fmi-en-obras-sociales/> (accessed: 24.02.2020).

³⁴ Lenín Moreno anuncia ‘paquetazo’ económico para Ecuador // TeleSur. 02.10.2019. Available at: <https://www.telesurtv.net/news/gobierno-ecuador-medidas-economicas-lenin-moreno-20191002-0002.html> (accessed: 01.04.2020).

³⁵ Самая влиятельная индейская организация Эквадора — Конфедерация индейских национальностей Эквадора (CONAIE) — создана в 1986 г. и традиционно является авангардом протестов на протяжении всей современной истории страны.

молодежь, массово поддержало инициативу, страну охватила волна протестов. Их участники блокировали дороги и аэропорты, захватывали офисы местной власти, объекты инфраструктуры, а также источники воды, большей частью находящиеся в частных руках. На третий день президент ввел чрезвычайное положение и привлек к подавлению протестов армию, в результате 10 человек были убиты, 1340 — ранены, более 200 — задержаны. Протесты стали самыми массовыми с 2005 г., когда был свергнут президент Лусио Гутьеррес. Правительство предложило транспортникам поднять цены на общественный транспорт с целью компенсировать повышение цен на топливо, но это привело к эскалации протестов³⁶. Размах уличного насилия побудил Л. Морено 8 октября передислоцировать правительство из столицы Кито в провинцию Гуаякиль, оплот правобуржуазной оппозиции. Спустя два дня протестующие взяли в заложники восемь полицейских, требуя отмены декрета о снятии субсидий на топливо, установления контроля Конституционного суда над экономическими реформами, раскрытия сути соглашений с МВФ, отставки министров внутренних дел и обороны, переговоров с властью. В ответ правительство ввело по всей стране комендантский час, но и этой мерой смягчить протесты не удалось. Сложилась патовая ситуация, единственным выходом из которой стали переговоры, начавшиеся 15 октября. По их итогам были отправлены в отставку главы армии и Генштаба, а также отменены либерализация цен на топливо и повышение цен на проезд в транспорте³⁷. Опасаясь репрессий после завершения протестов, лидер CONAIE 19 октября призвал членов организации создать собственную армию с целью обеспечить безопасность индейских общин, однако этот шаг был блокирован силовыми структурами³⁸. 23 октября индейцы вышли

CONAIE имеет свое боевое политическое крыло — движение PACHAKUTIK. Название движения, созданного через 10 лет после появления CONAIE, дано в честь девятого правителя империи инков.

³⁶ Gobierno de Ecuador cede y autoriza subir precio de los pasajes de transporte para aliviar alza en combustibles // FrancePress. 08.10.2019. Available at: <https://www.france24.com/es/20191006-ecuador-aumento-pasajes-alza-combustibles-protesta> (accessed: 01.04.2020).

³⁷ Lenín Moreno renueva su cúpula militar tras el fin de las protestas // FrancePress. 16.10.2019. Available at: <https://www.france24.com/es/20191016-ecuador-calma-dos-semanas-protestas> (accessed: 03.04.2020).

³⁸ Jaime Vargas dice que la CONAIE va a organizar su propio ejército // La Republica. 21.10.2019. Available at: <https://www.larepublica.ec/blog/politica/2019/10/21/jaime-vargas-dice-conaie-va-organizar-propio-ejercito/> (accessed: 03.04.2020).

из диалога с правительством, сославшись на преследования членов движения со стороны властей³⁹. К февралю 2020 г. правительство продолжало переговоры с МВФ, однако ситуация оставалась в потенциально взрывоопасном состоянии.

Было бы некорректно сводить причины массовых протестов в Эквадоре к сугубо экономической повестке. Решение о повышении цен стало лишь триггером, поводом к возмущению, выпустив наружу глубинный пласт общественного недовольства, затрагивающий мировоззренческие аспекты. Неслучайно ведущей социально-демографической группой протестов стала молодежь, в том числе индейского происхождения. Если попытаться максимально обобщить ее настроения, то это протест против зависимого и периферийного положения страны. У молодых эквадорцев формируется ощущение, что они находятся на обочине мирового развития, хотя образцы «цивилизованной жизни», в том числе благодаря интернету, теперь легкодоступны и весьма привлекательны для массового сознания. В долларизованной стране свободно «ходят» также фунт стерлингов и евро, что еще больше акцентирует близость к «цивилизации». Между Эквадором и Европейским союзом налажены миграционные потоки, служащие каналом трансляции ценностей «потребительского общества». Социальный взрыв актуализировал требование более справедливого распределения доходов, тогда как сотрудничество властей с МВФ, наоборот, ведет к консервации и усугублению социального неравенства как следствия зависимости и отсталости. Несмотря на то что жизнь в стране вошла внешне в спокойное русло, риски возрождения протестов довольно высоки. Новые президентские выборы предстоят в 2022 г., но Л. Морено согласно итогам инициированного им конституционного референдума 2018 г. уже не сможет выставлять свою кандидатуру.

Как видно, в ходе протестов произошла практически тотальная мобилизация эквадорского общества. В них были так или иначе вовлечены все ключевые социально-профессиональные страты, в том числе многочисленное индейское население. Если рассматривать произошедшее через призму выдвинутой гипотезы, то можно констатировать, что в октябре 2019 г. эквадорское общество вошло в со-

³⁹ Movimiento indígena suspende diálogo con el gobierno de Ecuador // Reuters. 23.10.2019. Available at: <https://lta.reuters.com/articulo/ecuador-protestas-dialogo-idLTAKBN1X22A7-OUSLT/> (accessed: 03.04.2020).

стояние «социальной сингулярности», демонстрируя одновременно максимальную синхронность коллективных действий совокупного протестного субъекта, а также высокий накал социально-политической напряженности (высокий градус «социальных температур»). Протесты были сконцентрированы во времени и пространстве. Общество не может длительно находиться под давлением таких мощных внутренних нагрузок. Произошедшая разрядка принесла тактическое, но не стратегическое спокойствие. Насколько долго оно продлится, зависит от массы случайных факторов, которые трудно спрогнозировать.

* * *

Проведенный анализ глобальной волны социальных протестов показал, что не только Латинская Америка, но и мир вошел в конце 2019 г. в фазу социально-политической турбулентности. Как показывает опыт многих латиноамериканских социальных конфликтов, окончательно выйти из кризиса компромиссным путем в большинстве случаев не удастся. После завершения протестов в латентной форме продолжают существовать основания для потенциальной реактивизации новых фаз конфликта, и большая их часть остаются в открытом формате. Для описания неклассических форм конфликта норвежский социолог Йохан Галтунг использовал понятие «энергия конфликта» [Galtung, 1995: 53] — «след», остающийся после разрядки противоборства. Феномен глобальных протестов продемонстрировал, что 2019 год открыл третий этап эволюции социального недовольства в XXI в.

Интерпретируя данный глобальный феномен в свете высказанной концепции «социальной сингулярности», следует отметить, что он стал достаточно зримым и ярким проявлением нового сингулярного состояния глобального общества. Многие регионы мира пришли в синхронное движение в высокой степени независимо друг от друга. Одновременность и массовость такого глобального коллективного действия указывают на то, что в базисе лежат причины объективного характера. Было бы ошибочно абсолютизировать феномен нынешних глобальных протестов как единственное и уникальное проявление «социальной сингулярности». Предыдущие протестные волны с различными региональными очагами (антиглобализм в Западной Европе, «арабская весна» и др.) были необходимыми историческими этапами вызревания нового качественного состояния. Они выступали в роли предпосылочных проявлений «социальной

сингулярности», которая в наиболее зримом, эмпирически фиксируемом и на данный момент наиболее зрелом виде воплотилась в форме нынешних протестов.

Необходимо отметить, что состояние «социальной сингулярности» не есть некая константа: это динамическая, подверженная колебаниям величина. Международные процессы начала 2020 г. показали, что волна глобальных протестов может так же быстро угаснуть, как и в свое время быстро поднялась. Это не значит, что исчезла объективная основа протестного процесса: изменились конъюнктурные, ситуативные условия, переведшие его в латентное состояние (хотя на поверхностном уровне угасание протестов может восприниматься как полное исчезновение). Глобальные социально-экономические последствия «остановившейся» пандемии COVID-19 в среднесрочной перспективе могут оказаться фактором их новой актуализации. Вряд ли нынешняя волна станет последней в XXI в. В будущем нас ждут новые социальные флуктуации с более серьезными, в том числе всемирными, последствиями. Латинская Америка, по-прежнему остающаяся полигоном соперничества правых и левых политических трендов, занимала и будет занимать в этом процессе если не центральное, то очень важное место.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова М.Г. Латинская Америка — проснувшийся вулкан? (взгляд из Евросоюза) // Европейский союз: факты и комментарии. 2020. № 98. С. 120–123.
2. Борейко А.Н. Концепция прав человека и сотрудничество Кубы с Венесуэлой и Эквадором в социальной сфере // Латинская Америка. 2018. № 6. С. 19–29.
3. Борзова А.Ю., Савичева Е.М. Особенности арабской миграции в страны Латинской Америки // Латинская Америка. 2017. № 8. С. 48–59.
4. Бурмо Д., Лапина Н.Ю. Движение «желтых жилетов»: взгляд из России и Франции // Россия и современный мир. 2019. № 3 (104). С. 37–63.
5. Визгунова Ю.И., Воротникова Т.А., Дабагян Э.С. и др. Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности. М.: ИЛА РАН, 2017.
6. Воротникова Т.А. Левые режимы в Боливии и Эквадоре: десять отличий // Латинская Америка. 2019. № 11. С. 15–25.
7. Галибина-Лебедева Е.С. Преследование Джулиана Ассанжа как отражение финансовой зависимости Эквадора от США // Латинская Америка. 2019. № 9. С. 38–50. DOI: 10.31857/S0044748X0006153-7.

8. Давыдов В.М. Устойчивое развитие как общий знаменатель // Международная жизнь. 2019. № 10. С. 32–45.
9. Дьякова Л.В. Чили: ревизия старых компромиссов // Латинская Америка. 2018. № 2. С. 5–15.
10. Коротаев А.В., Шишкина А.Р., Исаев Л.М. Арабская весна как триггер глобального фазового перехода? // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 108–122. DOI: 10.17976/jpps/2016.03.09.
11. Коротаев А.В., Шишкина А.Р., Лухманова З.Т. Волна глобальной социально-политической дестабилизации 2011–2015 гг.: количественный анализ // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 150–168. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.11.
12. Кудеярова Н.Ю. Эпоха массовых миграций в Латинской Америке: глобализация vs локализация // Латинская Америка. 2017. № 2. С. 76–91.
13. Кузнецова А.В. Леворадикальные политические партии и движения Канады // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2019. Т. 13. № 4. С. 58–66. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-4-58-66.
14. Лунев С.И. Социальные протесты в Индии // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 4 (43). С. 198–207.
15. Манухин А.А. США и вооруженные силы стран Латинской Америки: в поисках новых форм влияния // Россия и Америка в XXI веке. 2019. № 1. С. 14. DOI: 10.18254/S207054760004711-9.
16. Окунева Л.С. Латинская Америка пришла в движение: в чем смысл социальных протестов октября 2019 года? // Латинская Америка. 2020. № 1. С. 8–21. DOI: 10.31857/S0044748X0007755-9.
17. Попова А.В., Абрамова М.Г. Технологическая сингулярность как точка невозврата: назад в будущее? (философско-правовой взгляд) // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 3 (16). С. 39–47.
18. Пятаков А.Н. Латиноамериканский альтерглобализм — новый фактор в региональной политике: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2007.
19. Пятаков А.Н. Победа Ленина Морено в Эквадоре // Латинская Америка. 2017. № 6. С. 17–27.
20. Розенталь Д.М. Анатомия политического кризиса в Венесуэле // Пути к миру и безопасности. 2019. № 1 (56). С. 22–33.
21. Сергеев С.А. Социальные движения и левые радикалы в начале XXI века // Управление устойчивым развитием. 2018. № 4 (17). С. 83–89.
22. Социальный протест на современном Востоке / Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: МГИМО; Аспект Пресс, 2016.
23. Талей Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, 2009.
24. Харламенко Е.Н. Классовые и социальные отношения как сферы общественной реальности: Дисс. ... канд. филос. наук. М., 2003.

25. Хейфец В., Хадорич Л. Союз южноамериканских наций: туманные перспективы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 6. № 2. С. 85–93. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-85-93.
26. Чернышев А.Л. Постэлекторальный кризис 2019 г. в Боливии: региональный фактор и роль силовых структур // *Латинская Америка*. 2020. № 1. С. 22–32. DOI: 10.31857/S0044748X0007756-0.
27. Шинкаренко А.А. Эквадор на пути к постэкстрактивистской реальности // *Латинская Америка*. 2019. № 3. С. 38–49. DOI: 10.31857/S0044748X0004002-1.
28. Шумаков А.А. «Желтые жилеты»: генезис движения // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2019. № 1. С. 19–32.
29. Яковлев П.П. Испания на крутом политическом вираже // *Свободная мысль*. 2018. № 4 (1670) С. 99–112.
30. Astakhova E.V. Particularidades del discurso politico del partido español PODEMOS // *Iberoamerica*. 2016. № 1. С. 117–133.
31. Billion D., Ventura Ch. Por qué protesta tanta gente a la vez? // *Nueva sociedad*. 2020. No. 286. P. 37–52.
32. Borders M. The social singularity: How decentralization will allow us to transcend politics, create global prosperity, and avoid the robot apocalypse. *Social Evolution*, 2018.
33. Galtung J. Conflict resolution as conflict transformation: The first law of thermodynamics revisited // *Conflict transformation* / Ed. by K. Rupesinghe. London: Macmillan, 1995.
34. Khenkin S. Sistema político de España: transformación radical // *Iberoamerica*. 2016. № 1. С. 99–116.
35. Mitchell R., Christopher R. Beyond resolution: What does conflict transformation actually transform? // *Peace and Conflict Studies*. 2002. Vol. 9. No. 1.
36. Ohmae K. The borderless world. Power and strategy in the interlinked economy. London: HarperBusiness, 1999.

A.N. Pyatakov

THE 2019 SOCIAL PROTESTS IN LATIN AMERICA: GLOBAL CONTEXT AND ECUADORIAN CASE STUDY

*Institute of Latin American Studies,
Russian Academy of Sciences
21/16 Bolshaya Ordynka Str., Moscow, 115035*

The paper examines the phenomenon of global social protests that spread in 2019 across more than 20 countries. The author considers the most striking manifestations of this phenomenon that occurred in the Middle East, North

Africa, Western Europe, and Asia. The paper provides a periodization of several waves of anti-globalization movement in the 21st century, whereby the current global unrest represents the third wave. The author identifies specific features of each stage and outlines a growing trend towards politicization and exacerbation of violence. Particular emphasis is made on how the protests in Latin America developed in time and space, as they spread to at least eight states of the region: Haiti, Puerto Rico, Venezuela, Ecuador, Peru, Bolivia, Chile, and Columbia. In each country, protests were triggered by a peculiar set of internal factors which are not susceptible to easy generalization. In order to come nearer to the understanding of the new global phenomenon the author puts forward several socio-philosophical hypotheses. In particular, the possibility of internationalization of the French ‘yellow vests’ movement, its transfer and adaptation to other countries affected by protests, is noted. In that regard the paper outlines certain ‘channels’ for exporting the French protests to Latin America, including migration and cultural ties. The author stresses that although socio-economic explanations of the global protest phenomenon that focus on such issues as the growth of inequality and social polarization, are correct, they are insufficient for a comprehensive understanding of the new and complex phenomenon. As an alternative, the author suggests using the concept of ‘social singularity’. The paper considers the key features of this concept, including the idea that contemporary global social sphere is functioning in an online mode, allowing for increased speed of social interaction and communication on a global scale. Finally, the paper examines the causes and the development of the social unrest that broke out in Ecuador and served as a starting point for escalating the protest movement in Latin America in 2019.

Keywords: global protests, ‘yellow vests’, anti-globalism, Latin America, conflict triggers, social singularity, Ecuador, ‘Civil Revolution’, Indian movements, IMF, neoliberalism.

About the author: *Andrey N. Pyatakov* — PhD (Political Science), Leading Research Fellow at the Center for Political Studies, Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: anpyatakov@yandex.ru).

REFERENCES

1. Abramova M.G. 2020. Latinskaya Amerika — prosnuvshiisya vulkan? (vzglyad iz Evrosoyuza) [Latin America — awakened volcano? (View from the European Union)]. *Evropeyskii soyuz: fakty i kommentarii*, no. 98, pp. 120–123. (In Russ.)
2. Borejko A.N. 2018. Kontseptsiya prav cheloveka i sotrudnichestvo Kuby s Venesueloj i Ekvadorom v sotsial’noi sfere [The concept of human rights and

cooperation of Cuba with Venezuela and Ecuador in social sphere]. *Latinskaya Amerika*, no. 6, pp. 19–29. (In Russ.)

3. Borzova A.Yu., Savicheva E.M. 2017. Osobennosti arabskoi migratsii v strany Latinskoi Ameriki [The main characters of Arab migration to Latin America]. *Latinskaya Amerika*, no. 8, pp. 48–59. (In Russ.)

4. Burmo D., Lapina N.Yu. 2019. Dvizhenie ‘zheltykh zhiletov’: vzglyad iz Rossii i Frantsii. [Movement of ‘Yellow Vests’: View from Russia and France]. *Rossiia i sovremennyi mir*, no. 3 (104), pp. 37–63. DOI: 10.31249/rsm/2019.03.03. (In Russ.)

5. Vizgunova Yu.I., Vorotnikova T.A., Dabagyan E.S. et al. 2017. *Politicheskie konflikty v Latinskoj Amerike: vyzovy stabil’nosti i novye vozmozhnosti* [Political conflicts in Latin America: Challenges of stability and new opportunities]. Moscow, ILA RAN Publ. (In Russ.)

6. Vorotnikova T.A. 2019. Levye rezhimy v Bolivii i Ekvadore: desyat’ otlichii [Left regimes in Bolivia and Ecuador: Ten differences]. *Latinskaya Amerika*, no. 11, pp. 15–25. (In Russ.)

7. Galibina-Lebedeva E.S. 2019. Presledovanie Dzhuliana Assanzha kak otrazhenie finansovoi zavisimosti Ekvadora ot SSHA [Julian Assange persecution as a reflection of Ecuador’s financial dependence on the United States]. *Latinskaya Amerika*, no. 9, pp. 38–50. (In Russ.)

8. Davydov V.M. 2019. Ustoichivoe razvitie kak obshchii znamenatel’ [Sustainable development as a common denominator]. *Mezhdunarodnaya zhizn’*, no. 10, pp. 32–45. (In Russ.)

9. Diyakova L.V. 2018. Chili: reviziya starykh kompromissov [Chile: Revision of old compromises]. *Latinskaya Amerika*, no. 2, pp. 5–15. (In Russ.)

10. Korotaev A.V., Shishkina A.R., Isaev L.M. 2016. Arabskaya vesna kak trigger global’nogo fazovogo perekhoda? [Arab spring as a global phase transition trigger]. *Polis. Political Studies*, no. 3, pp. 108–122. (In Russ.)

11. Korotaev A.V., Shishkina A.R., Lukhmanova Z.T. 2017. Volna global’noi sotsial’no-politicheskoi destabilizatsii 2011–2015 gg.: kolichestvennyi analiz [The global socio-political destabilization wave of 2011 and the following years: A quantitative analysis]. *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 150–168. (In Russ.)

12. Kudayarova N.Yu. 2017. Epokha massovykh migratsii v Latinskoi Amerike: globalizatsiya vs lokalizatsiya [The mass migration epoch in Latin America: Globalization vs. localization]. *Latinskaya Amerika*, no. 2, pp. 76–91. (In Russ.)

13. Kuznetsova A.V. 2019. Levoradikal’nye politicheskie partii i dvizheniya Kanady [Radical left political parties and movements in Canada]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*, vol. 13, no. 4, pp. 58–66. (In Russ.)

14. Lunev S.I. 2015. Sotsial’nye protesty v Indii [Social protests in India]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 4 (43), pp. 198–207. (In Russ.)

15. Manukhin A.A. 2019. SSHA i vooruzhennnye sily stran Latinskoi Ameriki: v poiskakh novykh form vliyaniya [The United States and the Latin American

military: In search for new forms of influence]. *Possiia i Amerika v XXI veke*, no. 1, p. 14. DOI: 10.18254/S207054760004711-9.

16. Okuneva L.S. 2020. Latinskaya Amerika prishla v dvizhenie: v chem smysl sotsial'nykh protestov oktyabrya 2019 goda? [Latin America has set in motion: What is the meaning of social protests in October 2019?]. *Latinskaya Amerika*, no. 1, pp. 8–21. DOI: 10.31857/S0044748X0007755-9. (In Russ.)

17. Popova A.V., Abramova M.G. 2018. Tekhnologicheskaya singulyarnost' kak tochka nevozvrata: nazad v budushchee? (filosofsko-pravovoi vzglyad) [Technological singularity as a point of no return: Back to the future? (philosophical legal view)]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy*, no. 3 (16), pp. 39–47. (In Russ.)

18. Pyatakov A.N. 2007. *Latinoamerikanskii al'terglobalizm — novyi faktor v regional'noi politike* [Latin American alterglobalism — a new factor in regional politics]. Moscow, ILA RAN Publ. (In Russ.)

19. Pyatakov A.N. 2017. Pobeda Lenina Moreno v Ekvadore [Lenin's Moreno's victory in Ecuador]. *Latinskaya Amerika*, no. 6, pp. 17–27. (In Russ.)

20. Rozental' D.M. 2019. Anatomiya politicheskogo krizisa v Venesuele [The anatomy of the political crisis in Venezuela]. *Puti k miru i bezopasnosti*, no. 1 (56), pp. 22–33. DOI: 10.20542/2307-1494-2019-1-22-33. (In Russ.)

21. Sergeev S.A. 2018. Sotsial'nye dvizheniya i levye radikaly v nachale XXI veka [Social movements and left radicals at the beginning of the XXI century]. *Upravlenie ustoichivym razvitiem*, no. 4 (17), pp. 83–89. (In Russ.)

22. Strel'tsov D.V. (ed.). 2016. *Sotsial'nyi protest na sovremennom Vostoke* [Social protest in the modern East]. Moscow, MGIMO, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

23. Taleb N. 2009. *Chernyi lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti* [Black swan. Under the sign of unpredictability]. Moscow, KoLibri Publ. (In Russ.)

24. Kharlamenko E.N. 2003. *Klassovye i sotsial'nye otnosheniya kak sfery obshchestvennoi real'nosti* [Class and social relations as spheres of society reality]. Moscow. (In Russ.)

25. Kheifets V., Khadorich L. 2019. Soyuz yuzhnoamerikanskikh natsii: tumannye perspektivy [Union of South American Nations: Clouded prospects]. *World Economy and International Relations*, vol. 6, no. 2, pp. 85–93. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-85-93. (In Russ.)

26. Chernyshev A.L. 2020. Postelektoral'nii krizis 2019 g. v Bolivii: regional'nii faktor i rol' silovykh struktur [2019 post-electoral crisis in Bolivia: The regional factor and the role of the law enforcement agencies]. *Latinskaya Amerika*, no. 1, pp. 22–32. DOI: 10.31857/S0044748X0007756-0. (In Russ.)

27. Shinkarenko A.A. 2019. Ekvador na puti k postekstraktivistskoi real'nosti [Ecuador on the route to post-extractivism's reality]. *Latinskaya Amerika*, no. 3, pp. 38–49. DOI: 10.31857/S0044748X0004002-1. (In Russ.)

28. Shumakov A.A. 2019. 'Zheltые zhilye': genezis dvizheniya ['Yellow Vests': The genesis of the movement]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 1, pp. 19–32. (In Russ.)

29. Yakovlev P.P. 2018. Ispaniya na krutom politicheskom virazhe [Spain on a steep political U-turn]. *Svobodnaya mysl'*, no. 4 (1670), pp. 99–112. (In Russ.)
30. Astakhova E.V. 2016. Particularidades del discurso político del partido español PODEMOS. *Iberoamerica*, no. 1, pp. 117–133.
31. Billion D., Ventura Ch. 2020. Por qué protesta tanta gente a la vez? *Nueva sociedad*, no. 286, pp. 37–52.
32. Borders M. 2018. *The social singularity: How decentralization will allow us to transcend politics, create global prosperity, and avoid the robot apocalypse*. Social Evolution.
33. Galtung J. 1995. Conflict resolution as conflict transformation: The first law of thermodynamics revisited. In Rupesinghe K. (ed.). *Conflict transformation*. London, Macmillan.
34. Khenkin S. 2016. Sistema político de España: transformación radical. *Iberoamerica*, no. 1, pp. 99–116.
35. Mitchell R., Christopher R. 2002. Beyond resolution: What does conflict transformation actually transform? *Peace and Conflict Studies*, vol. 9, no. 1.
36. Ohmae K. 1999. *The borderless world. Power and strategy in the inter-linked economy*. London, HarperBusiness.

Д.А. Кузнецов*

ТРАЕКТОРИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В XXI ВЕКЕ

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный институт международных отношений
(университет)*

*Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76*

Регион Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ), включающий более трех десятков государств, традиционно характеризуется крайне сложным переплетением элементов гомогенности и гетерогенности. Внутренняя разнородность, связанная как с экономической дифференциацией, так и с социально-политической и идеологической поляризацией, усиливает региональные противоречия, создает новые разделительные линии. В то же время на рубеже XX–XXI вв. качественно возросла включенность региона в глобальную экономику, глобализационные процессы. Для того чтобы выявить и оценить перспективы дальнейшего развития ситуации в ЛАКБ, в данной статье предпринята попытка проанализировать, как в регионе преломляются ключевые тренды современной мировой политики. В основе статьи лежит методология российского исследователя М.М. Лебедевой, предполагающая выделение трех базовых мегатрендов современности — глобализации, интеграции и демократизации — и их контртрендов: соответственно деглобализации, дезинтеграции и дедемократизации. Именно с позиций сложного переплетения этих мегатрендов и контртрендов в тексте рассматривается динамика региональных процессов в ЛАКБ. На этой основе автор выделяет три сценария развития ситуации в Латинской Америке. Первый предполагает углубление и упрочение институциональных связей Северной, Центральной и Южной Америки на базе панамериканских идей. Второй подразумевает цивилизационное «обособление» ЛАКБ в рамках крупных, но региональных по своему характеру интеграционных структур. Наконец, третий сценарий прогнозируется, исходя из линейного развития нынешних трендов в регионе. Этот вариант связан с дальнейшим дроблением ЛАКБ на субрегиональные объединения, дальнейшей фрагментацией и хаотизацией региональных

* Кузнецов Денис Андреевич — преподаватель кафедры мировых политических процессов, сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России (e-mail: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru).

международных отношений. Автор заключает, что в целом в настоящий момент в регионе преобладают контртренды, что выражается в росте изоляционизма, кризисе интеграционных проектов и демократических институтов, распространении популистских призывов и настроений. В то же время уже сам этот факт указывает на теснейшую вовлеченность Латинской Америки в глобальные экономические и политические процессы, поскольку указанные тренды доминируют и в развитии современной системы международных отношений в целом.

Ключевые слова: Латинская Америка и Карибский бассейн, мегатренды, глобализация, интеграция, демократизация, деглобализация, альтерглобализм, популизм, регионализм, «левый поворот», «правый поворот», ПРОСУР, УНАСУР, МЕРКОСУР, АЛБА.

Исторически регион Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) был обречен на борьбу с периферийностью, что связано одновременно с факторами как объективного, так и субъективного характера. Латиноамериканская периферийность определена географическим положением региона, удаленностью от центров триады мировой экономики, колониальным прошлым и нахождением в традиционной зоне влияния глобальной державы — США. Вместе с тем такое положение постепенно закрепились и интеллектуально, так как представители многих известных теоретических направлений и концепций, будь то мир-системная теория, теория зависимости, геополитические концепции, теория модернизации [Wallerstein, 2004; Frank, 1967; *The geography of the peace*, 1944; Rostow, 1991] и многие другие, во многом опирались именно на периферийный характер ЛАКБ для построения и объяснения своей картины мира. Именно в таком положении регион подошел к рубежу XX–XXI вв., и именно этот комплекс условий стал определяющим для понимания его места и потенциала в эволюционирующей к полицентричности мировой системе.

Не менее важным фактором является и внутренняя сложность региона, объединяющего три десятка государств¹ и характеризующегося одновременно признаками гомогенности и гетерогенности. С одной стороны, большинство представленных в ЛАКБ стран — это связанные исторической судьбой, общим языковым и религиозным

¹ Наиболее популярным и обоснованным представляется историко-цивилизационный подход к определению границ региона Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ), протянувшегося от северной границы Мексики до архипелагов на крайнем юге Южно-Американского континента. В статье понятия «Латинская Америка» и ЛАКБ используются синонимично.

пространством общества [Waisbord, 1998]. С другой стороны, продолжает усиливаться внутренняя региональная разнородность, которая обусловлена не только экономической дифференциацией, но также социально-политической и идеологической поляризацией: сосуществование в единой международно-политической региональной ойкумене либеральных демократий и жестких авторитарных систем, левых и правых режимов, растущих мировых экономических центров и слаборазвитых экономик, стран-гигантов и карликовых островных государств создает высокую вероятность внутрирегиональных противоречий, острота которых в действительности нарастает.

Тем не менее именно рубеж XX–XXI вв. стал принципиально новым и стратегически важным этапом в развитии ЛАКБ и в процессе усиления региона в мировой политике. При этом один из ключевых исследовательских вопросов, ответ на который поможет более предметно обозначить контуры новой роли региона, может быть сформулирован следующим образом: как в ЛАКБ преломляются основные тренды современной мировой политики и к каким трансформациям они ведут? Частично на решение данного непростого вопроса направлено и настоящее исследование.

В науке о международных отношениях и мировой политике не раз предпринимались попытки вычленения базовых мегатрендов современности. К работам такого рода можно отнести монографии и статьи Дж. Нейсбитта, Н.С. Розова, Б. Швенкера и Б. Раффела, Э.Я. Баталова, Т.А. Шаклеиной и А.А. Байкова, Х. Аллахара [Naisbitt, 1988; Розов, 1992; Мегатренды..., 2014; Allahar, 2014] и др. Однако, несмотря на несомненную эвристическую ценность данных работ для выделения ключевых глобальных трендов, различные подходы авторов (а соответственно и результаты исследований) не позволяют решить несколько принципиальных проблем и вызывают ряд вопросов: можно ли охватить в обосновании мегатрендов все сферы — политику, экономику, демографию и т.д.? Если да, то как определить их взаимовлияние и иерархию (порождается ли одна тенденция другой)? Как предсказывать треки развития мегатрендов и могут ли они преломляться в различных региональных подсистемах? На самом деле, зачастую именно попытки определить глобальные тренды мирового развития вообще (а не в отдельных областях) и влекут за собой эти нерешенные вопросы. В частности, оказывается затруднительным применение данных подходов к анализу региональных особенностей развития и соотношения отдельных региональных процессов с глобальными.

Один из последних подходов был разработан российским ученым М.М. Лебедевой, по мнению которой в настоящее время в мире наблюдается усложнение соотношения трех ключевых мегатрендов — глобализации, интеграции и демократизации — с их основными контртрендами: изоляционизмом (деглобализацией), дезинтеграцией и дедемократизацией, причем в последнее время преобладают именно последние три [Лебедева, 2019]². Такой подход представляется одновременно и достаточно обоснованным (так как сосредоточен именно на *мирополитических* трендах и оставляет за скобками тренды в других областях и обусловленные ими тенденции), и обладающим значительным прикладным потенциалом, поскольку позволяет: а) ввиду своей универсальности проводить сравнительные исследования о влиянии данных мегатрендов на различные региональные кластеры и большие социальные группы; б) рассматривать развитие мегатрендов как нелинейный процесс, которому свойственны «откаты» в виде контртрендов, что делает возможным сценарное прогнозирование.

Цель настоящей статьи — выявить, как современные мегатренды преломились в ЛАКБ и к каким глубинным изменениям они привели, а также какие возможные траектории развития региона они обуславливают в новых условиях.

Преодоление периферийности: глобализация и изоляционизм в Латинской Америке

На рубеже веков перед Латинской Америкой встала задача встроиться в глобализационные процессы. Активизации региона в этом направлении способствовали ряд факторов:

²Глобализация понимается как результат транснационализации, т.е. постепенного размытия национальных границ в процессе интенсификации транснациональных потоков и процессов, в то время как деглобализация означает — на практике — усиление изоляционистских тенденций в результате конкретных политических решений на национальном уровне (закрытие границ, выход из международных организаций, ограничение миграции, протекционизм, критика глобализации и т.д.). Интеграция понимается как процесс институционализации сотрудничества между государствами на основе межгосударственных соглашений в конкретных областях международного взаимодействия. Дезинтеграция соответственно проявляется в намеренном разрушении интеграционных объединений, выходе из многосторонних интеграционных групп или в сужении их функций. Демократизация мировой политики есть результат не только увеличения числа демократических государств, но и роста влияния негосударственных и гибридных акторов, а также возникновения новых переговорных площадок. В процессе же массового «отката» от демократизации на национальном уровне, в дискредитации международных режимов и распространении практики односторонних действий наблюдается обратное явление — дедемократизация.

1) интенсивно развивающийся регион не мог остаться в стороне от усложняющейся системы мирового разделения труда, развития информационно-коммуникационных технологий и расширения глобальных инфраструктурно-логистических связей;

2) на фоне ослабления американского влияния в ЛАКБ в результате переориентации США на другие региональные подсистемы сформировался своеобразный вакуум лидерства, заполнить который стремились уже региональные державы, нацеленные на сотрудничество с внешними игроками;

3) распространение интеграционных практик в ЛАКБ обусловило необходимость поиска партнеров вне региональных границ, прежде всего для наиболее продвинутых групп, таких как МЕРКОСУР³ или Тихоокеанский альянс;

4) активное проникновение в ЛАКБ экономических гигантов — ЕС и Китая — способствовало не только появлению альтернативных рынков и партнеров, но и превращению региона в «метаполе» — пространство срединного положения между центрами триады: Северной Америкой, Восточной Азией и Западной Европой [Сударев, 2016];

5) распространение практики многосторонней дипломатии и институтов глобального управления потребовало и более активного участия от региона, где по-прежнему актуальны транснациональные угрозы, справиться с которыми на национальном и даже региональном уровнях затруднительно;

6) в результате активизации институтов гражданского общества и парадипломатии в ходе масштабной демократизации сформировалось понимание, что глобализация может содержать в себе источники роста и развития (ранее в регионе, когда у власти оставались консервативные силы, в целом преобладало осторожное или даже негативное отношение к глобализации, способной привести к размыванию традиционных ценностей и новым экономическим шокам [Theodore, 2015]).

Так или иначе, расширение и углубление глобализации на рубеже XX–XXI вв. не могли не отразиться на месте ЛАКБ в мировой политике, хотя эта включенность в глобализационные процессы и была в регионе неоднородной. В наиболее авторитетном индексе глобализации, разработанном Швейцарским экономическим институтом (KOF Swiss Economic Institute) на основе взвешенного

³ МЕРКОСУР (Mercado Común del Sur, MERCOSUR) — торгово-экономический союз стран Южной Америки.

индекса политической, экономической, социальной и культурной глобализации, наивысшую строчку в 2017 г. заняло Чили (лишь 40-е место). Крупные региональные державы, такие как Бразилия, Мексика и Аргентина, расположились на 73-м, 70-м и 84-м местах соответственно⁴. В рейтинге «Elcano Global Presence Index 2018», призванном оценить степень вовлеченности в глобальные процессы, совокупный показатель ЛАКБ среди регионов мира — предпоследняя, пятая строчка (ему уступает лишь Африка); лидерами по странам при этом стали Бразилия (18-е место), Мексика (24-е) и Чили (37-е)⁵. Такие результаты говорят преимущественно о сохранении регионом своей периферийности, однако ряд факторов свидетельствуют и об усилении его глобального присутствия.

В первую очередь это связано с активизацией внешней политики Бразилии в начале XXI в. Об этом свидетельствуют ее претензии на место постоянного члена Совета Безопасности ООН, создание ИБСА⁶ и БРИКС⁷, вхождение в «Группу двадцати» (G20) и т.д. Важную роль сыграли и попытки Бразилии закрепить свой статус регионального лидера, что было достигнуто как путем создания макрорегиональных структур по ее проекту (УНАСУР⁸), так и благодаря оппонированию инициативам США по формированию Панамериканской зоны свободной торговли (Free Trade Area of the Americas, FTAA) и усилению Организации американских государств (ОАГ). Таким образом, Бразилия стала своеобразными «глобализационными воротами» ЛАКБ. На субрегиональном уровне активизацию глобального участия также переживали Аргентина, Мексика и Чили [Latin America at a crossroads, 2017].

⁴2017 KOF index of Globalization // KOF Swiss Economic Institute. Available at: https://www.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/dual/kof-dam/documents/Globalization/rankings_2017.pdf (accessed: 04.01.2020).

⁵Данный индекс является взвешенным и учитывает три фактора «глобального присутствия»: место в мировой экономике, военно-политический потенциал и ресурсы «мягкой силы». Индекс ЛАКБ — 514,5; Африки — 350,7; Европы (1-е место) — 4887,1; Азиатско-Тихоокеанского региона (3-е место) — 3058,3. См.: Elcano Global Presence Index // Real Instituto ELCANO. Available at: <https://explora.globalpresence.realinstitutoelcano.org/en/ranking/iepg/global/2018/2012/BR/MX/BR/2> (accessed: 04.01.2020).

⁶IBSA — трансрегиональное объединение стран глобального Юга, в которое вошли Индия, Бразилия и ЮАР.

⁷BRICS — трансрегиональное объединение государств — лидеров развивающегося мира: Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР.

⁸УНАСУР (Unión de Naciones Suramericanas, UNASUR) – Союз южноамериканских наций.

Как известно, глобализация как процесс транснационализации и размывания границ не может продвигаться лишь государственными усилиями, направленными в основном на поиск эффективной ниши в глобальной стратификации⁹, а требует активного участия негосударственных и гибридных акторов (прежде всего городов и внутригосударственных регионов). Одним из наиболее известных глобальных индексов, с помощью которого оценивается вовлеченность субнациональных единиц в процесс глобализации, является индекс «Глобализация и глобальные города». Так, в три группы топовых глобальных городов («Альфа») входят Сан-Паулу (Бразилия), Мехико (Мексика), Буэнос-Айрес (Аргентина), Сантьяго (Чили) и Богота (Колумбия)¹⁰. В другом авторитетном индексе — «Индекс глобальных городов» консалтингового агентства А.Т. Карни — такой статус был присвоен лишь столице Аргентины¹¹. Свою активность на региональном и глобальном уровнях города и внутригосударственные регионы Латинской Америки проявляют в деятельности объединения городов МЕРКОСУР — Mercociudades, Форума породненных городов и муниципальных образований БРИКС, Совета регионов БРИКС. Менее значимую, но все же растущую роль в мировой экономике играет и крупный бизнес ЛАКБ. Усиливаются и другие, некоммерческие транснациональные акторы, деятельность которых охватывает широкий спектр целей: от борьбы с нищетой и социальной поляризацией (InLATINA Iniciativa Latinoamericana или Red Latinoamericana de Juventudes Rurales¹²) до движений за

⁹ Буторина О. Пределы глобализации. Вызовы для экономической науки: Доклад на общем собрании Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН 12 ноября 2018 года // Институт Европы РАН. 2018. Доступ: <http://www.instituteofeurope.ru/images/news/112018/121118.pdf> (дата обращения: 04.01.2020).

¹⁰ Индекс разрабатывается в Университете Лафборо. См.: Globalization and world cities index 2018 // Loughborough University. Available at: <https://www.lboro.ac.uk/gawc/world2018t.html> (accessed: 10.01.2020).

¹¹ 2019 Global cities report // Kearney. 2020. Available at: <https://www. Kearney.com/global-cities/2019> (accessed: 10.01.2020).

¹² Негосударственная организация «InLATINA Iniciativa Latinoamericana» объединяет представителей активной молодежи из стран Латинской Америки в целях разработки программ совершенствования системы образования, здравоохранения для молодежи, повышения роли молодых людей в политике. Задачи молодежного движения «Red Latinoamericana de Juventudes Rurales» сосредоточены на решении проблем сельской молодежи, нищеты и социальной поляризации. См.: Latin America & the Caribbean: International NGOs // Youth Policy Portal. Available at: <https://www.youthpolicy.org/mappings/regionalyouthscenes/latinamerica/actors/nongovernmental/> (accessed: 12.01.2020).

политическое единство макрорегиона в рамках макрорегиональных структур (We the People are UNASUR¹³).

Еще одним признаком глобализационной активности ЛАКБ является встраивание как отдельных государств, так и целого региона в трансрегиональную архитектуру мира. Во-первых, хотя и с некоторым торможением, связанным сначала с переориентацией Соединенными Штатами своей внешней политики на другие регионы, а затем с фактически изоляционистским курсом Д. Трампа, продолжает свое развитие североамериканское направление. С 2012 г. функционирует Тихоокеанский альянс (Мексика, Колумбия, Перу, Чили, Коста-Рика), нацеленный в том числе на углубленное сотрудничество с США. Три из этих государств — Мексика, Перу и Чили — подключились к проекту Транстихоокеанского партнерства. Во-вторых, новый стимул получают евро-латиноамериканские связи. Об этом свидетельствуют как дальнейшее развитие иберо-американских саммитов, так и заключение соглашения о создании зоны свободной торговли между ЕС и МЕРКОСУР в 2019 г.¹⁴ — потенциально крупнейшей ЗСТ в мире. В-третьих, расширяется сотрудничество с государствами и организациями Азиатско-Тихоокеанского региона: это и взаимодействие в рамках Восточноазиатско-латиноамериканского форума (ВАЗЛАФ¹⁵), и подключение стран тихоокеанского побережья ЛАКБ к китайской инициативе «Пояса и пути» [Myers, 2018]. Проникновение Китая в Латинскую Америку усиливается: он стремится не только к удовлетворению своих инвестиционных и экспортных интересов, но и к получению доступа к изобилию сравнительно дешевых природных ресурсов ЛАКБ. С начала XXI в. товарооборот между Китаем и странами Латинской Америки вырос в несколько раз, а для отдельных государств (Перу, Чили) Китай превратился в основного торгового партнера [Атаев, 2012]. Расширяются связи интеграционных объединений ЛАКБ с другими государствами:

¹³ В условиях кризиса макрорегиональной структуры — УНАСУР — представители нескольких десятков национальных и международных неправительственных организаций слились в движении с неформальным названием «We the people are UNASUR» за сохранение организации. См.: Peoples movements declare, 'We the people are UNASUR' // Peoples Dispatch. 02.08.2018. Available at: <https://peoplesdispatch.org/2018/08/02/peoples-movements-declare-we-the-people-are-unasur/> (accessed: 10.01.2020).

¹⁴ EU-Mercosur trade agreement: The Agreement in Principle and its texts // European Commission. 2019. Available at: <https://trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=2048> (accessed: 10.01.2020).

¹⁵ ВАЗЛАФ (The Forum for East Asia-Latin America Cooperation, FEALAC) – Восточноазиатско-латиноамериканский форум.

Россией, Израилем, Индией, Ираном и др. [Латинская Америка в современной мировой политике, 2009].

Однако было бы слишком оптимистично утверждать о преодолении Латинской Америкой барьеров для участия в глобализации и извлечения из нее выгод. В начале 2000-х годов проявление в регионе контртренда – деглобализации – усилилось. По-прежнему в ЛАКБ существует множество проблем, которые в значительной мере ограничивают возможности как отдельных государств региона, так и их коллективные усилия по проведению активной глобальной политики и способствуют росту антиглобалистских настроений. Среди таких вызовов — колоссальное неравенство и межстрановые диспропорции, активность транснациональных преступных и экстремистских образований, наличие замороженных межгосударственных споров, обострение которых способно сформировать новые разделительные линии в регионе.

Крах неолиберальной модели развития и программ по либеральным рыночным реформам, ставший причиной «левого поворота» в регионе на рубеже XX–XXI вв., был воспринят и как проявление несовершенства либеральной модели глобализации, невозможности экспорта либеральных экономических моделей в Латинскую Америку. Глобализация стала зачастую восприниматься как управляемый процесс, сопряженный с распространением либеральной экономической модели, принципов Вашингтонского консенсуса и чуждой традиционной для ЛАКБ культуры [Haslam, 2012; Охеда Кальюни, 2007]. В 1990-е годы это стало причиной роста анти- и альтерглобализма в регионе: крупнейшее альтерглобалистское движение сформировалось именно в ЛАКБ — Континентальный социальный альянс, который охватил почти 300 организаций и движений [Пятаков, 2007]. Выступления анти- и альтерглобалистов стали характерными для региона как в период формирования Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА¹⁶), продвижения инициативы ФТАА, так и во время проведения глобальных и макрорегиональных форумов и мероприятий (например, Саммитов Америк). Антиглобализм как полное неприятие глобализации был взят на вооружение и многочисленными радикальными и повстанческими движениями в регионе [Голубев, 2006]. Альтерглобалистская риторика стала обыденной также среди политических лидеров ЛАКБ, прежде всего в странах «левого поворота», что легло в основу понятия «го-

¹⁶ НАФТА (North American Free Trade Agreement, NAFTA) — Североамериканская зона свободной торговли.

сударственный альтерглобализм». Его распространение в регионе отразилось и в формировании межгосударственных союзов, таких как «Боливарианская альтернатива для народов Америки» (АЛБА¹⁷), которая в идеологическом плане строится на антилиберальных, антиамериканских и альтерглобалистских взглядах. В создании подобных объединений проявились альтернативные подходы государств Латинской Америки не только к глобализации, но и к региональной интеграции [Пятаков, 2018]. И хотя сегодня радикальный, особенно левый, альтерглобализм уходит с региональной политической повестки, оказанное им влияние на региональные процессы, в том числе на формирование интеграционных объединений, и его отражение уже в новом, правом популизме все еще сохраняются.

В целом начало нового политического цикла в Латинской Америке в последние годы (о чем речь пойдет далее) связано с более открытой международной повесткой, отказом от антиамериканизма и альтерглобалистской риторики левых сил, что неминуемо скажется и на активизации глобальной активности стран и объединений региона.

Таким образом, в 2000-е годы в ЛАКБ соотношение глобализационной активности и изоляционизма значительно сместилось в сторону последнего, что объясняется как новой ролью альтер- и антиглобализма и приходящего им на смену правого популизма, так и, прежде всего, неравномерностью распределения выгод от глобализации, однако в настоящее время на фоне смещения идеологических ориентаций государств региона рост их глобализационной активности представляется более вероятным.

Региональная мозаика: интеграция и дезинтеграция в Латинской Америке

Интеграция как второй мегатренд современной мировой политики в ЛАКБ является еще более интересным объектом анализа, так как начиная с запуска первой интеграционной инициативы в 1960-х годах регион накопил значительный опыт многостороннего регионального сотрудничества.

Исторически межгосударственные объединения в ЛАКБ опирались на два больших идейных проекта: панамериканский (государства Северной, Центральной и Южной Америки, связанные единой исторической, политической и экономической судьбой,

¹⁷ АЛБА (Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA) — Боливарианская альтернатива для народов Америки.

а также гегемонизмом США) и боливарианский (страны ЛАКБ, чья культура, политические и социальные модели отличаются от северной части региона). Провалившиеся Саммиты Америк, нацеленные на создание ФТАА, и вялые попытки оживления ОАГ, вошедшей в стадию системного кризиса на рубеже веков, свидетельствуют о маргинализации первого подхода. Напротив, формирование за последние три десятилетия нескольких субрегиональных групп в Южной Америке, форума СЕЛАК¹⁸ и макрорегиональных групп (УНАСУР и ПРОСУР¹⁹) говорит о популярности второго подхода.

Современный этап интеграции в Латинской Америке стартовал в начале 2000-х годов и был связан как с изменением политического ландшафта в регионе («левый поворот»), так и с глобальными геополитическими сдвигами: США ослабили свои позиции в ЛАКБ (активизировав свою внешнюю политику на Ближнем Востоке при Дж. Буше-мл. и осуществив «поворот в Азию» при Б. Обаме), возник вакуум влияния внутри региона, наблюдались ускоренный рост Бразилии и вовлеченность внешних игроков. На этом этапе произошло значительное расширение повестки дня латиноамериканской интеграции: от узкого экономического трека к сотрудничеству в сферах международной безопасности (например, создание Южноамериканского союза обороны УНАСУР), безопасности личности (решение проблем голода, безработицы, эпидемий, образования, обеспечение инклюзивности), борьбы с новыми вызовами (наркотрафик, терроризм, информационная безопасность и т.д.), проектах в области энергетики (в АЛБА), инфраструктуры (строительство магистралей в УНАСУР) и т.д. [Nolte, Comini, 2016; Riggiozzi, Grugel, 2015].

Современный этап интеграции в Латинской Америке характеризуется крайней противоречивостью.

Во-первых, стадия стабилизации, институционализации и макрорегиональной интеграции быстро сменилась дезинтеграцией и субрегионализацией — наблюдается бифуркация регионализма в ЛАКБ²⁰. С 2000 по 2012 г. в регионе сложились несколько интеграционных групп, которые дополнили мозаику старых объ-

¹⁸ СЕЛАК (Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC) – Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна.

¹⁹ ПРОСУР (Foro para el Progreso de América del Sur, PROSUR) — Форум за прогресс и развитие Южной Америки.

²⁰ Arugay Aries A., Moreno G.X. Competing regionalisms? The role of the OAS and UNASUR in Bolivia's constitution-drafting process // IDEA Publications. 15.06.2014. Available at: <http://www.idea.int/resources/analysis/upload/The-Role-of-the-OAS-and-UNASUR-in-Bolivia-s-Constitution-drafting-process.pdf> (accessed: 01.02.2020).

единений (МЕРКОСУР, КАРИКОМ²¹, НАФТА, Андская группа и др.): появились СЕЛАК, УНАСУР, АЛБА, Тихоокеанский альянс. После 2012–2014 гг. сразу несколько интеграционных групп (АЛБА, УНАСУР) вступили в стадию кризиса, что было связано прежде всего с внутривластными изменениями («правый поворот») и кризисами (ситуация в Венесуэле, импичмент и политические перемены в Бразилии и др.)²². Это свидетельствовало об определяющей роли идеологии и политического фактора в формировании системы регионального управления в Латинской Америке на современном этапе, а также о сочетании элементов интеграции на субрегиональном и дезинтеграции на макрорегиональном уровнях.

Во-вторых, произошло ослабление географического начала в интеграции, которое очевидно преобладало ранее (КАРИКОМ — страны Карибского бассейна, МЕРКОСУР — Южного конуса, НАФТА — Северной Америки, Андская группа и т.д.), и усиление функционального принципа в интеграционном строительстве (либеральный Тихоокеанский альянс, левый АЛБА, нацеленный на обеспечение макрорегиональной безопасности УНАСУР и др.).

В-третьих, среди объединяющих факторов большую роль по-прежнему играют представления о цивилизационном единстве региона (боливарианский подход) в противовес панамериканизму. Однако и в этом направлении наблюдаются достаточно противоречивые тенденции. В 2000-е годы понимание цивилизационных и политических различий с США среди элит стран ЛАКБ усилилось, а нежелание интегрироваться с северным соседом было также связано с: 1) неприятием односторонних действий Вашингтона в международных отношениях; 2) выбором собственной, отличной от американских проектов интеграционной модели; 3) попытками региональных и субрегиональных лидеров региона выстраивать собственные кооперационные механизмы, обеспечивая себе таким образом организационный ресурс влияния в Латинской Америке.

Так, Бразилия не только инициировала масштабный проект, объединивший государства Южной Америки, но и стремилась заменить им функции ОАГ. В частности, именно УНАСУР стал основной организацией, которая занималась мирным урегулированием и ста-

²¹ КАРИКОМ (Caribbean Community, CARICOM) — Карибское сообщество.

²² Nolte D., Mijares V.M. La crisis de Unasur y la deconstrucción de Sudamérica // El Espectador. 23.04.2018. Available at: <https://www.researchgate.net/deref/https%3A%2F%2Fwww.elespectador.com%2Fnoticias%2Fel-mundo%2Fla-crisis-de-unasur-y-la-deconstruccion-de-sudamerica-articulo-751730> (accessed: 13.01.2020).

билизацией в регионе (в ходе кризисов в Эквадоре, Боливии, Венесуэле, Парагвае и др.)²³, оттеснив тем самым ОАГ [Кузнецов, 2015].

При этом следует отметить, что в последние годы наблюдается нарастающая эрозия того цивилизационного единства, которое было заложено в основу многосторонних проектов в регионе. Так, УНАСУР оказался в глубоком кризисе, под угрозу поставлено существование самого масштабного латиноамериканского объединения — СЕЛАК, в которое входят все государства макрорегиона, после заявлений президента Бразилии Ж. Болсонару в январе 2020 г. о возможном выходе из форума²⁴.

В-четвертых, латиноамериканский регионализм по-прежнему носит межправительственный, гибкий характер. Наднациональность по типу Европейского союза, которая считалась нормативной в регионе в 1990-е годы, осталась нереализованной. Межправительственный, преимущественно саммитовый формат стал отличительной чертой латиноамериканской интеграции. Лишь в редких случаях она продвинулась в формировании реально работающей сети институтов (например, в МЕРКОСУР). Это связано, в частности, с традиционным отношением государств Латинской Америки к суверенитету: он считается не просто высшей государственной ценностью (и поэтому не может быть делегирован в наднациональные институты), но и незыблемым принципом, который нельзя нарушить даже в рамках международных инициатив по «ответственному суверенитету» (что демонстрирует бразильская инициатива «Responsibility while protecting»²⁵). Интеграция, таким образом, рассматривается как институционализация межгосударственного взаимодействия, основанного на принципах консенсуса, а сотрудничество в сфере безопасности — не как юридически оформленная система коллективной безопасности, а как диалог для достижения взаимного доверия и обеспечения безопасности личности. Такой подход иногда называют «саусфальским» в противовес «вестфальскому», подчеркивая иной

²³ Nolte D. Latin America's new regional architecture: A cooperative or segmented regional governance complex? // EUI RSCAS, 2014/89. Global Governance Programme-126. 2014. Available at: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/32595/RSCAS_2014_89.pdf?sequence=1 (accessed: 12.02.2020).

²⁴ Brazil steps out from CELAC, because of its failure 'to protect democracy' // MercoNews. 17.01.2020. Available at: <https://en.mercopress.com/2020/01/17/brazil-steps-out-from-celac-because-of-its-failure-to-protect-democracy> (accessed: 12.02.2020).

²⁵ Kenkel K.M. Brazil and the responsibility while protecting initiative // Oxford Research Group. 2016. Available at: <https://www.oxfordresearchgroup.org.uk/blog/brazil-and-the-responsibility-while-protecting-initiative> (accessed: 12.02.2020).

ценностный ряд в представлениях о безопасности в Латинской Америке и шире — в странах глобального Юга [Едаргис, 2016].

Наконец, все сказанное позволяет заключить, что интеграция в регионе критически зависима от внутривнутриполитических процессов. Наиболее ярко это проявилось в 2017–2019 гг. в случае с УНАСУР [Хейфец, Хадорич, 2019]. В результате нарастания противоречий между левыми режимами и государствами «правого поворота» сначала возникла проблема с выбором нового председателя союза, а затем на фоне углубления кризиса в Венесуэле большинство стран-участниц вышли из объединения, оставив в УНАСУР левые государства (включая Венесуэлу и Боливию) и создав в 2019 г. новый блок — ПРОСУР. «Правый поворот» в регионе имел несколько последствий: начали разрушаться созданные левыми интеграционные блоки (после снижения политического влияния левых и с началом экономического, а затем и политического кризиса в Венесуэле «боливарианская интеграция» в формате АЛБА фактически зашла в тупик); возникли новые политические противоречия, примером чего стали расхождения в позициях государств по отношению к политическому кризису в Венесуэле 2018–2019 гг.; большинство стран ЛАКБ развернулись в сторону сотрудничества (в том числе интеграции) с США.

Таким образом, если отталкиваться от методологии М.М. Лебедевой, то можно заключить, что к началу третьего десятилетия нынешнего века регион подошел с доминированием контртренда — дезинтеграции: кризисное состояние или распад региональных объединений, конкуренция подходов к базовым принципам интеграционных групп и низкая устойчивость многосторонних институтов перед внутривнутриполитическими изменениями в странах-участницах свидетельствуют скорее о формальном характере интеграции в ЛАКБ, при этом ее дальнейшие треки будут зависеть от способности действующих правительств выработать общую формулу интеграционизма в регионе, сосредоточенную на решении транснациональных вызовов и позволяющую переживать политические трансформации на национальном уровне. Так или иначе, опыт интеграции в Латинской Америке продемонстрировал, что именно интеграционные процессы здесь исторически обуславливали стабильность межгосударственных связей и саму возможность преодоления общерегиональных проблем и угроз, решение которых ввиду их взаимосвязанности возможно лишь на кооперационной и многосторонней основе.

Латиноамериканские «повороты»: маятник демократизации и дедемократизации

Наконец, третьим рассматриваемым мегатрендом является демократизация. Под этим явлением мировой политики понимается не только увеличение количества государств с демократической формой правления, но и устойчивый рост участников (акторов) международных отношений и многосторонних переговорных практик [Мегатренды мировой политики и их развитие в XXI веке, 2019].

В результате изменения структуры латиноамериканских обществ с расширением среднего класса, снижения социальной поддержки авторитарных, военных режимов, а также на фоне демократических трансформаций в Испании и Португалии, оказавших своеобразный демонстрационный эффект [Мадатов, 2008], в конце XX в. Латинская Америка вступила на путь демократизации. С точки зрения теории демократизации С. Хантингтона происходившие тогда процессы в ЛАКБ можно рассматривать в качестве примера третьей волны с такими свойственными ей особенностями, как гибридный, формальный характер демократизации [McCoу, 2008]. Важным фактором стало наличие опыта демократического правления. В странах, где такой опыт был, например в Чили, демократизация проходила быстрее и консолидация демократии требовала незначительного времени. В исторически авторитарных государствах, таких как Боливия и Парагвай, этот процесс затормозился и быстро перешел в стадию умеренного отката. Куба осталась незатронутой данной волной, а Венесуэла вернулась к жесткому авторитаризму [Jiang Shixue, 2010]. Ярким примером отхода от демократизации может выступать также военный государственный переворот в Гондурасе в 2009 г.

Латинская Америка демонстрирует любопытный пример сосуществования нескольких политических культур. С одной стороны, это традиционализм со свойственными ему коллективизмом, лояльностью власти, высокой степенью бюрократизации и патрон-клиентских связей [Waisbord, 1998], рожденный из сплава автохтонно-индейской, иберо-европейской и африканской культур. С другой стороны, это растущее политическое участие, конституционная смена политико-идеологической ориентации (например, носящие мирный характер «левый» и «правый повороты») и новая политическая ответственность, что продемонстрировали, в частности, импичменты в Бразилии. Такое переплетение отражается и в общественном мнении относительно успехов демократии. Так, по результатам опросов, с 2009 г. в регионе наблюдаются устойчивый рост недовольства демократической формой общественного устройства (с 51% в 2009 г.

до 71% в 2018 г.) и снижение степени удовлетворенности демократическими процедурами (с 44% в 2009 г. до 24% в 2018 г.). При этом, по опросам, наибольшая поддержка демократии отмечается в Уругвае, Коста-Рике и Чили, наименьшая — в Бразилии, Перу и Сальвадоре. Наиболее предпочтительной формой правления называли демократию в 2018 г. 48% латиноамериканцев (61% — в 2010 г.). Поддержка авторитарной формы остается стабильной на уровне 13–17% с 1995 г., а количество тех, кто называет свою позицию индифферентной, выросло с 16% в 2010 г. до 28% в 2018 г.²⁶

Негативными факторами, сказывающимися на качестве демократизации и ее восприятии, также являются популизм и клиентелизм, всеохватывающая коррупция, политическое влияние наркокартелей, криминализация общества, эрозия прежде устойчивых политических систем, поляризация электората, слабое гражданское общество [Окунева, 2016].

Что касается многосторонних практик, то механизмы защиты демократии были выработаны в нескольких межгосударственных объединениях, включая МЕРКОСУР и УНАСУР. В рамках последнего был подписан составлен специальный «Дополнительный протокол о приверженности демократии», в соответствии с которым организации предписывалось приостанавливать членство государств, где нарушался демократический строй, а сами члены должны были принимать меры по устранению угрозы демократии, будь то военный переворот или иное другое событие²⁷. Основные принципы, на основе которых функционируют многосторонние организации и форумы в регионе, — главенство международного права, руководящая роль ООН, непреложность суверенитета и нерушимость границ [Мартынов, 2015].

Особый интерес, однако, представляют проявления архаизации или дедемократизации в ЛАКБ, усилившиеся в последние годы. Наиболее ярко соотношение процессов демократизации и дедемократизации в Латинской Америке характеризует специфический для этого региона феномен «поворотов» — левого, охватившего ЛАКБ на рубеже веков, и правого, начавшегося в 2014–2016 гг. «Левый поворот» оказался колоссальным по своему масштабу, втянув Аргентину,

²⁶ Estudio de opinión pública // Latinobarómetro. 2017. Available at: <http://www.latinobarometro.org/lat.jsp> (accessed: 15.02.2020).

²⁷ Protocolo Adicional al Tratado Constitutivo de UNASUR sobre Compromiso con la Democracia // Colombia Government Portal. Available at: <https://www.cancilleria.gov.co/sites/default/files/protocolo-adicional-al-tratado-constitutivo-unasur-sobre-compromiso-c.pdf> (accessed: 14.01.2020).

Боливию, Бразилию, Венесуэлу, Коста-Рику, Никарагуа, Чили, Панаму, Перу, Уругвай и Эквадор. Важно, однако, что установившиеся режимы не были однотипными и разделялись исследователями на несколько категорий: 1) левоцентристские, близкие к европейскому социал-демократизму, опиравшиеся на средний класс и рыночные механизмы и не исповадавшие антиглобалистские и антиимпериалистские идеи (Чили, Уругвай, Коста-Рика); 2) леворадикальные, создававшие альтернативу рыночной экономике и опиравшиеся в популистской риторике на антиамериканизм и антиимпериализм (Венесуэла, Боливия, Эквадор); 3) государства социальной политики, неодесарролисты – те, кто сохранял рыночные и демократические институты, усиливал государственное присутствие в экономике, ориентируя ее на масштабные социальные программы (Бразилия и Аргентина) [Окунева, 2009; Давыдов, 2007]. Левым удалось преодолеть асимметрии существующих экономических моделей, вывести из-за черты бедности десятки миллионов человек и сформировать в регионе новое пространство безопасности и систему регионального управления, основанную на принципе безопасности личности.

Однако в результате глобальных потрясений конца 2000-х годов, а также внутренних кризисов левые правительства теряли свою поддержку. Для одних это было связано с множеством политических и коррупционных скандалов (Бразилия), для других — с зависимостью от энергетического сектора и внешней обстановкой (Венесуэла), для третьих — с ограничением доступа к политическому участию (Боливия) и т.д. С 2014–2016 гг. в среде исследователей-латиноамериканистов был предложен термин «правый поворот», описывающий смену политических ориентаций в регионе [Yang, 2018].

Перестановка сил отразилась и на международно-политическом ландшафте: как уже было отмечено, стали размываться созданные ранее региональные переговорные площадки, утрачиваться идеологическая солидарность. Последний фактор прослеживается, например, в том, что попытки государственных переворотов (в Венесуэле и Боливии в 2019 г.) уже не рассматриваются новыми политическими элитами как нарушение демократических принципов и стабильности (как это было в случае солидарного осуждения странами ЛАКБ переворота в Парагвае в 2012 г. и даже приостановления его участия в МЕРКОСУР²⁸). В настоящее время происходит идеоло-

²⁸ Decisión sobre la suspensión del Paraguay en el MERCOSUR en aplicación del Protocolo de Ushuaia sobre Compromiso Democrático // MERCOSUR. Available at: www.mercosur.int/pt-br/document (accessed: 12.01.2020).

гический раскол, так как представления о сущности демократии и ее обеспеченности региональными коллективными механизмами, прежде всего между правыми и левыми политическими силами, расходятся. Да и сами массовые протесты (в Колумбии, Венесуэле, Боливии, Чили и др.) выходят в регионе на новый виток, продиктованный усиливающейся социальной поляризацией, неэффективными социально-экономическими моделями, попытками элит удержать политическую власть любыми способами. Нарастание протестной волны продолжает угрожать дестабилизацией региональной международно-политической ситуации.

В контексте дедемократизации необходимо также отметить рост популярности в регионе таких в разной степени радикальных течений, как анархизм, марксизм-ленинизм, троцкизм, левый индеанизм, неосапатизм, радикальный боливарианизм²⁹ и др. И хотя был достигнут прогресс в переговорах правительства Колумбии с повстанцами ФАРК³⁰, решить проблему радикальных движений, которые представляют собой наиболее влиятельный фактор архаизации в регионе, влекущий одновременно проблемы и наркоторговли, и организованной преступности, и терроризма, окончательно не удастся [Мартынов, 2015]. Такая популярность радикальных идей связана с сохранением острых социальных проблем: нищеты, голода, криминализации, маргинализации целых слоев населения, становящихся легко подверженными как политическому популизму, так и идеологии радикальных, повстанческих движений [de la Torre, 2017].

²⁹ Спектр радикальных латиноамериканских движений довольно широк с точки зрения их идеологий. Анархизм, марксизм-ленинизм и троцкизм были унаследованы из европейской политики еще первой половины XX в. и остаются популярными среди по большей части молодежных радикальных групп. *Индеанизм* тоже имеет глубокие исторические корни и представляет собой социально-политическое течение, отстаивающее право индейского населения на самоопределение и акцентирующее нерешенность «индейского вопроса» — социальной депривации и маргинализации коренных народов. *Сапатизм* получил развитие в 1990-е годы в Мексике, опираясь в основном на бедные слои населения, прежде всего индейцев-крестьян. Сапатисты выступили против либеральных реформ, ратификации договора о создании НАФТА и, ведя подпольную незаконную деятельность, распространяли свою идеологию среди бедных слоев населения, призывая к революции. В 2000-е годы лидеры неосапатистского движения перешли к умеренной программе борьбы за права коренных народов, организовав Межконтинентальные встречи коренных народов и развивая антиглобалистский дискурс. *Радикальный боливарианизм*, к представителям которого относят и Уго Чавеса, ассоциируется с антиимпериализмом, антиглобализмом, антиамериканизмом, а также с политикой автаркии.

³⁰ ФАРК (Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia, FARC) — Революционные вооруженные силы Колумбии.

Дедемократизация в ЛАКБ проявляется, таким образом, в 1) невозможности формирования активного гражданского общества и — в ряде случаев — консолидации демократических практик; 2) неустойчивости и неэффективности многосторонних институтов в регионе (что, опять-таки, способствует дезинтеграции); 3) изоляционистских тенденциях на национальном уровне. Возможность усиления демократизации региональной политики в Латинской Америке будет зависеть во многом от успеха в преодолении именно этих проблем.

Сценарии регионального развития в Латинской Америке

Как было указано в начале статьи, выбранный подход к выделению ключевых мирополитических мегатрендов позволяет, опираясь на их соотношение и взаимовлияние, предлагать прогнозы дальнейшего развития региона. Исходя из рассмотренных особенностей преломления глобализационных, интеграционных и демократических тенденций в ЛАКБ, можно выстроить несколько таких сценариев.

Первый может быть обозначен как «Союз трех Америк». Развитие ситуации в этом ключе подразумевает институциональное объединение Северной, Центральной и Южной Америки, т.е. преобладание панамериканского подхода к интеграции в регионе. Во-первых, это может быть связано с последствиями «правого поворота» и прихода к власти сил, позитивно воспринимающих опыт сотрудничества с США, лишенных антиамериканской риторики и нацеленных на поиск новых стимулов роста. Во-вторых, в реализации данного сценария многое зависит от политики самих Соединенных Штатов, их готовности рассматривать Латинскую Америку в качестве равного партнера. Возможны как оживление ОАГ, еще не растерявшей потенциал влияния и углубления сотрудничества, так и усиление торгово-экономического взаимодействия через возобновление переговоров о ФТАА. Основные препятствия для данного сценария — это выросшие амбиции региональных и субрегиональных лидеров ЛАКБ и зависимость от курса предыдущих правительств, нацеленных на интеграцию без участия США и Канады, а также политика Вашингтона в регионе. Наиболее утопичным вариантом развития сценария могло бы стать формирование системы коллективной безопасности в Западном полушарии — некоторое подобие НАТО в этой части света. Более вероятный вариант — постепенная институционализация экономического сотрудничества через расширение сети как двусторонних, так и многосторонних зон свободной торговли с США. Двигателем этого процесса могут выступать Тихоокеанский

альянс и опыт его членов по диалогу с «северным соседом» в рамках Транстихоокеанского партнерства. В этом случае интеграция носила бы макрорегиональный характер. Глобализация обеспечила бы странам ЛАКБ новые возможности по встраиванию в глобальную экономику, но при этом обнажила бы проблемы, связанные с низкой конкурентоспособностью довольно слабых экономик региона. Сотрудничество в рамках ОАГ и наращивание международных усилий по защите демократических ценностей, хотя и могло бы способствовать консолидации демократий в Латинской Америке, при этом усилило бы антиглобалистские и антиамериканские движения, в том числе радикального толка.

Второй сценарий — «новый боливарианизм» — подразумевает цивилизационное обособление региона в рамках крупных интеграционных структур, объединяющих пространство ЛАКБ. Наличие специфических проблем и вызовов, опыт последних десятилетий по выстраиванию собственной системы регионального управления, исторические и культурные факторы, а также неприятие внешнеполитических акций США могут способствовать развитию именно этого сценария. Наименее вероятным его вариантом является создание относительно жестких институтов сотрудничества на всем пространстве ЛАКБ (например, институционализация СЕЛАК или появление нового объединения). Более реальными видятся расширение и углубление взаимодействия в рамках ПРОСУР. Это потребует от государств региона большей готовности к развитию межгосударственных (возможно, и наднациональных) структур, оформлению юридических обязательств, в том числе в сфере безопасности, а также к созданию реально работающей системы принятия решений и их коллективного исполнения. Последнее условие представляется наиболее важным, так как на всех этапах региональной интеграции в ЛАКБ гораздо чаще формировались неустойчивые и малоэффективные объединения. «Новый боливарианизм» означает новую идеологию латиноамериканского партнерства, основанного больше на прагматическом сотрудничестве, нежели на политико-идеологических ориентациях. Именно это способно обеспечить стабильность макрорегиональной интеграции в ЛАКБ. Кроме того, реализуемость такого прогноза будет зависеть от способности Бразилии выступать в качестве региональной державы: брать на себя инициативу в деле регионостроительства и договариваться с субрегиональными лидерами. Ослабление УНАСУР и АЛБА (на фоне внутреннего кризиса в Венесуэле) может привести к выбору прагматичной модели кооперации, а уже имеющийся опыт сотрудничества в больших

макрорегиональных группах (УНАСУР, СЕЛАК) — сыграть конструктивную роль в формировании новой большой региональной организации. Латинской Америке придется и дальше бороться за преодоление периферийности в условиях глобализации, но при этом появление новой макрорегиональной интеграционной структуры (на базе ПРОСУР или принципиально новой) создаст дополнительные стимулы роста, а демократизация в регионе будет обеспечиваться в том числе многосторонними механизмами поддержки демократии, которые уже сложились и в МЕРКОСУР, и в УНАСУР.

Третий сценарий — «Субамериканизация». В действительности он представляет собой продолжение линейного развития нынешних трендов в регионе. Это вариант международно-политической хаотизации по-латиноамерикански, связанной с дальнейшим дроблением ЛАКБ на субрегиональные объединения, сформированные географически и функционально, стянутые вокруг субрегиональных лидеров или различных моделей развития (многие из таких объединений окажутся, как и ранее, временными и малоэффективными блоками). Это создание сложной институциональной мозаики, более калейдоскопичной, чем та, что сложилась в регионе в начале XXI в. При таком сценарии ПРОСУР не сможет сформировать работающий механизм, так как изначально закладывает антагонизм и разделительные линии с государствами, сохранившими членство в УНАСУР. Регион продолжит дробиться на группы тех, кто является сторонниками панамериканской и — шире — трансрегиональной интеграции (вероятно, страны Тихоокеанского побережья и Мексика), тех, кто предпочтет боливарианский подход (в этом стане могут оказаться Венесуэла, Парагвай, Бразилия и др.), а также тех, кто будет стремиться создавать объединения, обеспечивающие им региональное влияние. Такая субрегионализация будет и дальше размывать латиноамериканскую идентичность, сформирует новые противоречия торгового и политического характера, обеспечит в регионе разношерстность политических режимов и плюрализм социально-экономических моделей развития. Всё это создаст неравные возможности для стран региона для участия в глобализации, мировом разделении труда, конкуренции, может усилить протестную волну в наиболее влиятельных государствах ЛАКБ. При этом интеграция будет протекать на субрегиональном уровне, не позволяя странам выравнять региональные диспропорции и решать актуальные задачи. Сценарий «Субамериканизация» является наиболее вероятным, однако его реальные последствия имеют и наиболее деструктивный потенциал для стабильности и развития в ЛАКБ.

Анализ преломления ключевых современных мирополитических мегатрендов в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна, а также обозначение наиболее вероятных сценариев его развития, выстроенных в соответствии с логикой взаимовлияния и соотношения рассмотренных тенденций, подтверждают гипотезу о том, что в настоящий момент преобладают именно контртренды, связанные с изоляционизмом, дезинтеграционными процессами и снижением демократичности в международных отношениях, глобальном и региональном управлении. Применение избранной методологии к региональным процессам в Латинской Америке, вместе с тем, позволяет сделать вывод о нелинейном характере мегатрендов, их сложном переплетении и влиянии не только на структуру глобальной системы международных отношений, но также на региональные подсистемы и, более того, на политические системы отдельных государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атаев М. Латинская Америка в фокусе интересов ведущих мировых держав // *Власть*. 2012. № 4. С. 180–182.
2. Голубев К. Особенности российского антиглобализма // *Международные процессы*. 2006. Т. 4. № 11. С. 112–118.
3. Давыдов В.М. Беспрецедентный сдвиг в политическом ландшафте региона // *Латинская Америка*. 2007. № 7. С. 19–25.
4. Едгарис А.А. Военно-политическое сотрудничество в рамках УНАСУР // *Иberoамериканские тетради*. 2016. № 4. С. 83–87.
5. Кузнецов Д.А. Латиноамериканская интеграция и субрегионализация на современном этапе: политико-идеологическое измерение // *Сравнительная политика*. 2015. № 3. С. 65–84. DOI: 10.18611/2221-3279-2015-6-3(20)-65-84.
6. *Латинская Америка в современной мировой политике* / Отв. ред. В.М. Давыдов. М.: Наука, 2009.
7. Лебедева М.М. Современные мегатренды мировой политики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 9. С. 29–37. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37.
8. Мадатов А.С. Региональные особенности демократизации: демократические транзиты и проблемы консолидации демократии в Латинской Америке // *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2008. № 2. С. 5–19.
9. Мартынов Б.Ф. «Запад» и «не-Запад»: прошлое, настоящее... будущее? М.: ИЛА РАН, 2015.
10. *Мегатренды мировой политики и их развитие в XXI веке* / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2019.
11. *Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке* / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: Аспект Пресс, 2014.

12. Окунева Л.С. «Левый поворот» и демократия в Латинской Америке // Международные процессы. 2009. № 1. С. 43–53.

13. Окунева Л.С. Политическая модернизация в странах Латинской Америки // Практика зарубежного регионоведения и мировой политики / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: ИНФРА-М, 2016. С. 116–122.

14. Охеда Кальюни Э. Экономические реформы и модель социально ориентированного развития в Латинской Америке: Дисс. ... канд. экон. наук. М., 2007.

15. Пятаков А.Н. Латиноамериканская грань мирового альтерглобализма: итоги и перспективы развития // Свободная мысль. 2007. № 7. С. 56–64.

16. Пятаков А.Н. Латиноамериканские подходы к проблеме глобализации. Взгляд сквозь XXI век // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 1. С. 85–93. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-85-93.

17. Розов Н.С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск: НГУ, 1992.

18. Сударев В.П. Латинская Америка перед новыми глобальными вызовами // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 444–460.

19. Хейфец В., Хадорич Л. Союз южноамериканских наций: туманные перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 2. С. 85–93. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-85-93.

20. Allahar H. Major global megatrends: Implications for advanced and emerging countries // Journal of Management. 2014. Vol. 2. No. 8. P. 1–18.

21. Frank A.G. Capitalism and underdevelopment in Latin America: Historical studies of Chile and Brazil. New York: Monthly Review Press, 1967.

22. The geography of the peace / Ed. by H. Spykman. New York: Harcourt Brace & Co., 1944.

23. Haslam P.A. Globalization in Latin America and its critics // International Studies Review. 2012. Vol. 14. No. 2. P. 331–339.

24. Jiang Shixue. Latin American politics after the ‘third wave’ of democratization and its future prospects // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2010. Vol. 2. No. 5. P. 6764–6771. DOI: 10.1016/j.sbspro.2010.05.022.

25. Latin America at a crossroads / Ed. by A. Mori, L. Zanatta. Milano: Ledizioni, 2017.

26. McCoy J.L. Democratic transformation in Latin America // The Whitehead Journal of Diplomacy and International Relations. 2008. Winter/Spring. P. 19–29.

27. Myers M. China’s Belt and Road initiative: What role for Latin America? // Journal of Latin American Geography. 2018. Vol. 17. No. 2. P. 239–243. DOI: 10.1353/lag.2018.0037.

28. Naisbitt J. Megatrends: Ten new directions transforming our lives. Brantford: W. Ross Macdonald School, 1988.

29. Nolte D., Comini N.M. UNASUR: Regional pluralism as a strategic outcome // Contexto Internacional. 2016. Vol. 38. No. 2. P. 545–565.

30. Riggirozzi P., Grugel J. Regional governance and legitimacy in South America: The meaning of UNASUR // *International Affairs*. 2015. Vol. 91. No. 4. P. 781–797. DOI: 10.1111/1468-2346.12340.
31. Rostow W.W. *The stages of economic growth: A non-communist manifesto*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
32. Theodore J.D. The process of globalization in Latin America // *International Business & Economics Research Journal*. 2015. Vol. 14. No. 1. P. 193–198. DOI: 10.19030/iber.v14i1.9044.
33. Torre de la C. Populism in Latin America // *The Oxford handbook of populism* / Ed. by C. Rovira Kaltwasser, P. Taggart, P. Ochoa Espejo, P. Ostiguy. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 195–213.
34. Waisbord S. When the cart of media is before the horse of identity: A critique of technology-centered views on globalization // *Communication Research*. 1998. Vol. 25. P. 377–398.
35. Wallerstein I. *World-systems analysis: An introduction*. Durham: Duke University Press, 2004.
36. Yang J. Political pendulum of ‘left’ and ‘right’ phenomenon in Latin American politics // *Journal of Latin American Studies*. 2018. Vol. 40. No. 1. P. 82–99.

D.A. Kuznetsov

LATIN AMERICA IN THE 21ST CENTURY: REGIONAL DEVELOPMENT TRAJECTORIES

*Moscow State Institute for International Relations (University)
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454*

Latin America and the Caribbean region (LAC), which includes more than thirty countries, is traditionally characterized by a complex combination of elements of homogeneity and heterogeneity. The latter, stemming from traditional economic social and political differentiation and ideological polarization, in the modern context strengthens regional contradictions and creates new division lines. At the same time, the turn of the 20th and 21st centuries was marked by a growing integration of the region into the global market and globalization processes in general. In order to provide an outlook on the possible future developments in LAC, the author examines how the key trends of the current world politics permeate the region. The theoretical framework of the paper is based on the methodology proposed by the Russian researcher M.M. Lebedeva who outlines three basic megatrends — globalization, integration, and democratization and their counter-trends — deglobalization, disintegration, and dedemocratization, accordingly. It is within this broader context of a complex interplay of these trends and counter-trends, that the dynamics of regional processes in LAC is conceived. On this basis, the author identifies three possible regional development scenarios. The first one

presupposes strengthening of institutional linkages between North, Central, and South America on the basis of Pan-American ideas. The second implies civilizational 'isolation' of LAC within large but still only regional integration projects. Finally, the third scenario proceeds from the linear development of the current regional trends. It implies further fragmentation of LAC within subregional organizations and chaotization of regional international relations. The author concludes that currently the regional development is affected predominantly by counter-trends, which are evidenced by increasing isolationism, an impasse facing major integration projects and democratic institutions, and the growth of populist movements. At the same time, all this shows that Latin America is fully integrated in global economic and political processes since these counter-trends characterize the development of a contemporary system of international relations in general.

Keywords: Latin America and the Caribbean, megatrends, globalization, integration, democratization, deglobalization, alterglobalism, populism, regionalism, left turn, right turn, PROSUR, UNASUR, MERCOSUR, ALBA.

About the author: Denis A. Kuznetsov — Lecturer at the Department of World Political Processes, Research Fellow at the Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University (e-mail: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru).

REFERENCES

1. Ataev M. 2012. Latinskaya Amerika v fokuse interesov vedushchikh mirovykh derzhav [Latin America in the focus of interests of leading world powers]. *Vlast'*, no. 4, pp. 180–182. (In Russ.)
2. Golubev K. 2006. Osobennosti rossiiskogo antiglobalizma [Specifics of Russian antiglobalism]. *International trends*, vol. 4, no. 11, pp. 112–118. (In Russ.)
3. Davydov V.M. 2007. Bespretsedentnii sdvig v politicheskom landshafte regiona [An unprecedented shift in the political landscape of the region]. *Latinskaya Amerika*, no. 7, pp. 19–25. (In Russ.)
4. Edargis A.A. 2016. Voenno-politicheskoe sotrudnichestvo v ramkakh UNASUR [Political and military cooperation in the margins of UNASUR]. *Iberoamerican notes*, no. 4, pp. 83–87. (In Russ.)
5. Kuznetsov D.A. 2015. Latinoamerikanskaya integratsiya i subregionalizatsiya na sovremennom etape: politiko-ideologicheskoe izmerenie [Latin American integration and sub-regionalization: Political and ideological dimension]. *Comparative Politics Russia*, no. 3, pp. 65–84. DOI: 10.18611/2221-3279-2015-6-3(20)-65-84. (In Russ.)
6. Davydov V.M. (ed.). 2009. *Latinskaya Amerika v sovremennoi mirovoi politike* [Latin America in contemporary world politics]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
7. Lebedeva M.M. 2019. Sovremennye megatrendy mirovoi politiki [Modern megatrends of world politics]. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no. 9, pp. 29–37. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37. (In Russ.)

8. Madatov A.S. 2008. Regional'nye osobennosti demokratizatsii: demokraticheskie tranzity i problemy konsolidatsii demokratii v Latinskoi Amerike [Regional particularities of democratization: Democratic transitions and the problems of the consolidation of democracy in Latin America]. *Vestnik RUDN, seriya Politologiya*, no. 2, pp. 5–19. (In Russ.)

9. Martynov B.F. 2015. *'Zapad' i 'ne-Zapad': proshloe, nastoyashchee... budushchee?* ['West' and 'non-West': Past, present... future?]. Moscow, ILA RAN Publ. (In Russ.)

10. Lebedeva M.M. (ed.). 2019. *Megatrendy mirovoi politiki i ikh razvitie v XXI veke* [Megatrends of world politics and their development in the 21st century]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

11. Shakleina T.A., Baykov A.A. (eds.). 2014. *Megatrendy. Osnovnye traektorii evolyutsii mirovogo poryadka v XXI veke* [Megatrends. The main development trajectories of the world order in the 21st century]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

12. Okuneva L.S. 2009. 'Levyi povorot' i demokratiya v Latinskoi Amerike [The 'left turn' and democracy in Latin America]. *International trends*, no. 1, pp. 43–53. (In Russ.)

13. Okuneva L.S. 2016. Politicheskaya modernizatsiya v stranakh Latinskoi Ameriki [Political modernization in Latin America]. In Voskresenskii A.D. (ed.). *Praktika zarubezhnogo regionovedeniya i mirovoi politiki* [The practice of regional studies and world politics]. Moscow, INFRA-M Publ., pp. 116–122. (In Russ.)

14. Okheda Kal'yuni E. 2007. *Ekonomicheskie reformy i model' sotsial'no orientirovannogo razvitiya v Latinskoi Amerike* [Economic reforms and the model of people-centred development in Latin America]. PhD (Economics) Dissertation. Moscow. (In Russ.)

15. Pyatakov A.N. 2007. Latinoamerikanskaya gran' mirovogo al'terglobalizma: itogi i perspektivy razvitiya [Latin American facet of world alter globalization: Results and development prospects]. *Svobodnaya mysl'*, no. 7, pp. 56–64. (In Russ.)

16. Pyatakov A.N. 2018. Latinoamerikanskies podkhody k probleme globalizatsii. Vzgl'yad skvoz' XXI vek [Latin American approaches to globalization problem. A look through the 21st century]. *World Economy and International Relations*, vol. 62, no. 1, pp. 85–93. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-85-93. (In Russ.)

17. Rozov N.S. 1992. *Struktura tsivilizatsii i tendentsii mirovogo razvitiya* [The structure of civilization and global development trends]. Novosibirsk. (In Russ.)

18. Sudarev V.P. 2016. Latinskaya Amerika pered novymi global'nymi vyzovami [Latin America facing new global challenges]. In Gaman-Golutvina O.V. (ed.). *Politicheskaya nauka pered vyzovami global'nogo i regional'nogo razvitiya* [Political science facing the challenges of global and regional development]. Moscow, Aspekt Press Publ., pp. 444–460. (In Russ.)

19. Kheifets V., Khadorich L. 2019. Soyuz yuzhnoamerikanskikh natsii: tumannye perspektivy [Union of South American Nations: Clouded prospects].

World Economy and International Relations, vol. 63, no. 2, pp. 85–93. DOI: 10.20542 / 0131-2227-2019-63-2-85-93. (In Russ.)

20. Allahar H. 2014. Major global megatrends: Implications for advanced and emerging countries. *Journal of Management*, vol. 2, no. 8, pp. 1–18.

21. Frank A.G. 1967. *Capitalism and underdevelopment in Latin America: Historical studies of Chile and Brazil*. New York, Monthly Review Press.

22. Spykman H. (ed.). 1944. *The geography of the peace*. New York, Harcourt Brace & Co.

23. Haslam P.A. 2012. Globalization in Latin America and its critics. *International Studies Review*, vol. 14, no. 2, pp. 331–339.

24. Jiang Shixue. 2010. Latin American politics after the ‘third wave’ of democratization and its future prospects. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, vol. 2, no. 5, pp. 6764–6771. DOI: 10.1016/j.sbspro.2010.05.022.

25. Mori A., Zanatta L. (eds.). 2017. *Latin America at a crossroads*. Milano, Ledizioni.

26. McCoy J.L. 2008. Democratic transformation in Latin America. *The Whitehead Journal of Diplomacy and International Relations*, Winter/Spring, pp. 19–29.

27. Myers M. 2018. China’s Belt and Road initiative: What role for Latin America? *Journal of Latin American Geography*, vol. 17, no. 2, pp. 239–243. DOI: 10.1353/lag.2018.0037.

28. Naisbitt J. 1988. *Megatrends: Ten new directions transforming our lives*. Brantford, W. Ross Macdonald School.

29. Nolte D., Comini N.M. 2016. UNASUR: Regional pluralism as a strategic outcome. *Contexto Internacional*, vol. 38, no. 2, pp. 545–565.

30. Riggirozzi P., Grugel J. 2015. Regional governance and legitimacy in South America: The meaning of UNASUR. *International Affairs*, vol. 91, no. 4, pp. 781–797. DOI: 10.1111/1468-2346.12340.

31. Rostow W.W. 1991. *The stages of economic growth: A non-communist manifesto*. Cambridge, Cambridge University Press.

32. Theodore J.D. 2015. The process of globalization in Latin America. *International Business & Economics Research Journal*, vol. 14, no. 1, pp. 193–198. DOI: 10.19030/iber.v14i1.9044.

33. Torre de la C. 2017. Populism in Latin America. In Rovira Kaltwasser C., Taggart P., Ochoa Espejo P., Ostiguy P. (eds.). *The Oxford handbook of populism*. Oxford, Oxford University Press, pp. 195–213.

34. Waisbord S. 1998. When the cart of media is before the horse of identity: A critique of technology-centered views on globalization. *Communication Research*, vol. 25, pp. 377–398.

35. Wallerstein I. 2004. *World-systems analysis: An introduction*. Durham, Duke University Press.

36. Yang J. 2018. Political pendulum of ‘left’ and ‘right’ phenomenon in Latin American politics. *Journal of Latin American Studies*, vol. 40, no. 1, pp. 82–99.

З.В. Ивановский, Д.М. Розенталь*

ВЕНЕСУЭЛА: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ И МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт Латинской Америки Российской академии наук»,
115035, Москва, ул. Б. Ордынка, 21/16*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20*

В центре внимания авторов статьи — сложный клубок внутри- и внешнеполитических факторов, которые в своей совокупности, с одной стороны, привели к началу системного кризиса в Венесуэле, а с другой — обусловили его ярко выраженную специфику в сравнении с волной протестов, захлестнувшей многие страны Латинской Америки в 2019 г.

Показано, что обострившийся конфликт в Венесуэле вызван не только противостоянием законодательной и исполнительной ветвей власти, но и расколом всего общества на сторонников и противников «социализма XXI века». Возникшие противоречия привели к формированию параллельных властных структур: в стране де-факто сосуществуют два президента, два парламента и два верховных суда (один из них в эмиграции), при этом каждый институт претендует на исключительную легитимность.

Авторы подчеркивают, что ситуация в Венесуэле имеет и очевидные региональные последствия: просчеты действующего президента

* *Ивановский Збигнев Владиславович* — доктор политических наук, профессор, руководитель Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН, профессор факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: z.w.iwanowski@gmail.com); *Розенталь Дмитрий Михайлович* — кандидат исторических наук, заместитель директора Института Латинской Америки РАН, доцент факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: rozentaldm@gmail.com).

обыгрывались в избирательных кампаниях в других латиноамериканских странах и стали одной из причин поражения левых кандидатов на выборах, а «правый дрейф» привел к изоляции республики. Новый политический ландшафт затронул и архитектуру интеграционных объединений, не способных выработать единую позицию по отношению к боливарианскому режиму.

В условиях усиления конфликтогенности международных отношений Венесуэла стала центром пересечения интересов влиятельных субъектов мировой политики, прежде всего США, КНР, России и Европейского союза, конкурирующих за ее энергетические ресурсы и имеющих собственные геополитические интересы. При этом неготовность внешних сил прийти к компромиссному решению и побудить основных участников противостояния сесть за стол переговоров может создать угрозу миру и международной безопасности.

В этой связи авторы заключают, что Венесуэла превратилась в одну из самых турбулентных стран, однако повторяющиеся всплески протестных волн существенно отличаются от сходных выступлений в других государствах региона. При самом негативном сценарии постоянно ухудшающаяся ситуация может завершиться социальным взрывом, который создаст опасность превратить Боливарианскую Республику в очередную «горячую точку» планеты.

Ключевые слова: Венесуэла, политические конфликты, Николас Мадуро, чавизм, Хуан Гуайдо, «левый поворот», «правый поворот», интеграционные процессы, социальные протесты, США, КНР, Российская Федерация, Европейский союз, Турция, Индия.

Системный кризис в Венесуэле является сейчас объектом повышенного внимания как российских, так и зарубежных ученых, при этом особое беспокойство вызывают перспективы развития и возможные последствия внутривнутриполитического конфликта, разгоревшегося в стране в последние годы.

В частности, эксперты базирующегося в Барселоне Института переходных процессов (Institute for Integrated Transitions, IFIT) опубликовали фундаментальную монографию с предложениями по осуществлению демократического транзита. Альтернативные доклады подготовлены Международной кризисной группой (International Crisis Group) со штаб-квартирой в Брюсселе [Elementos de una transición integral e incluyente en Venezuela, 2020; El enigma militar en Venezuela, 2019; Imagining a resolution of Venezuela's crisis, 2020]. Давая глубокий анализ ситуации в Боливарианской Республике, эти работы, тем не менее, не учитывают неготовность Николаса Мадуро пойти на уступки. Трансформация политики боливарианского пра-

вительства и его способность адаптироваться к неблагоприятным условиям нашли отражение в исследованиях Хавьера Корралеса (США), который считает чавистский режим автократией [Corrales, 2018, 2020]. Сходной точки зрения придерживается историк Маргарита Лопес Майя, анализирующая фактор популизма и особенности «социализма XXI века» [López Maya, 2018a, 2018b]. Внутриполитической ситуации посвящены также монографии французских авторов «Венесуэла. 20 лет после Боливарианской революции» и «Венесуэла: от утопии к хаосу» [Garzón et al., 2020; Vásquez Lezama, 2019]. Участие вооруженных сил в политике нашло отражение в работах венесуэльской исследовательницы Росио Сан Мигель и аргентинского эксперта Рут Диаминт [San Miguel, 2011; Diamint, 2018].

В российской историографии феномен трансформации режима Н. Мадуро пока не привлек должного внимания. Наряду с публикациями З.В. Ивановского и Д.М. Розенталя [Ивановский, 2014; Iwanowski, 2018; Розенталь, 2019] следует упомянуть работы ветерана отечественной латиноамериканистики Э.С. Дабагяна, который относится к политике правительства весьма критически [Дабагян, 2018, 2014]. Противоположной точки зрения придерживается А.Н. Пятаков, утверждающий, что руководство Боливарианской Республики обладает легитимностью и значительным ресурсом устойчивости, а общество характеризуется большой степенью абсентеизма [Alekseenko, Ryatakov, 2019]. В круг интересов исследователя также входит изучение эволюции роли венесуэльской армии [Пятаков, 2019].

Следует отметить, что рассмотрение кризиса в Венесуэле не ограничивается, естественно, анализом лишь только чисто политических сюжетов. Экономическим проблемам посвящены публикации венесуэльских экспертов Луиса Самбрано, Мануэля Сатерленда и Эдгардо Ландера [Zambrano Sequín, 2016; Sutherland, 2018; Lander, 2017]. В России этой тематикой занимаются В.Л. Семёнов, П.П. Яковлев, С.В. Жуков и О.Б. Резникова [Семёнов, 2017, 2018; Яковлев, 2019a, 2019b; Жуков, Резникова, 2018].

Наконец, не остается без внимания и международно-политическое измерение этого кризиса. Известным специалистом по внешней политике Венесуэлы является Карлос А. Ромеро [Romero, Mijares, 2016]. Статьи Роберта Эвана Эллиса посвящены позициям России и КНР, а также влиянию системного кризиса на региональную безопасность [Ellis, 2017]. Отношения Каракаса с государствами Западного полушария анализируют Сандра Борда (Колумбия), Майкл Камил-

лери (США), а также российские исследователи Т.А. Воротникова, А.Н. Пятаков, Д.М. Розенталь, В.Л. Хейфец и Л.В. Хадорич [Borda, 2020; Camilleri, 2018; Воротникова, 2019; Пятаков, 2018b; Розенталь, 2016, 2018; Rozental, Jeifets, 2018; Хейфец, Розенталь, 2015; Хейфец, Хадорич, 2017, 2019; Jeifets et al., 2018].

В то же время, несмотря на значительное количество публикаций, системный кризис в Венесуэле и его внешнеполитические последствия в силу их чрезвычайной сложности и многоаспектности по-прежнему нуждаются в дополнительном изучении и представляют актуальную исследовательскую задачу. В рамках данной статьи предпринята попытка представить комплексный анализ указанных многообразных аспектов системного кризиса в Венесуэле и изучить их преломление в контексте последних событий в этой стране.

Системный кризис и расстановка политических сил

После прихода к власти в Венесуэле в 2013 г. Николаса Мадуро Мороса резкое обострение негативных экономических, социальных и политических факторов привело к возникновению системного кризиса, выхода из которого пока не намечается. Экономика страны фактически находится в состоянии свободного падения: по данным Международного валютного фонда (МВФ), в 2015 г. ВВП снизился на 6,2%, в 2016 г. — на 17,0, в 2017 г. — на 15,7, в 2018 г. — на 18,0 и в 2019 г. — на рекордные 35%¹. По оценке директора департамента Западного полушария МВФ Алехандро Вернера, в целом за последние пять лет ВВП Венесуэлы сократился на 60%², в 2020 г. прогнозируется его снижение еще на 10%³. В условиях нового падения мировых цен на нефть и отказа МВФ предоставить правительству Н. Мадуро кредит для борьбы с пандемией коронавируса этот прогноз может оказаться излишне оптимистичным.

Резкое ухудшение экономической ситуации в Венесуэле связано не только со снижением цен на углеводороды, экспорт которых составляет до 99% валютных поступлений, но и с сокращением нефтедобычи, а в последние два года — и с американскими санкциями. Из-за отсутствия инвестиций и ухода квалифицированных

¹ Country Data. Venezuela // International Monetary Fund (IMF). Available at: <https://www.imf.org/en/Countries/VEN#countrydata> (accessed: 21.03.2020).

² Transcript of the Western Hemisphere Department press briefing // IMF. 29.01.2020. Available at: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/01/29/tr012920-transcript-of-the-january-2020-western-hemisphere-department-press-briefing> (accessed: 20.03.2020).

³ Country Data. Venezuela // IMF. Available at: <https://www.imf.org/en/Countries/VEN#countrydata> (accessed: 21.03.2020).

специалистов с 2010 по 2020 г. нефтедобыча уменьшилась почти в четыре раза (с 3,2 млн до 882 тыс. барр. в сутки). При этом за 20 лет боливарианского режима государство-рантье не предприняло даже минимальных усилий по диверсификации экономики [Garzón et al., 2020].

Среди других фундаментальных причин экономического кризиса российский исследователь В.Л. Семёнов называет прежде всего экономическую политику и ряд других факторов: вытеснение из хозяйственной жизни средних и крупных предпринимателей, конфискацию эффективных частных компаний, жесткий контроль над ценами (а значит, и отсутствие стимулов к работе), издержки производства и обмена валюты, создание на основе конфискованных фирм низкорентабельных или полностью недееспособных кооперативов и коммун, нерациональное использование ресурсов, некомпетентность кадрового состава и т.д. [Семёнов, 2018: 39–40; Шинкаренко, 2020: 99–100].

Венесуэла является мировым лидером и по уровню гиперинфляции, которая составила 121,7% в 2015 г., 254,9 — в 2016 г., 438,1 — в 2017 г., 65 370 — в 2018 г., 200 000 — в 2019 г. и 500 000% (прогноз) в 2020 г.⁴ Для стабилизации финансового рынка в 2018 г. правительство отказалось от параллельных котировок доллара, перешло к единому обменному курсу, определяемому на аукционах, и деноминировало национальную валюту, однако эти меры не принесли ожидаемых результатов: первоначально 1 долл. США соответствовал 60 суверенным боливарам, в конце марта 2020 г. его котировка достигла 73 тыс.⁵ Невозможность наличных расчетов в национальной денежной единице вынудила правительство легализовать обмен валюты и допустить свободное использование доллара.

В то время как правительству Уго Чавеса Фриаса благодаря успешной социальной политике с 2002 по 2012 г. удалось добиться снижения уровня бедности с 45,3 до 17,6%, в том числе нищеты — с 6,8 до 4,6%, уже в 2014 г. доля бедных хозяйств повысилась до 24, а нищих — до 10,3%⁶. При этом в Венесуэле сохранялся низкий уровень социальной поляризации: в 2014 г. индекс Джини составил 0,378 пункта по сравнению с 0,477 в среднем по Латинской Америке⁷. После прихода к власти Н. Мадуро Боливарианская Республика пере-

⁴ Ibidem.

⁵ Dolar Today. Available at: <https://dolartoday.com/> (accessed: 21.03.2020).

⁶ Panorama social de América Latina 2019. Santiago de Chile: CEPAL, 2019. P. 97, 123.

⁷ Ibid. P. 42, 85–86.

стала предоставлять официальные данные, однако по результатам исследования, проведенного Католическим университетом Андреса Бельо и Институтом социальных и экономических исследований, с 2015 по 2018 г. число бедных домохозяйств выросло на 10% и составило 51%⁸. Итоги соцопросов показывают гораздо более негативную ситуацию: по мнению респондентов, с 2015 по 2018 г. уровень бедности вырос с 48,4 до 87%, в том числе нищеты — с 25 до 61,2%, 78% граждан недоедают, а 73% перестали делать традиционные покупки. Высокая стоимость и дефицит продуктов частично компенсируются распределением продуктовых наборов по крайне низким ценам среди обладателей патриотического удостоверения (*carnet de la Patria*), однако в Каракасе этой системой охвачены только 62%, а в провинции — 18% граждан⁹. Острый дефицит лекарств, продуктов и товаров первой необходимости, перебои с электроснабжением заставляют говорить о гуманитарном кризисе [Vásquez Lezama, 2019]. В последний год благодаря легализации доллара полки магазинов стали заполняться, однако разрыв в доходах между различными слоями населения начал резко усиливаться.

Низкий уровень жизни, отсутствие социальной интегрированности значительной части венесуэльцев и транзит наркотиков привели к росту организованной преступности: в 2018 г. в результате насильственных действий погибли 23 тыс. человек, по числу убийств на 100 тыс. населения (81,4 по сравнению с 21,5 в среднем по Латинской Америке) Боливарианская Республика опережает все страны региона¹⁰. Острой социальной проблемой остается и высокий индекс восприятия коррупции. По этому показателю Венесуэла занимает последнее место в региональном рейтинге и 173-е из 180 в мировом¹¹.

Крайне низкий уровень доходов (среднемесячная минимальная заработная плата в Венесуэле эквивалентна 6 долл. США), отсутствие личной безопасности и жизненных перспектив приводят к массовой миграции: по данным стран-реципиентов, число венесуэльских беженцев и мигрантов к 2020 г. превысило 4,7 млн человек (более

⁸ Encuesta de condiciones de vida (ENCOVI) 2018. Radiografía de una crisis. Caracas, 2019.

⁹ Lozano D. La pobreza es casi absoluta en Venezuela: llegó al 87% // La Nación. 22.02.2018.

¹⁰ InSight crime's 2018 homicide round up // OpenDemocracy. Available at: <https://www.opendemocracy.net/en/democraciaabierta/insight-crime-s-2018-homicide-round-up/> (accessed: 05.05.2019).

¹¹ Transparency International corruption perceptions. Index 2019. Berlin: TI, 2020.

15% населения страны)¹². Во время первой волны миграции большой удельный вес составляли представители средних городских слоев, прежде всего дипломированные специалисты, а также молодежь, готовые выполнять любую работу, затем этот поток пополнили лица с минимальными доходами и низким уровнем образования. Более 1,5 млн венесуэльцев переправились в Колумбию¹³ (некоторые из них натурализовавшиеся колумбийцы, покинувшие в свое время страну из-за внутреннего вооруженного конфликта), значительная часть мигрантов находятся в приграничных районах Бразилии, а также в Перу, Чили, Аргентине и Эквадоре, что вызывает социальную напряженность в этих государствах.

Экономические трудности дополняются политическим кризисом, который вызван расколом венесуэльского общества и противостоянием власти и оппозиции. Соотношение сил между сторонниками и противниками «социализма XXI века» постоянно меняется, при этом достаточно четко просматривается вертикальная стратификация. Социальную базу правящего режима составляют беднейшие слои населения, в какой-то мере улучшившие свое положение благодаря социальным реформам, крестьянство, государственные служащие и силовые структуры. Напротив, часть офицеров не согласны с ориентацией на «социализм XXI века» и сильным влиянием кубинских советников, предприниматели недовольны ограничениями на ведение бизнеса, а студенческие организации — урезанием университетской автономии и несоблюдением свободы слова.

В политическом плане вплоть до конца 2019 г. можно было говорить о существовании квазидвухпартийной системы. Активные сторонники правительства входят в Социалистическую единую партию Венесуэлы (Partido Socialista Unido de Venezuela, PSUV), задуманную ее основателем и «вечным лидером» У. Чавесом как партия авангардного типа с фиксированным членством и жесткой вертикальной структурой. За годы Боливарианской революции произошло сращивание партийного и государственного аппарата: президент республики Н. Мадуро возглавляет правящую PSUV и факти-

¹² La Agencia de la ONU para los Refugiados. Situación en Venezuela // UNHCR, the UN Refugee Agency. Available at: <https://www.acnur.org/situacion-en-venezuela.html> (accessed: 23.03.2020).

¹³ ‘Cerca de un millón y medio de venezolanos está viviendo en Colombia’; director de Migración Colombia // Migración Colombia. 23.10.2019. Available at: <https://migracioncolombia.gov.co/noticias/200-octubre-2019/cerca-de-un-millon-y-medio-de-venezolanos-esta-viviendo-en-colombia-director-de-migracion-colombia> (accessed: 24.03.2020).

чески определяет состав ее руководства; председатель Национальной конституционной ассамблеи (Asamblea Nacional Constituyente, ANC), де-факто играющей роль парламента, одновременно занимает пост первого заместителя председателя партии. В руководство PSUV входят министры, главы госкорпораций и депутаты ANC, достаточно строгая дисциплина исключает появление внутрипартийных течений и сводит к минимуму возможность дискуссий. Резерв PSUV составляет ее молодежная организация, в преддверии президентских выборов 2018 г. чависты создали более широкое движение «Мы — Венесуэла» («Somos Venezuela»). По официальным данным, в марте 2020 г. партия насчитывала 7,6 млн человек¹⁴, что превышает весь электорат правящей коалиции и свидетельствует об определенном прагматизме при вступлении в ряды PSUV.

В свою очередь оппозиция, координировавшая свои усилия и ранее, создала в январе 2008 г. «Круглый стол демократического единства» («Mesa de la Unidad Democrática», MUD) в составе четырех крупных и более двух десятков мелких партий. Объединение признало базовые элементы существующей политической системы, основанной на Конституции 1999 г. [Cannon, 2014], сделав ставку на парламентские методы борьбы. Большинство в коалиции составляют левоцентристские и центристские партии (четыре из них входят в Социалистический интернационал). Представлены также либералы, христианские демократы, лейбористы и даже одна леворадикальная группировка, обвинявшая У. Чавеса в ревизионизме [Iwanowski, 2018]. На последних парламентских выборах 2015 г. входящие в коалицию партии «Справедливость прежде всего» («Primero Justicia»), «Демократическое действие» («Acción Democrática»), «Новое время» («Un Nuevo Tiempo») и «Народная воля» («Voluntad Popular») получили соответственно 33, 25, 18 и 14 депутатских мест из 167, остальные — от 1 до 4 мест¹⁵.

Противостояние между сторонниками и противниками боливарианского «социализма XXI века» резко обострилось при Н. Мадуро, который набрал на досрочных президентских выборах в апреле 2013 г. 50,61% голосов и опередил своего соперника Энрике Каприлеса Радонского на минимальные 1,5%. Ситуация резко

¹⁴ 1.174.836 personas se han inscrito en el PSUV desde de enero // Correo del Orinoco. 02.03.2020.

¹⁵ Integración de la Asamblea Nacional por el partido político // El Universal. 20.12.2015.

ухудшилась после парламентских выборов в декабре 2015 г., на которых оппозиция получила квалифицированное большинство в Национальной ассамблее (Asamblea Nacional)¹⁶. После этого в стране сложилась патовая ситуация: президент налагал вето на решения Национальной ассамблеи, а парламент отказывался поддерживать главу государства, считая принимаемые им экономические меры запоздалыми, недостаточными и неэффективными. Предвидя противодействие законодателей, Н. Мадуро при поддержке старого парламента изменил в своих интересах состав Верховного суда (Tribunal Supremo de Justicia), исполнительная власть контролирует также Национальный избирательный совет (Consejo Nacional Electoral), что не позволило оппозиции в 2016 г. добиться досрочного прекращения полномочий президента [Политические конфликты в Латинской Америке, 2017].

Новый виток напряженности вызвало избрание в июле 2017 г. Национальной конституционной ассамблеи, формально призванной реформировать действующий Основной закон. Согласно предложенной президентом системе голосования исключалось партийное представительство: 364 депутата из 545 избирались по территориальному принципу, а 181 — на корпоративной основе по квотам для пенсионеров, молодежи, предпринимателей, коренного населения и т.д.¹⁷ По официальным данным, в выборах приняли участие 41,53% избирателей, и из-за специфики системы голосования и бойкота оппозиции депутатские мандаты получили исключительно сторонники боливарианского проекта¹⁸. На практике ANC не занимается реформированием Конституции, а фактически взяла на себя функции параллельного парламента. Депутаты от правящей партии покинули Национальную ассамблею, многие из них вошли в состав ANC, а руководитель проправительственной парламентской фракции Диосдадо Кабельо впоследствии занял пост ее председателя.

На региональных выборах в октябре 2017 г. при явке в 61,14% больше половины (54%) избирателей проголосовали за кандидатов от правящей партии и 45% — за оппозицию, однако благодаря мажоритарной системе проправительственные кандидаты победили в 18 из

¹⁶ Consejo Nacional Electoral. Available at: www.cne.gob.ve/web/estadisticas/index_resultados_elecciones.php (accessed: 27.06.2018).

¹⁷ Meza A. Maduro ordena redactar nueva Constitución para liquidar la oposición // El País. 02.05.2017.

¹⁸ Meza A., Manetto F. Maduro consume un autogolpe en Venezuela en la jornada electoral más violenta // El País. 31.07.2017.

23 избирательных округов¹⁹. Используя благоприятное соотношение сил, правительство перенесло президентские выборы с 2019 г. на 20 мая 2018 г. Основные оппозиционные партии приняли решение бойкотировать выборы, считая их несвободными, непрозрачными и проводимыми органом, лишенным беспристрастности. Главные претензии включали: короткий срок избирательной кампании, лишение избирательных прав ведущих оппозиционных политиков, активное применение административного ресурса и предоставление продуктов питания обладателям патриотического удостоверения, вброс бюллетеней и искусственное завышение явки на миллион избирателей, давление на неправительственные СМИ, недостаточное количество независимых наблюдателей, ограниченность международных миссий и т.д.²⁰ Во многом с помощью перечисленных ограничений Н. Мадуро получил 67,8% голосов, его основной оппонент, лидер вышедшего из PSUV и пополнившего ряды оппозиции «Прогрессивного авангарда» («Avanzada Progresista») Энри Фалькон — 20,9%, выдвинутый группой избирателей «Надежда на перемены» («Esperanza por el Cambio») пастор-евангелист Хавьер Бертуччи — 10,85% и чавист-диссидент Рейнальдо Кихада — менее 1% голосов²¹. Оппозиционные партии не признали легитимность выборов и соответственно полномочий Н. Мадуро.

После начала второго мандата Н. Мадуро, 23 января 2019 г., радикальная часть оппозиции при поддержке США взяла курс на его смещение. Со ссылкой на Конституцию временным президентом был провозглашен председатель Национальной ассамблеи Хуан Гуайдо, которого признали 60 стран, в том числе США, Канада, абсолютное большинство государств Латинской Америки и Европейского союза. В свою очередь полномочия Н. Мадуро подтвердили 19 стран (среди них Россия, Китай, Иран и Турция, а в регионе — Куба и Никарагуа). Уругвай (до смены правительства) и Мексика признали легитимность обеих ветвей власти и призывают конфликтующие стороны к переговорам. Позднее к позиции этих двух стран присоединилось и

¹⁹ Revolución Bolivariana de Venezuela gana 18 de 23 gobernaciones // TeleSUR. Available at: www.telesurtv.net/news/Resultados-elecciones-regionales-Venezuela-2017-20171015-0065.html (accessed: 22.09.2018).

²⁰ Observatorio Electoral Venezolano. Las elecciones del próximo 20 de mayo no son libres ni transparentes. Informe de irregularidades 2018. Caracas, 2018. P. 7, 25, 28–36.

²¹ Consejo Supremo Electoral. Secretaría General. Dirección de Estadísticas Electorales. División de Geografía Electoral. Available at: www.cne.gob.ve/web/documentos/estadisticas/e002.pdf (accessed: 02.10.2018).

новое руководство Аргентины. Тем не менее расчеты оппозиции на переход на ее сторону вооруженных сил или хотя бы на их раскол не оправдались. Военные по-прежнему пользуются привилегированным положением в стране [Diamint, 2018]), а внутренний конфликт вновь перешел в латентную стадию.

Патовая ситуация способствует усилению разногласий как между оппозиционными партиями, так и внутри них. В то время как значительная часть противников действующего президента по-прежнему выступают за его смещение, приверженцы политического урегулирования не исключают очередного раунда диалога с исполнительной властью. Продолжается эрозия и правящей партии: многие знаковые сторонники «боливарианского социализма» отошли от Н. Мадуро и не видят необходимости реформировать Конституцию, принятую по инициативе и под руководством У. Чавеса. На сторону оппозиции перешли многие венесуэльские дипломаты, работающие за рубежом, и отдельные высокопоставленные представители силовых структур. Тем не менее действующий президент по-прежнему сохраняет контроль над силовиками и военизированными проправительственными формированиями, а также определенную социальную базу [Розенталь, 2019].

Очередное обострение ситуации произошло 5 января 2020 г., после истечения полномочий Х. Гуайдо в качестве председателя Национальной ассамблеи, когда его сторонники не смогли попасть в здание парламента, оцепленное силами правопорядка. После того как депутаты, представляющие часть умеренной оппозиции и правящую партию, избрали спикером Луиса Парру, исключенного в декабре 2019 г. из оппозиционной партии «Справедливость прежде всего» по обвинению в коррупции, Х. Гуайдо и его приверженцы обвинили собравшихся в отсутствии кворума и нарушении процедуры голосования и провели свое заседание в редакции газеты «El Nacional», на котором за переизбрание председателя парламента проголосовали 100 из 167 депутатов²². Новый раскол парламента еще больше осложняет внутривластную и региональную ситуацию, не способствует стабилизации страны и ее выходу из системного кризиса.

Противники Н. Мадуро не смогли выработать единую позицию и относительно будущих парламентских выборов (в январе 2021 г.

²² Manetto F. El golpe de mano en la Asamblea Nacional endurece el choque entre poderes en Venezuela // El País. 06.01.2020.

истекают полномочия Национальной ассамблеи). Основные партии считают избирательную кампанию фарсом и призывают к ее бойкоту²³, более лояльные к правительству организации готовы выдвинуть своих кандидатов.

Попытки диалога на фоне социальных протестов и международное посредничество

Для Венесуэлы, как и для других стран региона, характерна высокая протестная активность. Массовые выступления против неолиберальных реформ, начавшиеся в 1989 г. в Каракасе, подготовили почву для прихода У. Чавеса к власти. В первые годы его правления социальная напряженность несколько ослабла, однако вскоре стали набирать силу противоположные процессы. За время Боливарианской революции количество антиправительственных манифестаций выросло на порядок: с 1989 по 1999 г. в среднем ежедневно происходили 2,08, во время правления У. Чавеса (1999–2013) — 8, а в течение первого президентского мандата Н. Мадуро (2013–2018) — 22 акции. Резкий всплеск протестной волны приходится на 2014 (9286), 2017 (9787) и 2018 гг. (12 715 выступлений) [Elementos de una transición integral e incluyente en Venezuela, 2020: 370–372].

Детонатором массовых акций в феврале–июне 2014 г. стали требования студентов обеспечить безопасность граждан и усилить борьбу с преступностью. По мере присоединения к молодежи других оппозиционных сил стали выдвигаться требования отставки Н. Мадуро, сопровождавшиеся насильственными акциями, в результате которых погибли 43 человека, в том числе 10 представителей сил правопорядка, более 800 человек были ранены²⁴. Против лидеров протестных выступлений Леопольдо Лопеса («Народная воля») и депутата Марии Корины Мачадо были выдвинуты обвинения в организации беспорядков, нанесении ущерба общественной собственности и даже в преднамеренных убийствах.

Еще большего размаха антиправительственные протесты достигли в апреле–августе 2017 г. в связи с избирательной кампанией в Национальную конституционную ассамблею. В течение этого периода погибли 120 человек, более 15 тыс. получили ранения²⁵. В 2018 г.

²³ Oposición no reconocerá elecciones parlamentarias por considerarlas una ‘farsa’ // Efecto cocuyo. 15.06.2020.

²⁴ Uno por uno, estos son los 43 muertos en las protestas contra el régimen de Maduro en Venezuela // Infobae. 12.02.2015.

²⁵ Lissardy G. ‘Maduro tiene que entregarse para que la justicia pueda juzgarlo’: habla Isaías Medina, el diplomático de Venezuela que renunció a la ONU // BBC. 22.07.2017.

обострение системного кризиса и политическое противостояние в ходе подготовки и проведения президентских выборов привели к тому, что массовые выступления стали практически постоянными. В последние годы политическая усталость, вызванная отсутствием каких-либо позитивных изменений, привела к спаду протестной волны, которая практически прекратилась после введения карантина весной 2020 г.

Специфика современной ситуации в Венесуэле определяется большими мобилизационными возможностями каждой из противоборствующих сторон. Состав участников массовых выступлений различается по социальной принадлежности, по регионам и даже по городским кварталам. В отличие от других стран, массовые протесты в Боливарианской Республике носят не стихийный, а организованный характер и проводятся по призыву властных структур либо оппозиционных партий и их лидеров, в большинстве случаев преобладают не экономические, а политические требования.

Системный кризис в Венесуэле и обострение политического противостояния вызывают крайнее беспокойство в государствах Латинской Америки, которые неоднократно предпринимали попытки организовать диалог между противоборствующими сторонами. В 2014 г. была создана посредническая группа, в которую вошли министры иностранных дел Колумбии, Бразилии и Эквадора, представлявшие правоцентристскую, левоцентристскую и леворадикальную модели развития региона, а также папский нунций в Каракасе. Основные требования оппозиции включали освобождение политических заключенных, разоружение проправительственных военизированных формирований (так называемых коллективов), создание совместной комиссии для расследования насильственных действий и реорганизацию судебных и избирательных институтов, которые представляли бы различные политические силы. Для преодоления недоверия между участниками конфликта заседание транслировалось по радио и телевидению. В ходе переговоров было достигнуто соглашение о создании Комиссии по установлению истины для наказания виновников насилия. Регионы, контролируемые оппозицией, согласились поддержать правительственный план «Безопасная Родина» («Patria Segura») для совместной борьбы с организованной преступностью, а правительство — пойти на пересмотр некоторых политических дел. Однако, поскольку власть отказалась освободить

Л. Лопеса и его сторонников, радикальная часть оппозиции не присоединилась к переговорам. Отсутствие конкретных уступок со стороны чавистов привело к тому, что в июне 2014 г. представители оппозиции заявили о замораживании переговорного процесса на неопределенный срок, а министры-посредники покинули Венесуэлу [Латинская Америка, 2015].

Вторая попытка диалога была предпринята в 2016 г. после состоявшейся процедуры досрочного прекращения полномочий президента. В качестве посредников выступили специальный представитель Ватикана кардинал Клаудио Мария Челли, от имени Союза южноамериканских наций (Unión de Naciones Suramericanas, UNASUR) — бывший председатель правительства Испании Хосе Луис Родригес Сапатеро и экс-президенты Леонель Фернандес (Доминиканская Республика) и Мартин Торрихос (Панама). Начало переговоров приветствовали Организация американских государств (ОАГ) и Госдепартамент США. Представители власти и оппозиции смогли договориться о соблюдении конституционных норм, отказе от применения насилия и возможности открыть канал для предоставления гуманитарной помощи, однако основные разногласия преодолеть не удалось. Сторонники правительства отвергли идею досрочных всеобщих выборов, отказались изменить состав Национального избирательного совета и освободить Л. Лопеса и других оппозиционеров. Вне рамок переговоров противостояние между ветвями власти усиливалось: парламент объявил президента недееспособным, а Национальный избирательный совет лишил многие оппозиционные партии аккредитации. В конечном счете переговоры придали «второе дыхание» власти и усилили разногласия в рядах оппозиции. В конце января 2017 г. диалог зашел в тупик, при этом обе стороны обвиняли в срыве переговоров друг друга [Политические конфликты в Латинской Америке, 2017: 118–119].

В январе 2019 г., после начала второго мандата Н. Мадуро и провозглашения Х. Гуайдо временно исполняющим обязанности президента, Мексика и Уругвай призвали конфликтующие стороны к диалогу для снижения уровня напряженности и предотвращения насилия. Идею переговоров поддержали Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш и папа римский Франциск. 31 января верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Федерика Могерини объявила о создании контактной группы по Венесуэле в составе восьми европейских (Великобритания, Германия, Испания, Италия, Нидерланды, Португа-

лия, Франция и Швеция) и четырех латиноамериканских государств (Боливия, Коста-Рика, Уругвай и Эквадор)²⁶. Идея диалога была поддержана Н. Мадуро, но отвергнута Х. Гуайдо. Тем не менее для изложения своих позиций обе стороны приняли приглашение Норвегии и направили в Осло своих представителей. Делегацию правительства возглавил министр коммуникаций Хорхе Родригес, а оппозиции — заместитель председателя Национальной ассамблеи Сталин Гонсалес (обе делегации встречались только с посредниками)²⁷. В июле 2019 г. представители Н. Мадуро и Х. Гуайдо все-таки начали диалог на Барбадосе, однако в августе, после введения новых американских санкций, поддержанных оппозицией, правительственная делегация отказалась от участия в переговорах, а в сентябре MUD сообщил об их прекращении²⁸. После этого часть оппозиции, включая «Прогрессивный авангард», недавно созданную партию «Решения для Венесуэлы» («Soluciones para Venezuela»), а также вышедшую из «Нового времени» фракцию «За перемены» («Cambemos») и леворадикальные группировки «Движение к социализму» (Movimiento al Socialismo) и «Красное знамя» (Bandera Roja), объявила о создании «Круглого стола за диалог во имя мира» (Mesa de diálogo por la paz)²⁹. Заключенное с правительством соглашение предусматривает сохранение власти в руках Н. Мадуро, формирование нового состава Национального избирательного совета и проведение парламентских выборов, а также объединение усилий, направленных на поиск выхода из экономического кризиса и отмену международных санкций. В рамках соглашения 38 из 55 проправительственных депутатов-социалистов после трехлетнего перерыва возобновили работу в парламенте³⁰. После отказа Национальной ассамблеи предложить своих кандидатов в Национальный избирательный совет Н. Мадуро обвинил ее в бездействии, а 12 июля 2020 г. высший избирательный

²⁶ Uruguay integra grupo de contacto por Venezuela junto a la UE y otros estados // El Observador. 31.01.2019.

²⁷ Stalin González definió como ‘fase exploratoria’ el encuentro en Noruega // NTN24. 17.05.2019. Available at: <https://www.ntn24.com/america-latina/venezuela/stalin-gonzalez-definio-como-fase-exploratoria-el-encuentro-en-noruega> (accessed: 30.05.2019).

²⁸ Juan Guaidó confirmó que las negociaciones en Barbados se agotaron: ‘Es el régimen el principal obstáculo para una salida política’ // Infobae. 15.09.2019.

²⁹ Integrantes de la Mesa Nacional de Diálogo afianzan acuerdo para implementar nuevas estrategias // Venezolana de Televisión. 20.09.2019. Available at: <https://www.vtv.gob.ve/mesa-nacional-dialogo-acuerdos-paz/> (accessed: 10.10.2019).

³⁰ Moleiro A., Singer F. La bancada minoritaria chavista regresa a la Asamblea Nacional que preside Guaidó // El País. 25.09.2020.

орган в составе сторонников правящей партии и представителей лояльной оппозиции был назначен Верховным судом, не признаваемым оппозицией. После этого суд сменил руководство оппозиционных партий «Справедливость прежде всего» и «Демократическое действие», назначив вместо ведущих политиков сторонников режима³¹. Одновременно действующий президент заявил о возможном лишении полномочий оппозиционных губернаторов из-за их отказа участвовать в будущих парламентских выборах³².

Региональная проекция политической поляризации

В последние годы страны региона предпринимают попытку выработать консолидированную позицию относительно ситуации в Венесуэле. В августе 2017 г. 11 государств Латинской Америки (Аргентина, Бразилия, Гватемала, Гондурас, Колумбия, Коста-Рика, Мексика, Панама, Парагвай, Перу и Чили), а также Канада создали Лимскую группу — своего рода политический клуб на уровне министров иностранных дел. На организационной встрече в столице Перу в качестве наблюдателей присутствовали также представители США, Барбадоса, Гренады и Ямайки, ОАГ и Европейского союза. В совместной декларации участники группы указали на нарушения конституционного правопорядка в Венесуэле, не признали легитимность Национальной конституционной ассамблеи и выразили солидарность с парламентом этой страны. В документе содержались осуждение постоянного нарушения прав и свобод и требования освободить всех политических заключенных, провести свободные выборы, применить по отношению к правительству Н. Мадуро Межамериканскую демократическую хартию. Лимская группа призвала международное сообщество оказать Венесуэле гуманитарную помощь³³, а впоследствии осудила проведение президентских выборов 2018 г. и признала Х. Гуайдо временно исполняющим обязанности главы государства. В феврале 2019 г. левоцентристские правительства Мексики и Уругвая, а также Карибское сообщество заняли более сдержанную позицию, признав легитимность как за-

³¹ TSJ del régimen suspendió la junta directiva de Primero Justicia // El Nacional. 16.06.2020.

³² ‘Parece que van a renunciar’, la advertencia de Maduro a los gobernadores de la oposición // El Nacional. 16.06.2020.

³³ Declaración de Lima — 8 de Agosto 2017 // Noticias de América Latina y el Caribe. 15.08.2017. Available at: <https://www.nodal.am/2017/08/declaracion-lima-8-agosto-2017/> (accessed: 20.09.2017).

конодательной, так и исполнительной ветвей власти, и призвали противоборствующие стороны к диалогу в рамках так называемого механизма Монтевидео. Позиция Уругвая изменилась после победы на выборах президента страны кандидата от правоцентристской Национальной партии Бланко (Partido Nacional — Blanco) Луиса Альберто Лакалье Поу, который пригласил представителя Х. Гуайдо на свою инаугурацию³⁴. К 2020 г. из состава Лимской группы вышла Мексика, но вступили в качестве постоянных членов Боливия, Гайана, Гаити и Сент-Люсия, а в статусе наблюдателей — Эквадор и Доминиканская Республика. Своего постоянного представителя в группе назначил и Х. Гуайдо.

В феврале 2020 г. собравшиеся в Оттаве и Гатино (Канада) дипломаты из 17 латиноамериканских стран подтвердили приверженность сформулированным ранее целям, призвав к проведению наряду с запланированными парламентскими выборами «свободных, справедливых и вызывающих доверие президентских выборов». В качестве необходимых предварительных условий участники назвали формирование независимого Национального избирательного совета и беспристрастного Верховного суда, присутствие объективных наблюдателей, полную свободу прессы и участие в выборах всего электората. В принятой декларации отмечено, что в конечном счете свою судьбу определяют сами венесуэльцы, однако большую роль играет и международное сообщество³⁵. Новшеством в стратегии Лимской группы стала попытка привлечь к разблокировке кризиса и союзников Н. Мадуро: по информации агентства «France-Presse», Аргентина, Канада и Перу уже начали диалог с Кубой, а перуанское Министерство иностранных дел не исключает возможного участия в решении проблемы России и Китая³⁶.

Системный кризис в Венесуэле и усиливающаяся изоляция страны имели самые негативные последствия для субрегиональных и региональных процессов в Латинской Америке, которая перестала быть единством в многообразии. Сведение к минимуму венесуэльской помощи, протестные акции и консолидация оппозиции в

³⁴ Luis Lacalle Pou reiteró su respaldo al gobierno de Juan Guaidó: ‘El pueblo venezolano cuenta con nuestro afecto y apoyo’ // Infobae. 02.03.2020.

³⁵ El Grupo de Lima aseguró que ‘el sufrimiento humano en Venezuela ha alcanzado un nivel intolerable’ y pidió ‘elecciones presidenciales libres, justas y creíbles’ // Infobae. 20.02.2020.

³⁶ Grupo de Lima inicia dialogo para buscar solución en Venezuela // La Nación. Asunción. 21.02.2020.

Никарагуа и особенно смена правительственного курса в Эквадоре и Боливии резко снизили влияние и возможности созданного по инициативе У. Чавеса Боливарианского альянса для народов нашей Америки (*Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA*), который не признает принципов свободного рынка [Bagley, Defort, 2015]. В августе 2018 г. Эквадор принял решение выйти из этого блока. Официальным поводом стали гуманитарный кризис, вызванный неконтролируемым миграционным потоком из Венесуэлы, и безразличное отношение венесуэльского правительства к судьбе своих граждан³⁷. В ноябре 2019 г. аналогичное решение приняла и непризнанная Н. Мадуро временная администрация Боливии, которая призвала назначенный действующим президентом Венесуэлы дипломатический персонал покинуть страну и признала в качестве главы соседнего государства Х. Гуайдо³⁸. В результате в проекте ALBA, основанном на солидарности и взаимодополняемости экономик, помимо Венесуэлы остались только Куба, Никарагуа и несколько небольших карибских стран.

Первоначально Венесуэла достаточно динамично развивала отношения с участниками Южноамериканского общего рынка (*Mercado Común del Sur, MERCOSUR*) в составе Аргентины, Бразилии, Уругвая и Парагвая. В июле 2012 г. Боливарианская Республика воспользовалась приостановлением членства Парагвая и стала полноправным участником объединения (до этого ее вступлению препятствовал парагвайский Национальный конгресс) [Ивановский, 2014]. В августе 2016 г. президенты Аргентины, Бразилии и Парагвая обвинили Венесуэлу в несоблюдении требований, предъявляемых к полноправным членам этого интеграционного объединения, и предложили ей три месяца для приведения национального законодательства в соответствие с правилами MERCOSUR, а в августе 2017 г. (после выборов в Национальную конституционную ассамблею) все страны-участницы приостановили членство Венесуэлы в блоке на неопределенный срок из-за нарушения демократических норм³⁹.

³⁷ Ecuador se retira de la ALBA, alegando 'frustración' con Venezuela // HispanTV. 23.08.2018. Available at: <https://www.hispantv.com/noticias/ecuador/386203/alba-venezuela-exteriores-jose-valencia> (accessed: 23.03.2020).

³⁸ Nuevo gobierno de Bolivia reconoce a Guaidó como presidente de Venezuela // El Comercio. 14.11.2019.

³⁹ Decisión sobre la suspensión de la República Bolivariana de Venezuela en el Mercosur en aplicación del protocolo de Ushuaia sobre Compromiso Democrático en el Mercosur // El Ministerio de Relaciones Exteriores. 05.08.2017. Available at: <http://www.>

Какое-то время удавалось добиваться относительного единства взглядов в рамках Союза южноамериканских наций, учрежденного в 2008 г. по инициативе Бразилии и Венесуэлы и ставшего символом «левого поворота» в регионе. Все 12 государств-участников, несмотря на различия политических режимов, стремились найти компромисс при возникавших разногласиях, наблюдатели от UNASUR присутствовали на внеочередных президентских выборах в Венесуэле в 2013 г. и единодушно признали легитимность Н. Мадуро, призвав венесуэльцев прекратить насильственные действия и начать диалог. Однако в условиях обострившегося системного кризиса в Венесуэле выработка единой позиции стала невозможной. В апреле 2018 г. Аргентина, Бразилия, Колумбия, Парагвай и Перу приостановили свое членство в объединении из-за отсутствия конкретных результатов в деятельности организации, а затем окончательно покинули ее ряды (Колумбия — в августе 2018 г., Эквадор — в марте 2019 г., Аргентина, Бразилия, Чили и Парагвай — в апреле 2019 г. и Уругвай — в марте 2010 г.)⁴⁰. В марте 2019 г. по инициативе Колумбии и Чили для укрепления региональных связей был создан Форум ради прогресса Южной Америки (Foro para el Progreso de América del Sur, PROSUR)⁴¹. Организаторы нового объединения не пригласили Н. Мадуро, а Х. Гуайдо счел свое участие преждевременным.

Новая расстановка политических сил осложнила деятельность Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC), созданного в 2010 г. в составе всех 33 государств региона. Поскольку все решения в CELAC должны приниматься на основе консенсуса, что в условиях неоднозначного отношения к Венесуэле практически невозможно, объединение превратилось в своего рода дискуссионный клуб и не смогло способствовать разрешению конфликта в этой стране. В течение двух последних лет не удавалось созвать саммиты CELAC, но в 2020 г. пост временного председателя организации заняла Мексика, президент которой намеревается активизировать

itamaraty.gov.br/es/notas-a-la-prensa/17052-decision-sobre-la-suspension-de-la-republica-bolivariana-de-venezuela-en-el-mercosur-en-aplicacion-del-protocolo-de-ushuaia-sobre-compromiso-democratico-en-el-mercosur (accessed: 20.03.2020).

⁴⁰ Uruguay se retira de la Unasur y retorna al TIAR // Infobae. 10.03.2020.

⁴¹ Brazil officially leaves Unasur to join Prosur // AgênciaBrasil. 17.04.2019. Available at: <https://agenciabrasil.ebc.com.br/en/internacional/noticia/2019-04/brazil-officially-leaves-unasur-join-prosur> (accessed: 10.06.2019).

ее деятельность. Тем не менее на встрече в верхах в январе 2020 г. по разным мотивам отсутствовали Бразилия, Боливия, Доминика, Тринидад и Тобаго, а уже после саммита крупнейшая страна региона — Бразилия — приняла решение о выходе из объединения. По мнению бразильского министра иностранных дел, в контексте регионального кризиса CELAC не добилось ощутимых результатов ни в сфере защиты демократии, ни в какой-либо другой области и лишь служит прикрытием для недемократических режимов в Венесуэле, на Кубе и в Никарагуа⁴².

Крайне напряженно складывались отношения правительства Н. Мадуро с ОАГ. В апреле 2017 г. Соединенные Штаты и их союзники намеревались приостановить членство Венесуэлы в этой организации по обвинению в нарушении демократии. Не дожидаясь применения Межамериканской хартии, 27 апреля 2017 г. Н. Мадуро запустил процесс добровольного выхода из ОАГ, который в соответствии с регламентом завершился 27 апреля 2019 г.⁴³ В июне 2019 г. ОАГ приняла решение признать представителя венесуэльской оппозиции Густаво Тарре постоянным представителем Национальной ассамблеи в организации⁴⁴. В январе 2020 г. ОАГ и Лимская группа признали легитимным переизбрание Х. Гуайдо в качестве председателя Национальной ассамблеи Венесуэлы⁴⁵. Усилению изоляции страны в регионе способствует и повторное избрание в марте 2020 г. Луиса Альмагро, в прошлом министра иностранных дел Уругвая, генеральным секретарем ОАГ на 2020–2025 гг. За непримиримого противника Н. Мадуро проголосовали 23 из 34 членов ОАГ. Кандидатуру Марии Фернанды Эспиносы, которая занимала различные министерские посты в эквадорских правительствах и выступает за более гибкую политику по отношению к Венесуэле и преодоление

⁴² Ernesto Araújo anuncia suspensão do Brasil da Celac // AgênciaBrasil. 16.01.2020. Available at: <https://agenciabrasil.ebc.com.br/politica/noticia/2020-01/ernesto-araujo-anuncia-suspensao-do-brasil-da-celac> (accessed: 20.02.2020).

⁴³ Venezuela formaliza su salida de la OEA: Las razones del inevitable desenlace // RT en Español. 27.04.2019. Available at: <https://actualidad.rt.com/actualidad/313078-venezuela-formaliza-salida-oea-ahora-maduro> (accessed: 20.02.2020).

⁴⁴ La OEA acepta al representante de Guaidó hasta que haya comicios en Venezuela // Agencia EFE. 28.06.2019. Available at: <https://www.efc.com/efe/america/politica/la-oea-acepta-al-representante-de-guaido-hasta-que-haya-comicios-en-venezuela/20000035-4011931> (accessed: 24.03.2010).

⁴⁵ Venezuela: OEA y Grupo de Lima saludan reelección de Guaidó // Vatican News. 07.01.2020. Available at: <https://www.vaticannews.va/es/mundo/news/2020-01/venezuela-oea-grupo-lima-reeleccion-guaido.html> (accessed: 24.03.2010).

фрагментации и поляризации Западного полушария, поддержали Мексика, Аргентина, Никарагуа и несколько стран Карибского бассейна⁴⁶.

Венесуэла и внерегиональные субъекты мировой политики

В условиях взаимного недоверия и неготовности конфликтующих сторон к компромиссу выход из венесуэльского системного кризиса во многом связан с позицией внерегиональных акторов, обладающих экономическим потенциалом и моральным авторитетом. Эти государства гипотетически способны оказать влияние на противоборствующие стороны и подвигнуть их к участию в переговорном процессе, однако в настоящий момент существующие противоречия между глобальными игроками лишь усиливают неопределенность политического противостояния в Венесуэле и увеличивают риски его насильственного исхода.

Различия в подходах были наглядно продемонстрированы в ходе голосования в Совете Безопасности ООН в феврале 2019 г. На американский вариант резолюции, в котором прозвучал призыв провести в Боливарианской Республике президентские выборы, а также содействовать доставке в страну гуманитарной помощи, наложили вето Россия и Китай, против проголосовала также Южная Африка, а Экваториальная Гвинея, Индонезия и Кот-д'Ивуар воздержались. Альтернативный проект Москвы, призывавшей к мирному урегулированию кризиса и поставкам гуманитарной помощи только с согласия официального Каракаса, поддержали КНР, Южная Африка и Экваториальная Гвинея, семь членов СБ ООН проголосовали против, а четыре воздержались⁴⁷. В отсутствие консолидированного плана действий государства, вовлеченные в венесуэльский политический кризис, избрали разные линии в отношениях с правительством Н. Мадуро.

Роль главного антагониста чавистов традиционно исполнили **Соединенные Штаты Америки**. Решительные действия администрации Дональда Трампа, признавшей Х. Гуайдо исполняющим обязанности президента Боливарианской Республики, во многом были обусловлены внутривнутриполитическими причинами. Давление на правительство Н. Мадуро пользовалось популярностью среди

⁴⁶ La reelección de Luis Almagro en la OEA: una derrota para la alianza argentino-mexicana // Clarín. 20.03.2020.

⁴⁷ На чрезвычайном заседании Совбеза обсудили ситуацию в Венесуэле // ООН. 26.01.2019. Доступ: <https://news.un.org/ru/story/2019/01/1347842> (дата обращения: 02.04.2020).

истеблишмента США и могло бы упрочить позиции главы государства в преддверии избирательной кампании 2020 г. Эту линию поддерживали также венесуэльская диаспора (в 2017 г. ее численность составляла 351 тыс. человек [Белоконев и др., 2019]) и американцы кубинского происхождения.

В то же время усиление позиций Вашингтона в Западном полушарии должно было ослабить последовательных оппонентов США: Кубу, Никарагуа и Венесуэлу. Последняя из-за политической нестабильности стала «слабым звеном» группы, названной бывшим американским советником президента по национальной безопасности Джоном Болтоном (2018–2019) «тройкой тираний»⁴⁸. В научной литературе существует также мнение, что важная задача Белого дома в условиях затеянной Д. Трампом реиндустриализации Соединенных Штатов — получение доступа к крупным нефтяным запасам латиноамериканского государства [Манойло, Стригунов, 2020].

Основным инструментом давления на правительство Н. Мадуро стали экономические санкции, последовательно вводимые Вашингтоном с августа 2017 г. В частности, были наложены запреты на сделки с венесуэльскими ценными бумагами, в результате чего снизились возможности чавистов уменьшить дефицит бюджета за счет продажи национальных активов, а также на финансирование государственного долга Венесуэлы, что повысило риск ее дефолта. Ограничения применялись в отношении криптовалюты El Petro, золотодобывающего сектора и Центрального банка страны.

Тяжелым ударом для правительства Венесуэлы стало введенное в 2019 г. эмбарго на приобретение топлива. Для реализации этой меры Вашингтону пришлось пойти на серьезные издержки, из-за которых пострадали американские заводы, расположенные на побережье Мексиканского залива и заточенные под переработку тяжелой нефти [Жуков, Резникова, 2018]. Под контроль Х. Гуайдо перешла часть активов Боливарианской Республики, размещенных в банках США. В результате действий Белого дома и аналогичных шагов его союзников, по оценкам официального Каракаса, в международных финансовых институтах была заблокирована сумма в 5,5 млрд долл.⁴⁹

⁴⁸ Vinograd S. John Bolton's 'troika of tyranny' message hasits risks // CNN. 21.04.2019. Available at: <https://edition.cnn.com/2019/04/21/opinions/trump-weekly-briefing-bolton-regime-changes-vinograd/index.html> (accessed: 24.02.2020).

⁴⁹ «Трамп, разблокируй Венесуэлу!» Пресс-конференция Чрезвычайного и Полномочного Посла Боливарианской Республики Венесуэла в России Карлоса Рафаэля Фариа Тортосы // Международная жизнь. 03.06.2019. Доступ: <https://interaffairs.ru/news/show/22778> (дата обращения: 18.03.2020).

Наряду с экономическими ограничениями Вашингтон осуществлял также политическое и силовое давление. Муссировались слухи о возможной военной интервенции, подогреваемые американскими деятелями самого высокого уровня. Так, в мае 2019 г. государственный секретарь США Майк Помпео не исключил применения силы для свержения Н. Мадуро⁵⁰. На практике вероятность реализации этого сценария была невелика. Об отсутствии плана вторжения еще в 2018 г. заявил вице-адмирал Крейг Фаллер, возглавляющий Южное командование армии США⁵¹. Кроме того, ни одно государство Латинской Америки не выступило в поддержку этой меры. Даже бразильский президент Жаир Болсонару, не возражавший ранее против подобной акции, был вынужден признать, что ее вероятность «близка к нулю» из-за негативной реакции бразильских военных⁵².

Таким образом, несмотря на серьезное давление, Вашингтону не удалось добиться поставленных целей. Тем не менее не возникает сомнения в том, что Белый дом продолжит нажим на чавистов, сосредоточившись на расколе политической элиты и вооруженных сил. Так, спецпредставитель президента США по Венесуэле Эллиот Абрамс уже заявил, что администрация Д. Трампа вела переговоры с министром обороны Владимиром Падрино Лопесом и председателем Верховного суда Майкелом Морено⁵³. Подобные высказывания (даже если они окажутся блефом) порождают атмосферу недоверия в высших эшелонах власти. Попыткой дискредитировать Н. Мадуро в глазах его окружения объясняется и опубликованное в марте 2020 г. объявление о награде в 15 млн долл. за помощь в задержании главы

⁵⁰ Mills F.B. US continues sanctions against Venezuela and Cuba during COVID-19 pandemic // Council on Hemispheric Affairs. 17.03.2020. Available at: <http://www.coha.org/us-continues-sanctions-against-venezuela-and-cuba-during-covid-19-pandemic/> (accessed: 18.03.2020).

⁵¹ U.S. military official: No plans for Venezuela military intervention // Reuters. 25.09.2018. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-usa-defense-venezuela/us-military-official-no-plans-for-venezuela-military-intervention-idUSKCN1M52C7> (accessed: 20.04.2020).

⁵² Brazil president: Intervention in Venezuela near-zero // Anadolu Agency. 01.05.2019. Available at: <https://www.aa.com.tr/en/americas/brazil-president-intervention-in-venezuela-near-zero/1467398> (accessed: 29.05.2020).

⁵³ Meléndez J. Abrams: Padrino López y Moreno negocian desde hace días la salida de Maduro // Noticiero Digital. 30.04.2019. Available at: <http://www.noticierodigital.com/2019/04/abrams-padrino-lopez-moreno-negocian-desde-dias-la-salida-maduro/> (accessed: 09.03.2020).

Боливарианской Республики, обвиняемого американским правосудием в причастности к контрабанде наркотиков⁵⁴.

Определенный интерес представляет предложение М. Помпео, озвученное им в марте 2020 г. и поддержанное Европейским союзом, предполагающее поэтапное снятие санкций при условии создания на период избирательной кампании переходного коалиционного правительства с участием представителей обеих конфликтующих сторон, но без Н. Мадуро и Х. Гуайдо⁵⁵ (действующий президент отверг эту идею, выразив сомнения в беспристрастности Вашингтона).

На стороне противников режима Н. Мадуро оказались симпатии большинства государств **Европейского союза**. Так, еще в 2017 г. «Круглый стол демократического единства» получил премию имени Андрея Сахарова, присуждаемую Европарламентом за значительный вклад в борьбу за права человека. 23 января 2019 г. ЕС выступил за незамедлительное проведение новых президентских выборов и восстановление всех полномочий Национальной ассамблеи⁵⁶. Тем не менее в ходе заседания главам МИД объединения не удалось прийти к общему мнению относительно признания правительства Х. Гуайдо, в результате Ф. Могерини заявила о том, что каждая страна-участница должна принять это решение самостоятельно.

В этих условиях 4 февраля 2019 г. 19 из 28 членов Евросоюза признали оппозиционное правительство⁵⁷, впоследствии их примеру последовали и остальные государства ЕС, за исключением Италии и Кипра, которые, однако, также выступили за скорейшее

⁵⁴ Department of State offers rewards for information to bring Venezuelan drug traffickers to justice // U.S. Department of State. 26.03.2020. Available at: <https://www.state.gov/department-of-state-offers-rewards-for-information-to-bring-venezuelan-drug-traffickers-to-justice/> (accessed: 11.04.2020).

⁵⁵ EU backs US plan for Venezuela transitional government // Bangkok Post. 04.04.2020. Available at: <https://www.bangkokpost.com/world/1892975/eu-backs-us-plan-for-venezuela-transitional-government> (accessed: 20.04.2020).

⁵⁶ Declaration by the High Representative on behalf of the European Union on latest developments in Venezuela // European Council. 23.01.2019. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/01/23/declaration-by-the-high-representative-on-behalf-of-the-european-union-on-latest-developments-in-venezuela/> (accessed: 27.02.2020).

⁵⁷ Fernández Nays A. ¿Por qué la Unión Europea no ha reconocido a Juan Guaidó como presidente interino de Venezuela? // Univision. 05.02.2019. Available at: <https://www.univision.com/noticias/crisis-en-venezuela/por-que-la-union-europea-en-bloque-no-ha-reconocido-a-juan-guaido-como-presidente-interino-de-venezuela> (accessed: 21.03.2020).

проведение президентских выборов в Боливарианской Республике⁵⁸ (позиция Рима и Никосии обусловлена скорее внутривнутриполитическими установками и противоречиями).

Отсутствие консенсуса среди стран — членов ЕС не позволило ему оказать эффективное экономическое давление на правительство Н. Мадуро, а в условиях единого рынка применить жесткие ограничительные меры крайне трудно. Вместе с тем еще в 2017 г. были введены эмбарго на поставку оружия и средств подавления беспорядков, телекоммуникационного оборудования, предназначенного для перехвата сообщений в мобильной или электронной сети, а также персональные санкции против отдельных должностных лиц Венесуэлы. Эти ограничения были продлены до ноября 2020 г.⁵⁹

Европейский союз сосредоточился на оказании гуманитарной помощи Венесуэле: с 2018 г. он потратил на эти нужды около 117,6 млн евро⁶⁰, при этом данная работа, по словам Ф. Могерини, происходила в тесной кооперации с международными организациями и на принципах политической нейтральности [Щербак, 2019]. Ситуацию, однако, осложняли опасения чавистов, что таким образом ЕС стремится ослабить их позиции внутри страны и дестабилизировать обстановку в Венесуэле.

Некоторые признаки разногласия по венесуэльскому вопросу проявились в ходе международного турне Х. Гуайдо. В частности, председатель правительства Испании социалист Педро Санчес не смог провести с ним рабочую встречу, делегировав на нее министра иностранных дел Аранчу Гонсалес Лайя. В то же время в аэропорту Мадрида состоялись переговоры между исполнительным вице-президентом Боливарианской Республики Делси Родригес и министром транспорта королевства Хосе Луисом Абалосом, однако предмет разговора остался неизвестным. Впрочем, вряд ли эти обстоятельства свидетельствовали о корректировке позиции Европейского союза, поскольку Х. Гуайдо встретился с президентом Франции Эммануэлем Макроном, канцлером ФРГ Ангелой Меркель, верховным представи-

⁵⁸ De Miguel B., Pacho L. Las razones de los países de la UE que no reconocen a Guaidó // El País. 05.02.2019.

⁵⁹ Venezuela // EU Sanctions Map. Available at: <https://www.sanctionsmap.eu/#/main/details/44/?search=%7B%22value%22:%22%22%22,%22searchType%22:%22%7B%7D%7D> (accessed: 09.04.2020)

⁶⁰ EU increases emergency assistance to Venezuela by €50 million // European Commission. 27.03.2019. Available at: https://ec.europa.eu/echo/news/eu-increases-emergency-assistance-venezuela-50-million_en (accessed: 07.03.2020).

телем ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозепом Боррелем. В июне 2020 г., после утверждения нового состава Национального избирательного совета в Венесуэле, Ж. Боррель заявил о сужении демократического пространства до минимума и создании дополнительного препятствия для разрешения глубокого политического кризиса в стране⁶¹, что лишний раз подчеркивает неизменность позиции ЕС и его готовность поддержать венесуэльскую оппозицию.

В сложном положении оказался **Китай**, главный торговый партнер Венесуэлы, проявляющий большую заинтересованность в приобретении ее нефти. Пекин стал также основным кредитором Каракаса (объем китайских инвестиций оценивается в 62 млрд долл.)⁶². Страны активно сотрудничали в области сельского хозяйства, добывающей промышленности, телекоммуникаций, космонавтики [Пятаков, 2018а] и торговли оружием. Одновременно китайское руководство стремилось дистанцироваться от антиимпериалистической риторики правительств У. Чавеса и Н. Мадуро, стараясь не провоцировать Вашингтон. Этой осторожной политикой обуславливается линия Китая в период острого политического кризиса в Боливарианской Республике.

Пекин признал правительство Н. Мадуро и осудил вмешательство во внутренние дела Венесуэлы⁶³. Вместе с тем по ряду спорных действий чавистов, вызвавших громкий общественный резонанс, власти Поднебесной предпочли не оглашать свою позицию. В частности, речь идет о созыве Национальной конституционной ассамблеи, а также об избрании спикером парламента Л. Парры. Кроме того, китайское руководство официально заявило о том, что поддерживает контакты с обеими сторонами конфликта⁶⁴.

Осторожно КНР подходит и к финансовой помощи Венесуэле, воздерживаясь от предоставления ей новых кредитов, последний из которых был выдан в 2017 г.⁶⁵ Одними из немногих шагов по

⁶¹ Organismos internacionales rechazan designación del nuevo Consejo Nacional Electoral // Tal Cual. 16.06.2020.

⁶² China-Latin America finance database // Inter-American Dialogue. Available at: https://www.thedialogue.org/map_list/ (accessed: 02.04.2020).

⁶³ Foreign Ministry spokesperson Hua Chunying's regular press conference on January 24, 2019 // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/t1632218.shtml (accessed: 10.02.2020).

⁶⁴ Venezuela: China asegura estar en contacto con 'todas las partes' del conflicto // El Comercio. 01.02.2019.

⁶⁵ China-Latin America finance database // Inter-American Dialogue. Available at: https://www.thedialogue.org/map_list/ (accessed 02.04.2020).

поддержке Каракаса стали отсрочка погашения внешней задолженности и разрешение ограничиться выплатой процентов [Семёнов, 2017]. Кроме того, Пекин допустил сокращение объема ежедневных нефтяных поставок, производимых Венесуэлой в счет погашения кредитов, в результате латиноамериканская страна смогла получить больше ресурсов от продажи углеводородов на других рынках. Впрочем, на фоне серьезных экономических проблем Боливарианской Республики этих мер явно недостаточно.

Некоторые надежды на возобновление финансовой помощи у правительства Н. Мадуро появились в сентябре 2018 г. В ходе визита президента Венесуэлы в КНР было подписано 28 соглашений об экономическом сотрудничестве. Власти страны заявили о готовности Пекина предоставить им кредит в размере 5 млрд долл.⁶⁶, однако информация о реализации этого соглашения отсутствует.

Несмотря на относительную прочность позиций Пекина в Венесуэле, положение КНР далеко от идеального. Каракас по-прежнему остается должен азиатскому партнеру около 20 млрд долл.⁶⁷ Одним из способов их возвращения российский исследователь Е.И. Сафронова считает получение собственности в счет погашения долга [Сафронова, 2020]. Достижение этой цели предполагает балансирование между правительством Н. Мадуро и оппозицией. В свою очередь Х. Гуайдо уже призвал КНР оказать ему поддержку, пообещав продолжение сотрудничества⁶⁸.

Второй серьезной дилеммой для Пекина остается угроза американских санкций. В частности, в августе 2019 г., по данным информационного агентства Bloomberg, китайская нефтегазовая компания CNPC отказалась от получения 5 млн барр. венесуэльской нефти⁶⁹. Вместе с тем в условиях объективной потребности в энергоресурсах,

⁶⁶ China to lend Venezuela \$5 Billion as Maduro visits Beijing // Bloomberg. 13.09.2018. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-09-13/china-to-give-venezuela-5-billion-loan-as-maduro-visits-beijing> (accessed: 07.02.2020).

⁶⁷ Guevara C. China's support for the Maduro regime: Enduring or fleeing? // Atlantic Council. Available at: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/chinas-support-for-the-maduro-regime-enduring-or-fleeing/> (accessed: 09.04.2020).

⁶⁸ Guaidó J. Por qué China debería cambiar su posición en Venezuela // Bloomberg. 14.04.2019. Available at: <https://www.bloomberg.com/latam/blog/por-que-china-deberia-cambiar-su-posicion-en-venezuela/> (accessed: 12.04.2020).

⁶⁹ Kassai L., Cang A. China's biggest energy company shuns Venezuela oil on tighter U.S. sanctions // Bloomberg. 16.08.2019. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-08-16/major-china-buyer-shuns-venezuela-oil-loadings-on-u-s-sanctions> (accessed: 12.04.2020).

особенно на фоне восстановления экономики Китая после пандемии коронавируса, руководство азиатской страны может продолжить сотрудничество с Боливарианской Республикой (об этом заявил в феврале 2020 г. представитель Министерства иностранных дел КНР Гэн Шуан)⁷⁰.

Некоторые надежды на экономическую помощь правительство Н. Мадуро связывало с руководством **Индии**, традиционно закупавшей углеводороды в Венесуэле: в 2018 г. на ее долю приходилось 28% экспорта венесуэльского топлива⁷¹. Кроме того, Каракас был одним из крупнейших покупателей индийских медикаментов [Воротникова, 2019]. Вместе с тем из-за американских санкций и давления со стороны Вашингтона, о котором недвусмысленно заявил Э. Абрамс⁷², официальный Дели был вынужден публично отказаться от приобретения нефти у Венесуэлы⁷³. Несмотря на это, поставки продолжились, пусть и в значительно меньших масштабах, резервуары для хранения топлива в венесуэльских портах оказались переполненными. Углеводороды направлялись в первую очередь на расположенные в Индии нефтеперерабатывающие заводы «Роснефти»: российский гигант приобрел 49% акций компании «Essar Oil Limited (Nayara Eneergy)».

Ощутимую помощь Каракасу оказывает **Турция**, при этом тесные связи с чавистами обусловлены попытками использовать Венесуэлу в качестве плацдарма для расширения влияния в Латинской Америке. Неслучайно президент Реджеп Тайип Эрдоган публично поддержал правительство Н. Мадуро⁷⁴, а в марте 2020 г. страны заключили со-

⁷⁰ De Almeida L. China defies US sanctions against Venezuela. Will continue to import oil from Venezuela and support Maduro government // Global Research. 23.02.2020. Available at: <https://www.globalresearch.ca/china-not-stop-economic-cooperation-venezuela/5704414> (accessed: 19.04.2020).

⁷¹ Seshasayee H. India and Venezuela grow distant post U.S. sanctions // Wilson Center. 05.08.2019. Available at: <https://www.wilsoncenter.org/article/india-and-venezuela-grow-distant-post-us-sanctions> (accessed: 19.04.2020).

⁷² Considerable amount of cooperation from India on Venezuela, says US // Business Standard. 30.03.2019. Available at: https://www.business-standard.com/article/pti-stories/considerable-amount-of-cooperation-from-india-on-venezuela-us-119033000110_1.html (accessed: 21.04.2020).

⁷³ Adams D. India Anuncia que no le Comprará más Petróleo a Venezuela // Univision. 24.05.2019. Available at: <https://www.univision.com/noticias/america-latina/india-anuncia-fin-de-las-importaciones-de-petroleo-de-venezuela> (accessed: 21.04.2020).

⁷⁴ Daragahi B. Venezuela crisis: How Turkey has become the staunchest defender of president Nicolas Maduro // The Independent. 24.01.2019.

глашение о совместной борьбе с трансграничной преступностью и терроризмом⁷⁵.

Традиционно турецкие компании принимали участие в программах по жилищному строительству в Боливарианской Республике, а в условиях внешнего давления на Н. Мадуро Анкара оказала чавистам существенную помощь по обходу санкций. По сведениям информационного агентства Bloomberg, только в 2018 г. Турция при посредничестве компании «Sardes» приобрела у Венесуэлы золото на 900 млн долл.⁷⁶ Подобные услуги Каракасу оказала и расположенная в Стамбуле «Mulberry Proje Yatirim»⁷⁷. Существует также информация о том, что ряд турецких предприятий закупили в Венесуэле партии нефти и металлолома⁷⁸.

Вместе с тем турецкие финансовые институты с определенной долей сдержанности подходят к взаимодействию с официальным Каракасом и вряд ли пойдут на ощутимый риск. Так, турецкий государственный банк Ziraat, опасаясь возможных американских санкций, принял решение прекратить сотрудничество с Центральным банком Венесуэлы. Кроме того, финансовых возможностей Анкары явно недостаточно для поддержания на плаву кризисной экономики латиноамериканского государства.

В последние годы Венесуэла получала серьезную финансовую и экономическую поддержку от **Российской Федерации**. Отношения двух стран претерпели большую эволюцию. Если в начале 2000-х годов интерес Москвы определялся в основном экономической целесообразностью (прежде всего речь шла о поставках вооружения и работе российских нефтяников в энергетическом секторе латиноамериканского государства [Хейфец,

⁷⁵ Turkey, Venezuela agree on security cooperation that covers joint operations // Nordic Monitor. 06.03.2020. Available at: <https://www.nordicmonitor.com/2020/03/turkey-venezuela-agree-on-security-cooperation-that-covers-joint-operations/> (accessed: 29.03.2020).

⁷⁶ Mysterious Turkish firm helped Maduro move \$900 Million in gold // Bloomberg. 08.02.2019. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-02-08/mysterious-turkish-firm-helped-maduro-move-900-million-in-gold> (accessed: 17.04.2020).

⁷⁷ Erdemir A. Treasury's Venezuela sanctions target the tip of the Turkish iceberg // Foundation for Defense of Democracies. 26.07.2019. Available at: <https://www.fdd.org/analysis/2019/07/26/treasury-s-venezuela-sanctions-target-the-tip-of-the-turkish-iceberg/> (accessed: 02.04.2020).

⁷⁸ Turkey buys over 25,000 tons of scrap metal from Venezuela // Ahval. 16.11.2019. Available at: <https://ahvalnews.com/turkey-venezuela/turkey-buys-over-25000-tons-scrap-metal-venezuela> (accessed: 12.04.2020).

Розенталь, 2015]), то по мере усиления конфронтации Кремля с «коллективным Западом» двусторонние связи приобрели стратегический характер.

Несмотря на объективный спад торгово-экономической активности, вызванный ситуацией в Венесуэле, странам удалось добиться определенных успехов. В частности, напряженные отношения чавистов с США и процесс перевооружения армии Боливарианской Республики обусловили масштабные заказы Каракасом российской оборонной продукции на сумму 11 млрд долл. [Приоритетные направления развития отношений России с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна, 2013]. Рособоронэкспорт открыл в Венесуэле учебно-тренировочный вертолетный центр, продолжают работать российские нефтяные компании, осуществляющие добычу в пяти совместных с PDVSA предприятиях: «Petromonagas», «Petroperija», «Voquerón», «Petromiranda» и «Petrovictoria».

Боливарианские правительства стали важными союзниками Москвы на международной арене. Каракас признал независимость Абхазии и Южной Осетии, выступал против размещения Вашингтон-ом систем противоракетной обороны в Восточной Европе [Дабаган, 2011], поддержал позицию России в «украинском кризисе»⁷⁹. Известный отечественный латиноамериканист В.М. Давыдов объясняет такой тип взаимоотношений совпадением или близостью позиций по ключевым вопросам международной повестки дня, а также широким фронтом торгово-экономического сотрудничества, политических и гуманитарных связей [Давыдов, 2016]. Подобная ситуация создавала объективные предпосылки для интенсификации сотрудничества и экономической помощи Каракасу.

На фоне обострения в 2019 г. политического кризиса в Венесуэле Россия оказалась в сложном положении. Поддержка чавистов могла осложнить взаимодействие Кремля с ключевыми партнерами в Латинской Америке, занявшими антагонистические позиции по отношению к правительству Н. Мадуро. С некоторыми из этих государств установилось гораздо более интенсивное торгово-экономическое сотрудничество, чем с Венесуэлой. В частности, в 2018 г. товарооборот с Аргентиной превысил 1,2 млрд долл., с Бразилией —

⁷⁹ Keating J. Who's on team Putin? // The Slate Group. 20.03.2014. Available at: http://www.slate.com/blogs/the_world_/2014/03/20/the_small_group_of_countries_supporting_russia_s_position_in_ukraine_venezuela.html (accessed: 22.01.2020).

5 млрд, в то время как двусторонняя торговля РФ с Каракасом за тот же период составила всего 85,3 млн долл.⁸⁰

В то же время гипотетический приход к власти венесуэльской оппозиции поставил бы под вопрос безопасность российских активов. В первую очередь речь идет о сделках, не прошедших утверждения Национальной ассамблеей. Так, парламент не согласовал увеличение доли «Роснефти» в совместном с PDVSA производстве «Petromonagas» до 40% (депутаты полагали, что предложенная цена существенно занижена⁸¹). Кроме того, Москве приходилось учитывать и репутационные издержки, возможные в случае отказа от помощи союзнику.

В этих условиях была выработана осторожная позиция: признавая Н. Мадуро в качестве президента страны, Москва призвала все стороны венесуэльского конфликта к переговорам и осудила любые формы иностранного вмешательства. При этом РФ предложила свои посреднические услуги⁸². Кроме того, российское руководство оказало Каракасу финансовую и гуманитарную помощь, дав ему возможность реструктуризировать имеющуюся задолженность, а также направив в Боливарианскую Республику 150 т пшеницы и партию медикаментов⁸³.

Тем не менее в условиях острой поляризации в Латинской Америке Москва все равно воспринимается международным сообществом как одна из сторон конфликта. При всей искусности российской дипломатии избежать некоторых издержек вряд ли удастся, а работающий в Венесуэле российский бизнес рискует попасть под действие санкций США. Ограничения уже были наложены на два дочерних предприятия «Роснефти»⁸⁴. Опасаясь расширения рестрикций на головную компанию, нефтегазовый гигант принял решение о продаже всех активов в стране предприятию, полностью принадлежащему правительству РФ. Этот шаг, совершенный без

⁸⁰ Посчитано по Таможенной статистике внешней торговли Федеральной таможенной службы РФ. Доступ: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:4275340000502762::NO::> (дата обращения: 08.01.2020).

⁸¹ Cámara rechaza aumento de acciones de Rosneft en filial petrolera venezolana // La Vanguardia. 09.02.2017.

⁸² Korchagin Y. La situación en Venezuela desde la óptica de Rusia // El País. 31.01.2019.

⁸³ Mélik-Bagdasárov S. 75º Aniversario del establecimiento de relaciones diplomáticas entre Rusia y Venezuela // El Universal. 14.03.2020.

⁸⁴ Речь идет о компаниях «Rosneft Trading» и «TNK Trading International».

одобрения Национальной ассамблеи, также был раскритикован венесуэльской оппозицией⁸⁵.

* * *

Таким образом, в условиях системного кризиса венесуэльское общество расколото, а партийно-политическая структура предельно поляризована. Тем не менее, несмотря на крайне сложную социально-экономическую ситуацию и гуманитарный кризис в стране, ужесточение американских санкций и изоляцию в регионе, Н. Мадуро сохраняет определенную социальную базу и при опоре на силовые структуры, проправительственные военизированные формирования и доминантную правящую партию остается у власти. Параллельно усиливаются разногласия в рядах оппозиции между приверженцами политического и силового сценариев выхода из кризиса. Международное сообщество также разделилось на сторонников действующего главы государства, с одной стороны, и лидера оппозиции, провозглашенного временно исполняющим обязанности президента, — с другой.

Между тем ориентация на «игру с нулевой суммой» вряд ли приведет к нормализации ситуации, поскольку в случае победы одной из противоборствующих сторон шансы на ослабление противостояния и стабилизацию страны минимальны. Сохранение нынешней модели развития, игнорирующей законы рынка и интеграцию в глобальную экономику, не способствует выходу из кризиса, а гипотетический приход к власти оппозиции вызывает у части населения опасения в ликвидации определенных социальных завоеваний и возможности иностранного вмешательства.

В то же время отказ от политики компромисса и поиска взаимоприемлемого решения в условиях ухудшающейся социально-экономической ситуации может вызвать новую волну протестов и даже спровоцировать социальный взрыв с непредсказуемыми последствиями для самой Венесуэлы, что негативно отразится на судьбе всех левых сил в регионе.

Компромиссный вариант урегулирования, предлагаемый Мексикой и Аргентиной, пока находит мало сторонников среди

⁸⁵ Ramírez Carreño R. Se Profundiza la Crisis: ¿Por qué no hay Gasolina en Venezuela? Y la Salida de 'Rosneft'. Available at: <https://www.rafaelramirez.net/articulos/se-profundiza-la-crisis-por-que-no-hay-gasolina-en-venezuela-y-la-salida-de-rosneft/> (accessed: 08.04.2020).

венесуэльской оппозиции: на призыв правительства откликнулась незначительная ее часть, представленная преимущественно бывшими чавистами и леворадикальными группировками. Расширение круга участников переговорного процесса возможно в том случае, если исполнительная власть проведет свободные и конкурентные парламентские, а затем и президентские выборы под авторитетным международным контролем после создания независимых избирательных и судебных институтов и предоставления равных возможностей всем субъектам политики, а непримиримая оппозиция откажется от экстремистских акций и призывов к внешнему вмешательству и ужесточению санкций. Немаловажную роль должны будут сыграть вооруженные силы. Наконец, развитие ситуации в стране напрямую зависит от действий внешних игроков. Однако в современных условиях приходится констатировать, что перспективы компромиссного преодоления системного кризиса в Венесуэле выглядят очень туманными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоконев С.Ю., Водопетов С.А., Иванов В.Г. Влияние миграции из Венесуэлы на внутриполитическую ситуацию в США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 240–253. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-240-253.
2. Воротникова Т.А. Индия — новый игрок на венесуэльском поле (к 60-летию индийско-венесуэльских дипломатических отношений) // Азия и Африка сегодня. 2019. № 4. С. 17–23. DOI: 10.31857/S032150750004378-7.
3. Дабагян Э.С. Венесуэла после Уго Чавеса // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 7. С. 67–77.
4. Дабагян Э.С. Николас Мадуро остается на вершине власти // Латинская Америка. 2018. № 8. С. 23–31. DOI: 10.31857/S0044748X0000445-8.
5. Дабагян Э.С. Российско-латиноамериканские отношения на современном этапе // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 12. С. 89–97.
6. Давыдов В.М. Стратегическое партнерство в контексте российско-латиноамериканских отношений // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 4. С. 304–315. DOI: 10.7868/S0869587316040058.
7. Жуков С.В., Резникова О.Б. Венесуэла на мировом рынке нефти // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 10. С. 80–90. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-10-80-90.
8. Ивановский З.В. Внешняя и внутренняя политика Венесуэлы в условиях кризиса // Латиноамериканский исторический альманах. 2014. № 14. С. 219–245.

9. Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама / Отв. ред. З.В. Ивановский. М.: ИЛА РАН, 2015.
10. Манойло А.В., Стригунов К.С. Технология демонтажа чавистов: венесуэльский прецедент // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1 (105). С. 213–237. DOI: 10.31249/ape/2020.01.10.
11. Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности / Отв. ред. З.В. Ивановский. М.: ИЛА РАН, 2017.
12. Приоритетные направления развития отношений России с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна. Материалы парламентских слушаний // Латинская Америка. 2013. № 12. С. 5–16.
13. Пятаков А.Н. Вооруженные силы Венесуэлы: эпоха Уго Чавеса // Латинская Америка. 2019. № 6. С. 18–38. DOI: 10.31857/S0044748X0005097-5.
14. Пятаков А.Н. Китай и боливарианский сегмент Латинской Америки // Свободная мысль. 2018. № 4. С. 113–130.
15. Пятаков А.Н. Переизбрание президента: параллели, парадоксы, перспективы // Латинская Америка. 2018. № 8. С. 5–22. DOI: 10.31857/S0044748X0000446-9.
16. Розенталь Д.М. Анатомия политического кризиса в Венесуэле // Пути к миру и безопасности. 2019. № 1. С. 22–33. DOI: 10.20542/2307-1494-2019-1-22-33.
17. Розенталь Д.М. Венесуэльский узел в латиноамериканской политике Москвы // Латинская Америка. 2018. № 10. С. 49–60. DOI: 10.31857/S0044748X0001040-3.
18. Розенталь Д.М. Дракон над Каракасом: китайско-венесуэльские отношения в начале XXI века // Латинская Америка. 2016. № 3. С. 39–50.
19. Сафронова Е.И. Латиноамериканский вектор актуальной внешней политики Китая // Латинская Америка. 2020. № 2. С. 30–46. DOI: 10.31857/S0044748X0008143-6.
20. Семёнов В.Л. Венесуэла: кризис продолжается // Запад–Восток–Россия 2016 / Под ред. Д.Б. Малышевой, В.Г. Хороса. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 154–158. DOI: 10.20542/978-5-9535-0500-0.
21. Семёнов В.Л. Венесуэльский кризис в контексте президентских выборов // Латинская Америка. 2018. № 12. С. 37–48. DOI: 10.31857/S0044748X0002314-4.
22. Хейфец В.Л., Хадорич Л.В. Кризис в Венесуэле и региональная интеграция // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 5. С. 79–87. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-5-79-87.
23. Хейфец В.Л., Хадорич Л.В. Союз южноамериканских наций: туманные перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 2. С. 85–93. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-85-93.
24. Хейфец Л.С., Розенталь Д.М. Кредиты на доверии: размышления о венесуэльской политике Москвы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 3. С. 147–158.

25. Шинкаренко А.А. Венесуэла в поисках выхода из системного кризиса (обзор выступлений на «круглом столе») // Латинская Америка. 2020. № 1. С. 97–107. DOI: 10.31857/S0044748X0007763-8.
26. Щербак И.Н. Европейский союз в поисках глобальной роли в управлении кризисами (на примере Венесуэлы) // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. № 3. С. 82–89. DOI: 10.15211/vestnikieran320198288.
27. Яковлев П.П. Венесуэла: кризис эпохи конфликтной многополярности // Латинская Америка. 2019. № 1. С. 38–52. DOI: 10.32726/2411-3417-2019-1-38-52.
28. Яковлев П.П. Латинская Америка в глобальной схватке за нефть // Латинская Америка. 2019. № 12. С. 6–21. DOI: 10.31857/S0044748X0007337-9.
29. Alekseenko O.A., Pyatakov A.N. Venezuela: prueba por la crisis // Iberoamérica. 2019. No. 2. P. 57–83.
30. Bagley B.M., Defort M. Decline of the United States hegemony? A challenge of ALBA and a new Latin American integration of the 21st century. Lanham, Maryland: Lexington Books, 2015.
31. Borda G.S. Colombia y la crisis venezolana: una estrategia fallida // Nueva Sociedad. 2020. No. 287. P. 4–10.
32. Camilleri M.J. Evolution or revolution? U.S. policy on Venezuela from Obama to Trump // Pensamiento Propio. 2018. No. 47. P. 189–205.
33. Cannon B. As clear as MUD: Characteristics, objectives, and strategies of the opposition in Bolivarian Venezuela // Latin American Politics and Society. 2014. Vol. 56. No. 4. P. 49–70. DOI: 10.1111/j.1548-2456.2014.00248.x.
34. Corrales J. Democratic backsliding through electoral irregularities: The case of Venezuela // European Review of Latin American and Caribbean Studies. 2020. No. 109. P. 41–65. DOI: 10.32992/erlacs.10598.
35. Corrales J. Fixing democracy. Why constitutional change often fails to enhance democracy in Latin America. New York: Oxford University Press, 2018.
36. Diamint R. ¿Quién custodia a los custodios? Democracia y uso de la fuerza en América Latina // Nueva Sociedad. 2018. No. 278. P. 24–35.
37. El enigma militar en Venezuela. Informe breve de Crisis Group sobre América Latina. Bruselas, 2019.
38. Elementos de una transición integral e incluyente en Venezuela: una visión desde lo local. Caracas: Instituto para las Transiciones Integrales (IFIT), 2020.
39. Ellis E. The collapse of Venezuela and its impact on the region // Military Review. 2017. No. 4. P. 22–33.
40. Garzón O.S., Sallerín M., Uribe Carreño E. Venezuela. La révolution bolivarienne, 20 ans après. Paris: L'Harmattan, 2020.
41. Imaging a resolution of Venezuela's crisis. Latin American Report. 2020. No. 79.
42. Iwanowski Z.W. Partidos políticos de Venezuela en las condiciones de la polarización // Iberoamérica. 2018. No. 4. P. 27–52.

43. Jeifets V., Khadorich L., Leksyutina Ya. Russia and Latin America: Renewal versus continuity // Portuguese Journal of Social Science. 2018. Vol. 17. No. 2. P. 213–228. DOI: 10.1386/pjss.17.2.213_1.
44. Lander E. El Estado mágico sigue ahí. Las continuidades y rupturas en la historia del petroestado venezolano // Nueva Sociedad. 2017. No. 274. P. 30–43.
45. López Maya M. El colapso de Venezuela ¿qué sigue? // Pensamiento Propio. 2018. No. 47. P. 13–35.
46. López Maya M. Populism, 21st-century socialism and corruption in Venezuela // Thesis Eleven. 2018. Vol. 149. P. 67–83. DOI: 10.1177/0725513618818727.
47. Romero C.A., Mijares V.M. From Chávez to Maduro: Continuity and change in Venezuelan foreign policy // SciELO. 2016. Vol. 38. No. 1. P. 165–201. DOI: 10.1590/S0102-8529.2016380100005.
48. Rozental D.M., Jeifets V.L. Política exterior de Venezuela en el ambiente de inestabilidad // Iberoamérica. 2018. No. 4. P. 53–76.
49. San Miguel R. El rumbo elegido por Venezuela para la defensa nacional: una perspectiva crítica // Diálogo Político. 2011. No. 1. P. 65–89.
50. Sutherland M. La ruina de Venezuela no se debe al ‘socialismo’ ni a la ‘revolución’ // Nueva Sociedad. 2018. No. 274. P. 142–151.
51. Vásquez Lezama P. Venezuela: de l’utopie au chaos. Paris: Buchet Chastel, 2019.
52. Zambrano Sequín L. Consideraciones sobre la transición económica, la velocidad de los ajustes y la secuencia de las reformas. Caracas: Academia Nacional de Ciencias Económicas, 2016.

Z.W. Iwanowski, D.M. Rozental

VENEZUELA: POLITICAL CONFRONTATION AND THE WORLD COMMUNITY

*Institute of Latin American Studies,
Russian Academy of Sciences
21/16 Bolshaya Ordynka Str., Moscow, 115035*

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

*Higher School of Economics
National Research University
20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000*

The paper examines a complex web of domestic and external issues which have both provoked a systemic crisis in Venezuela and, at the same time, determined its specificity in comparison with the wave of protests sweeping across Latin America in 2019.

The authors conclude that the escalation of the conflict in Venezuela was caused not only by the standoff between the legislative and the executive branches of the government, but also by the split of the whole society into proponents and opponents of 'socialism of the 21st century'. The contradictions have led to the formation of the parallel branches of power: two presidents, two parliaments and two supreme courts (one of them in exile) which de facto coexist in the country and each claims exclusive rights and legitimacy.

The authors also stress that the situation in Venezuela has obvious regional consequences. The miscalculations of the incumbent president were used in election campaigns in other Latin American countries and became one of the reasons for the defeat of left candidates, the subsequent 'right drift' leading to the isolation of the republic. The new political landscape has also affected the architecture of integration associations, which failed to develop a unified position toward the Bolivarian regime.

Furthermore, in a current heightened state of international tensions Venezuela has turned into a theatre of international rivalry and conflict involving all the key subjects of world politics. The United States, China, Russia and the European Union compete for the energy resources of the country and pursue their own strategic interests. The inability or unwillingness of external forces to reach compromise and to bring the parties to the negotiating table can pose a threat to peace and international security.

As a result, Venezuela has become one of the most turbulent countries in the region. At the same time, the repeated outbursts of protest waves are significantly different from popular uprisings in other Latin American states. In the worst-case scenario, a constantly worsening situation may result in a social explosion which threatens to make the Bolivarian Republic another hot spot of the planet.

Keywords: Venezuela, political conflicts, Nicolas Maduro, chavism, Juan Guaido, 'left turn', 'right drift', integration processes, social protests, the United States, the PRC, the Russian Federation, the European Union, Turkey, India.

About the authors: *Zbigniew W. Iwanowski* — Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the Center for Political Studies of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences; Professor of the School of Global Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: z.w.iwanowski@gmail.com); *Dmitri M. Rozental* — PhD (History), Deputy Director of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, Associate Professor at the Department of World Economy and International Affairs of National Research University — Higher School of Economics (e-mail: rozentaldm@gmail.com).

REFERENCES

1. Belokonev S.Yu., Vodopetov S.A., Ivanov V.G. 2019. Vliyanie migratsii iz Venesuely na vnutripoliticheskuyu situatsiyu v SShA [The impact of migration from Venezuela on the domestic political situation in the United States]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, vol. 21, no. 2, pp. 240–253. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-240-253. (In Russ.)
2. Vorotnikova T.A. 2019. Indiya — novyi igrok na venesuel'skom pole (k 60-letiyu indijsko-venesuel'skikh diplomaticheskikh otnoshenii) [India — new actor on Venezuela's field (to the 60th anniversary of India-Venezuela diplomatic relations)]. *Asia and Africa today*, no. 4, pp. 17–23. DOI: 10.31857/S032150750004378-7. (In Russ.)
3. Dabagyan E.S. 2014. Venesuela posle Ugo Chavesa [Venezuela after Hugo Chávez]. *World Economy and International Relations*, no. 7, pp. 67–77. (In Russ.)
4. Dabagyan E.S. 2018. Nikolas Maduro ostayotsya na vershine vlasti [Nicolás Maduro remains at the top of power]. *Latinskaya Amerika*, no. 8, pp. 23–31. DOI: 10.31857/S0044748X0000445-8. (In Russ.)
5. Dabagyan E.S. 2011. Rossiisko-latinoamerikanskije otnosheniya na sovremennom etape [Russian — Latin American relations at the present stage]. *World Economy and International Relations*, no. 12, pp. 89–97. (In Russ.)
6. Davydov V.M. 2016. Strategicheskoe partnerstvo v kontekste rossiisko-latinoamerikanskikh otnoshenii [Strategic partnerships in the context of Russian — Latin-American relations]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 86, no. 4, pp. 304–315. DOI: 10.7868/S0869587316040058. (In Russ.)
7. Zhukov S.V., Reznikova O.B. 2018. Venesuela na mirovom rynke nefi [Venezuela in the world oil market]. *World Economy and International Relations*, no. 10, pp. 80–90. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-10-80-90. (In Russ.)
8. Iwanowski Z.W. 2014. Vneshnyaya i vnutrennyaya politika Venesuely v usloviyakh krizisa [Domestic and foreign policy of Venezuela under crisis conditions]. *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh*, no. 14, pp. 219–245. (In Russ.)
9. Iwanowski Z.W. (ed.). 2015. *Latinskaya Amerika: izbiratel'nye protsessy i politicheskaya panorama* [Latin America: Electoral processes and the political panorama]. Moscow, ILA RAN Publ. (In Russ.)
10. Manoilo A.V., Strigunov K.S. 2020. Tekhnologiya demontazha chavistov: venesuel'skii pretsedent [The technology of dismantling Chavists: 'Venezuelan precedent']. *Aktual'nye problemy Evropy*, no. 1 (105), pp. 213–237. DOI: 10.31249/ape/2020.01.10. (In Russ.)
11. Iwanowski Z.W. (ed.). 2017. *Politicheskie konflikty v Latinskoj Amerike: vyzovy stabil'nosti i novye vozmozhnosti* [Political conflicts in Latin America: Challenges for stability and new opportunities]. Moscow, ILA RAN Publ. (In Russ.)
12. Prioritetnye napravleniya razvitiya otnoshenii Rossii s gosudarstvami Latinskoj Ameriki i Karibskogo basseina. Materialy parlamentskikh slushanii [Priority areas for the development of relations between Russia and the countries

of Latin America and the Caribbean. Proceedings of the parliamentary hearings]. 2013. *Latinskaya Amerika*, no. 12, pp. 5–16. (In Russ.)

13. Pyatakov A.N. 2019. Vooruzhennye sily Venesuely: epokha Ugo Chavesa [The armed forces of Venezuela: The age of Hugo Chávez]. *Latinskaya Amerika*, no. 6, pp. 18–38. DOI: 10.31857/S0044748X0005097-5. (In Russ.)

14. Pyatakov A.N. 2018a. Kitai i bolivarianskii segment Latinskoi Ameriki [China and the Bolivarian segment of Latin America]. *Svobodnaya mysl'*, no. 4, pp. 113–130. (In Russ.)

15. Pyatakov A.N. 2018b. Pereizbranie prezidenta: paralleli, paradoksy, perspektivy [Presidential reelection: Parallels, paradoxes, prospects]. *Latinskaya Amerika*, no. 8, pp. 5–22. DOI: 10.31857/S0044748X0000446-9. (In Russ.)

16. Rozental' D.M. 2019. Anatomiya politicheskogo krizisa v Venesuele [The anatomy of the political crisis in Venezuela]. *Puti k miru i bezopasnosti*, no. 1, pp. 22–33. DOI: 10.20542/2307-1494-2019-1-22-33. (In Russ.)

17. Rozental' D.M. 2018. Venesuel'skii uzel v latinoamerikanskoi politike Moskvy [Venezuelan node in the Latin American policy of Moscow]. *Latinskaya Amerika*, no. 10, pp. 49–60. DOI: 10.31857/S0044748X0001040-3. (In Russ.)

18. Rozental' D.M. 2016. Drakon nad Karakasom: kitaisko-venesuel'skie otnosheniya v nachale XXI veka [The dragon over Caracas. Relations between China and Venezuela in the beginning of the XXI century]. *Latinskaya Amerika*, no. 3, pp. 39–50. (In Russ.)

19. Safronova E.I. 2020. Latinoamerikanskii vektor aktual'noi vneshnei politiki Kitaya [Latin American vector of China's current foreign policy]. *Latinskaya Amerika*, no. 2, pp. 30–46. DOI: 10.31857/S0044748X0008143-6. (In Russ.)

20. Semenov V.L. 2017. Venesuela: krizis prodolzhaetsya [Venezuela: The crisis is continued]. In Malysheva D.B., Horos V.G. (eds.). *Zapad–Vostok–Rossiya 2016* [West-East-Russia 2016]. Moscow, IMEMO RAN Publ., pp. 154–158. DOI:10.20542/978-5-9535-0500-0. (In Russ.)

21. Semenov V.L. 2018. Venesuel'skii krizis v kontekste prezidentskikh vyborov [Venezuelan crisis in the context of presidential elections]. *Latinskaya Amerika*, no. 12, pp. 37–48. DOI: 10.31857/S0044748X0002314-4. (In Russ.)

22. Kheifets V.L., Khadorich L.V. 2017. Krizis v Venesuele i regional'naya integratsiya [Venezuelan crisis and regional integration]. *World Economy and International Relations*, vol. 61, no. 5, pp. 79–87. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-5-79-87. (In Russ.)

23. Kheifets V.L., Khadorich L.V. 2019. Soyuz yuzhnoamerikanskikh natsii: tumannye perspektivy [Union of South American Nations: Clouded prospects]. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no. 2, pp. 85–93. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-85-93. (In Russ.)

24. Kheifets L.S., Rozental' D.M. 2015. Kredity na doverii: razmyshleniya o venesuel'skoi politike Moskvy [The unsecured loans: Some reflections about the Russian policy in Venezuela]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 3, pp. 147–158. (In Russ.)

25. Shinkarenko A.A. 2020. Venesuela v poiskah vyhoda iz sistemnogo krizisa [Venezuela searching a way out from the systemic crisis]. *Latinskaya Amerika*, no. 1, pp. 97–107. DOI: 10.31857/S0044748X0007763-8. (In Russ.)
26. Shcherbak I.N. 2019. Evropeiskii soyuz v poiskakh global'noi roli v upravlenii krizisami (na primere Venesuely) [The EU in search of a global role in the crisis management (the case of Venezuela)]. *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN*, no. 3, pp. 82–89. DOI: 10.15211/vestnikieran320198288. (In Russ.)
27. Yakovlev P.P. 2019a. Venesuela: krizis epokhi konfliktnoi mnogo-polyarnosti [Venezuela: Crisis in an era of conflictual multipolarity]. *Latinskaya Amerika*, no. 1, pp. 38–52. DOI: 10.32726/2411-3417-2019-1-38-52. (In Russ.)
28. Yakovlev P.P. 2019b. Latinskaya Amerika v global'noi skhvatke za neft' [Latin America in the global battle for oil]. *Latinskaya Amerika*, no. 12, pp. 6–21. DOI: 10.31857/S0044748X0007337-9. (In Russ.)
29. Alekseenko O.A., Pyatakov A.N. 2019. Venezuela: prueba por la crisis. *Iberoamérica*, no. 2, pp. 57–83.
30. Bagley B.M., Defort M. 2015. *Decline of the United States hegemony? A challenge of ALBA and a new Latin American integration of the 21st century*. Lanham, Maryland, Lexington Books.
31. Borda G.S. 2020. Colombia y la crisis venezolana: una estrategia fallida. *Nueva Sociedad*, no. 287, pp. 4–10.
32. Camilleri M.J. 2018. Evolution or revolution? U.S. policy on Venezuela from Obama to Trump. *Pensamiento Propio*, no. 47, pp. 18–205.
33. Cannon B. 2014. As clear as MUD: Characteristics, objectives, and strategies of the opposition in Bolivarian Venezuela. *Latin American Politics and Society*, vol. 56, no. 4, pp. 49–70. DOI: 10.1111/j.1548-2456.2014.00248.x.
34. Corrales J. 2020. Democratic backsliding through electoral irregularities: The case of Venezuela. *European Review of Latin American and Caribbean Studies*, no. 109, pp. 41–65. DOI: 10.32992/erlacs.10598.
35. Corrales J. 2018. *Fixing democracy. Why constitutional change often fails to enhance democracy in Latin America*. New York, Oxford University Press.
36. Diamint R. 2018. ¿Quién custodia a los custodios? Democracia y uso de la fuerza en América Latina. *Nueva Sociedad*, no. 278, pp. 24–35.
37. *El enigma militar en Venezuela*. 2019. Informe breve de Crisis Group sobre América Latina, Bruselas, International Crisis Group.
38. *Elementos de una transición integral e incluyente en Venezuela: una visión desde lo local*. 2020. Caracas, Instituto para las Transiciones Integrales (IFIT).
39. Ellis E. 2017. The collapse of Venezuela and its impact on the region. *Military Review*, no. 4, pp. 22–33.
40. Garzón O.S., Sallerin M., Uribe Carreño E. 2020. *Venezuela. La révolution bolivarienne, 20 ans après*. Paris, L'Harmattan.
41. *Imaging a resolution of Venezuela's crisis*. 2020. Latin American Report, no. 79.

42. Iwanowski Z.W. 2018. Partidos políticos de Venezuela en las condiciones de la polarización. *Iberoamérica*, no. 4, pp. 27–52.
43. Jeifets V., Khadorich L., Leksyutina Ya. 2018. Russia and Latin America: Renewal versus continuity. *Portuguese Journal of Social Science*, vol. 17, no. 2, pp. 213–228. DOI: 10.1386/pjss.17.2.213_1.
44. Lander E. 2017. El Estado mágico sigue ahí. Las continuidades y rupturas en la historia del petroestado venezolano. *Nueva Sociedad*, no. 274, pp. 30–43.
45. López Maya M. 2018a. El colapso de Venezuela ¿qué sigue? *Pensamiento Propio*, no. 47, pp. 13–35.
46. López Maya M. 2018b. Populism, 21st-century socialism and corruption in Venezuela. *Thesis Eleven*, vol. 149, pp. 67–83. DOI: 10.1177/0725513618818727.
47. Romero C.A., Mijares V.M. 2016. From Chávez to Maduro: Continuity and change in Venezuelan foreign policy. *SciELO*, vol. 38, no. 1, pp. 165–201. DOI: 10.1590/S0102-8529.2016380100005.
48. Rozental D.M., Jeifets V.L. 2018. Política exterior de Venezuela en el ambiente de inestabilidad. *Iberoamérica*, no. 4, pp. 53–76.
49. San Miguel R. 2011. El rumbo elegido por Venezuela para la defensa nacional: una perspectiva crítica. *Diálogo Político*, no. 1, pp. 65–89.
50. Sutherland M. 2018. La ruina de Venezuela no se debe al ‘socialismo’ ni a la ‘revolución’. *Nueva Sociedad*, no. 274, pp. 142–151.
51. Vásquez Lezama P. *Venezuela: de l’utopie au chaos*. Paris, Buchet Chastel.
52. Zambrano Sequín L. 2016. *Consideraciones sobre la transición económica, la velocidad de los ajustes y la secuencia de las reformas*. Caracas, Academia Nacional de Ciencias Económicas.

Л.В. Дьякова*

ЧИЛИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕД ОЖИДАНИЯМИ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт Латинской Америки Российской академии наук»
115035, Москва, ул. Большая Ордынка, 21/16*

Чилийская модель развития по объективным параметрам представляет собой сочетание развитой демократии, целенаправленной социальной политики и эффективной, конкурентоспособной экономики. Несмотря на это, протестное движение, начавшееся в октябре 2019 г. и включавшее как мирные, так и насильственные акции, было направлено не только против правоцентристского правительства Себастьяна Пиньеры (2018–2022), но и против системы в целом. Это движение продемонстрировало неудовлетворенность широких общественных слоев результатами политического и социального развития и свидетельствовало о начале затяжного, трудноразрешимого кризиса.

Фундаментальной причиной протестов стало глубокое противоречие между экономической эффективностью и социальной справедливостью, заложенное в ходе неолиберальной модернизации Аугусто Пиночета (1973–1990) и не преодоленное на протяжении 30 лет демократического развития, несмотря на масштабную социальную политику. Объектом жесткой критики стала и система «элитарных компромиссов», представлявшая собой политическую основу для перехода от авторитаризма к демократии.

В статье показана специфика формирования чилийской модели в исторической ретроспективе, выявлены противоречия и проблемы, ставшие предпосылками конфликта, проанализирован процесс нарастания массовых социальных ожиданий, усиленный реформами второго правительства Мишель Бачелет (2014–2018), рассмотрены особенности современного кризиса.

Ключевые слова: Чили, протесты, неолиберальные реформы, модель «элитарных компромиссов», социальная справедливость, С. Пиньера, М. Бачелет.

* Дьякова Людмила Владимировна — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (e-mail: diakova65@mail.ru).

Современная Чили является развитым демократическим государством, для которого характерны открытость глобальному миру и эффективная экономика (33-е место из 138 в мировом рейтинге конкурентоспособности 2019 г., лидирующие позиции в регионе)¹. Чили наряду с Мексикой входит в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и включена в группу стран с очень высоким индексом человеческого потенциала (42-е место из 189)². Последние 20 лет по многим показателям — политическим, экономическим, социальным — Чили служила ориентиром для других государств Латинской Америки.

Однако в октябре 2019 г. в стране начались массовые радикальные протесты, направленные не только против правоцентристского правительства Себастьяна Пиньеры (2018–1922), попытавшегося незначительно повысить цены на проезд в метро, но и против политической системы в целом, ее представителей и элит, против результатов политического, экономического и социального развития, достигнутых на протяжении последних 30 лет. «Это не метро: это образование, здравоохранение, пенсии»; «Это не тридцать песо, это тридцать лет» — было написано на плакатах участников движения.

Протестные выступления, включавшие как мирные, так и насильственные акции, масштаб которых был непредставим в Чили еще год назад, обнажили беспрецедентное разочарование и неудовлетворенность широких общественных слоев и свидетельствовали о начале затяжного политического кризиса. Ставший неожиданностью не только для власти, но и для большинства оппозиционных партий, этот кризис был следствием глубоких и сложных процессов, идущих в чилийском обществе на протяжении не одного десятилетия и неразрывно связанных с принципиальными основами модели развития, сформированной в последней четверти XX в.

Теоретической базой данного исследования стали классическая концепция «полиархии» Р. Даля [Dahl, 1989] с ее фундаментальным постулатом о противоречивом и сложном функционировании реальных демократий, а также теоретические дискуссии последнего десятилетия о нарастании угроз и рисков для подобных режимов, способы противодействия которым пока не найдены [Diamond, 2015; Plattner, 2015]. В центре проблематики подобных исследований —

¹ The global competitiveness report 2019 // World Economic Forum. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (accessed: 15.01.2020).

² Human Development Report 2019 // United Nations Development Programme. Available at: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2019.pdf> (accessed: 13.01.2020).

вопрос о качестве состоявшихся демократий, на определенном этапе развития оказавшихся в ситуации глубокого внутреннего конфликта, обусловленного нарастанием противоречий между фундаментальными ценностями свободы (в том числе экономической) и равенства. Этот конфликт, вызванный невозможностью совместить «дюжинную природу буржуазного общества», нацеленного на индивидуализм и экономическое процветание, и вечную тягу человека к социальной справедливости, был предсказан С.М. Липсетом еще несколько десятилетий назад в работе о неизбежном возрождении массовых левых движений [Липсет, 1991a, 1991b].

Необходимость поиска альтернативы принципам экономической эффективности, «оставляющим человека один на один с бесчеловечными правилами рынка» [Мартьянов, Фишман, 2012: 66], у многих современных исследователей не вызывает сомнений: все большее распространение получают концепции, в центре которых — этическое содержание политики, ее гуманистический потенциал, роль человеческого фактора [Лукин, 2014; Семененко, 2012; Sniderman, Highton, 2011]. Ряд авторов отмечают и моральную истощенность проекта модерна с его идеологической надстройкой, оправдывающей неолиберальную этику капитализма [Лэйн, 2014]. Вопрос о свободе и неравенстве из философского спора XIX в. превратился в размышления о перспективах демократического развития, осуществлении «этической революции», соответствующей новым запросам и ценностям постоянно усложняющегося общества [Fukuyama, 2001; Дзоло, 2010: 23].

Эта общетеоретическая дискуссия приобретает особую актуальность применительно к Чили — стране, где с демократией традиционно связываются высокие социальные ожидания.

Чилийский путь перехода от авторитаризма к демократии рассматривается исследователями как один из самых успешных вариантов контролируемого демократического транзита, важнейшей частью которого стала «модель компромиссов», заключенных между различными группами элиты [Drake, Jaksic, 2002; Silva, 2002; Barton, 2002; O'Donnell, Shmitter, 2013: 42–44]. Реализация данного пути была обусловлена сочетанием ряда структурных и процедурных факторов: особенностями политической культуры Чили; традиций партийных коалиций; социальной позицией католической церкви; активностью организаций гражданского общества; сформированностью в массовом общественном сознании установки на мирную политическую трансформацию [Valenzuela, Dammert, 2006]. Важнейшим субъективным фактором стала роль демократической

оппозиции — ее готовность заключать и соблюдать договоры [Garretón, 1989]. В то же время чилийский опыт имел и существенные противоречия, наиболее глубокое из которых было предопределено основными условиями компромисса: сохранением неолиберального экономического курса и отсутствием резкого разрыва с авторитарным прошлым.

Именно эти аспекты (противоречия и разочарование части общества) находятся в центре внимания современной политической мысли Чили, развивающейся в рамках двух основных подходов: умеренно-объективистского и леворадикального. Если в исследованиях первого направления наряду с проблемами анализируются и очевидные достижения в развитии страны [Escalona, 2008; El Chile que se viene, 2011; Huneeus, 2008; Navia, 2015], то в работах леворадикального характера акцент сделан на критическом рассмотрении и негативной оценке деятельности демократических правительств после 1990 г. [Gómez Leyton, 2007; Vergara Estévez, 2007; Peña Gonzalez, 2007]. Лейтмотивом второго подхода становятся социальная несправедливость и неравенство, не преодоленные за годы поставторитарного развития, а также проблемы «исторической памяти» [Rivas, 2007]. «Мифом» и феноменом «недемократического процветания» называют чилийскую модель известные социологи Т. Моулиан и М. Лагос, отмечая, что процветание возросло, не приведя к кардинальному сокращению социального неравенства [Moulian, 2002; Lagos, 2007]. На современном этапе этот акцент усиливается, а главной темой общественно-политической мысли последнего десятилетия становится ощущение «кризиса модели» на фоне нарастания социальной напряженности. «Идея, внедренная в общественное сознание, согласно которой Чили является современной постоянно растущей страной с элитой, представляющей образец по уровню своих взглядов и согласованности <...> — эта идея вступила в кризис», — считает социолог О. Торрес Гутьеррес³, выражая преобладающую в национальной интеллектуальной среде точку зрения.

Таким образом, современный социально-политический конфликт в Чили в значительной степени был предсказан в научной литературе (в том числе в отечественной [Дьякова, 2018; Дьякова, 2019а]). Однако предусмотреть его масштаб и уровень радикализма оказалось невозможно.

³ Torres Gutiérrez O. ¿El Fin del milagro chileno? // Nueva Sociedad. 2016. Available at: <http://nuso.org/articulo/el-fin-del-milagro-chileno/> (accessed: 12.03.2018).

В данной статье предполагается проанализировать специфику чилийской модели в исторической ретроспективе и в современном контексте, выявить те противоречия, которые, накапливаясь подспудно, стали предпосылками глубокого разочарования широких общественных слоев и развернувшегося протестного движения.

Методологической основой послужил комплексный системный подход, позволяющий наиболее полно раскрыть внутренние взаимосвязи различных явлений политики, выявить истоки конфликтов, проанализировать способность политических институтов и акторов к разрешению кризиса.

Военный режим А. Пиночета (1973–1990). Создание основ неолиберальной модели

Определяющую роль в формировании современной страны со всеми ее достижениями и проблемами сыграли два ключевых и длительных исторических периода: военный режим Аугусто Пиночета (1973–1990), ставший самым трагическим явлением в чилийской истории, и процесс перехода от этого режима к демократии, стартовавший в 1990 г. и завершившийся консолидацией демократических институтов и ценностей.

После военного переворота 11 сентября 1973 г., сместившего левокоалиционное правительство социалиста Сальвадора Альенде, А. Пиночет подавил традиционно многообразную политическую жизнь Чили и установил жесткий правоавторитарный режим: все левые партии, от радикальных до центристских, были запрещены, их лидеры и активисты убиты, репрессированы или эмигрировали (С. Альенде погиб в президентском дворце). Масштаб и жестокость репрессий в стране с глубокими демократическими традициями повергли в шок современников. «Травма памяти» и связанный с ней политический раскол общества, обостряющийся с каждой новой годовщиной 11 сентября, стали неотъемлемой частью национального исторического опыта.

В 1978 г. был принят Закон о юридическом иммунитете военных⁴, согласно которому они не подлежали суду за нарушения прав человека, совершенные в годы военного режима. В 1980 г. утверждена новая Конституция, закрепившая власть А. Пиночета до 1988 г. По окончании этого срока предполагалось провести референдум о

⁴ La ley de Amnistía, o Decreto Ley № 2191 de 18 de abril de 1978 // Memoria Chilena. Biblioteca Nacional de Chile. Available at: <http://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-printer-95548.html> (accessed: 30.09.2019).

продлении его полномочий и в случае отрицательного результата — президентские выборы. После отставки генералу предназначался пост пожизненного сенатора, а его ближайшим соратникам — посты назначаемых сенаторов с депутатской неприкосновенностью. Конституция ограничила полномочия будущего президента по назначению и смещению главнокомандующих родов войск, введя Совет национальной безопасности; деятельность партий и СМИ оставалась под контролем государства.

Таким образом, репрессивная политическая сущность военного режима была очевидна. В то же время правительство А. Пиночета в сжатые сроки осуществило обширную программу неолиберальной модернизации, суть которой заключалась в полном отказе от государственного протекционизма и создании рыночной экономики открытого типа, предполагающей опережающее развитие самых конкурентоспособных экспортных отраслей, ориентированных на мировой рынок: меднорудной промышленности (Чили является крупнейшим в мире поставщиком меди), производства вина, продажи фруктов, рыбы и морепродуктов. Целенаправленная поддержка этих отраслей, активное продвижение национальных торговых брендов сделали страну ведущим мировым экспортером [Симонова, 2003: 13].

Неотъемлемыми элементами новой стратегии были политика приватизации, охватившая масштабный государственный сектор чилийской экономики [Morandé, 1993: 15], «шоковое» оздоровление финансовой сферы и преодоление колоссальной инфляции [Vasconi, Arancibia, 1988: 82–83]. К приватизации активно привлекали иностранный капитал и национальные предпринимательские кланы, что усилило концентрацию собственности и влияния в руках закрытой, тесно связанной с международными структурами экономической элиты.

Переход к неолиберальной модели включал два этапа. После первого, основанного на жестких рекомендациях «чикагской школы», страну потряс мировой финансово-экономический кризис 1982–1983 гг., последствия которого заставили А. Пиночета, не отказываясь от неолиберализма, перейти к более гибкому сочетанию рыночных механизмов и методов государственного регулирования и привлечь для разработки этого курса другую команду экономистов [Богуш, Щелчков, 2009: 197–200]. При поддержке государства финансовая стабильность и доверие инвесторов были восстановлены. Преодоление кризиса в значительной степени профинансировали иностранные банки и Международный валютный фонд (МВФ), пре-

доставившие Чили в 1983–1985 гг. ряд крупных кредитов [Fontaine Aldunate, 1988: 154–177].

Неолиберальная модернизация, внедренная в два этапа, к концу 1980-х годов превратила Чили в одну из самых экономически эффективных, конкурентоспособных, динамично развивающихся стран Латинской Америки (экономический рост в 1989 г. составил 10%) [Morandé, 1993: 25, 41].

В то же время в социальной сфере новая экономическая модель, сопровождавшаяся отказом от длительной традиции государственного реформизма и поддержки беднейших слоев, была оплачена высокой ценой: увеличением бедности и нищеты (до 38,6% к 1989 г.), ростом социального неравенства (54-е место в мире). Государственный сектор полностью утратил ведущее положение в системах образования, здравоохранения, социального обеспечения. Эти сферы были приватизированы, управление ими, переданное в частные фонды или муниципалитеты, максимально децентрализовано, а количество и качество предоставляемых услуг поставлены в жесткую зависимость от платежеспособности каждого. Для широких слоев населения это был болезненный и сложный процесс, сопровождавшийся резким падением уровня жизни вместе с утратой иллюзий и надежд на государственную поддержку. Социальная поляризация и неравенство приобрели катастрофические масштабы.

Противоречие между экономической эффективностью и высокими политическими и социальными издержками модели постепенно нарастало: к концу 1980-х годов всё более широкие общественные силы требовали перехода к демократии, и А. Пиночет вынужден был пойти на легализацию партий и проведение общенародного референдума о продлении своих полномочий (это решение, как считают ряд исследователей, стало роковым для военного режима) [Mainwaring, 1989].

В 1988 г. 17 оппозиционных партий и групп, различных по идеологии и масштабу, сформировали левоцентристскую демократическую коалицию — Объединение партий за демократию (Concertación de Partidos por la Democracia), ведущими силами которой стали социалисты⁵ и христианские демократы (Partido Demócrata Cristiano, PDC), объединившиеся во имя восстановления правового государства.

⁵ Они были представлены старейшей Социалистической партией (Partido Socialista, PS) и Партией за демократию (Partido por la Democracia, PPD), созданной в 1987 г.

Коммунисты, отстаивая позиции вооруженной борьбы, не вступили в коалицию [Богуш, Щелчков, 2009: 188].

5 октября 1988 г. А. Пиночет проиграл референдум: демократическая оппозиция победила, получив 54,5% голосов, а 14 декабря 1989 г. прошли общенациональные выборы, в результате которых президентом был избран христианский демократ Патрисио Эйлвин (1990–1994). Таким образом, один из самых репрессивных режимов XX в. — военный режим А. Пиночета — мирным путем, без гражданского конфликта, подчиняясь общественному давлению и логике компромисса, прекратил свое существование. В наследство демократическим правительствам остались: «авторитарные анклавы» Конституции 1980 г., эффективная экономическая модель, приватизация социальной сферы, глубокое социальное неравенство и политическая поляризация общества, разделенного «травмой исторической памяти».

Управляемый демократический транзит (1990–2010)

Модель демократического перехода, стартовавшего в 1990 г., представляла собой управляемый политический процесс, в основу которого была положена система компромиссов, заключенных между различными группами элиты (руководством оппозиционных партий, представителями ультраправого крыла, умеренными сторонниками гражданского правления, бизнесом, выросшим за годы реформ), об условиях предстоящей трансформации [Siavelis, 2002]. В более широком плане это был договор между «правой» и «левой» политической культурой общества. Но главным компромиссом стало соглашение между самим А. Пиночетом и демократическими лидерами, включавшее жесткие обязательства по отношению к уходящему военному режиму, его самым значимым фигурам и политическим институтам («авторитарным анклавам»), законсервированным Конституцией 1980 г.

Демократические политики обещали: сохранить за А. Пиночетом до 1998 г. пост командующего сухопутными силами; соблюдать Конституцию, Закон об амнистии военных⁶ и ряд других мер, существенно ограничивающих возможности демократической власти, особенно в том, что касалось наказания военных преступников за

⁶ La ley de Amnistía, o Decreto Ley № 2191 de 18 de abril de 1978 // Memoria Chilena. Biblioteca Nacional de Chile. Available at: <http://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-printer-95548.html> (accessed: 30.09.2019).

репрессии. «День, в который вы посмеете тронуть хотя бы одного из моих людей, будет последним днем правления закона», — предупредил уходящий диктатор [Silva, 2002: 380].

Важным элементом политической системы была и разработанная в 1988–1989 гг. электоральная модель двухмандатных округов (так называемая биноминальная), которая в период парламентских выборов обеспечивала раздел политического поля между двумя крупнейшими коалициями: Concertación и правой оппозицией. Мелкие партии (в том числе леворадикальные), пытавшиеся выступить на выборах самостоятельно, были обречены на неудачу и оказывались на обочине политической жизни.

Соблюдение этих политических договоренностей и отсутствие тотального разрушения прежней системы в течение 1990–2000 гг., последующее постепенное преодоление «авторитарных анклавов», целенаправленное развитие социальной сферы при сохранении не-олиберальной рыночной экономики стали характерными особенностями чилийской модернизации и формирования современного чилийского общества. Ключевую роль в процессе поставторитарного развития, преодолении его колоссальных рисков и проблем сыграла левоцентристская коалиция Concertación, находившаяся у власти в 1990–2010 и 2014–2018 гг. [Peña Gonzalez, 2007; Дьякова, 2013: 188–233]. Наиболее знаковыми социально-реформистскими из сформированных ею пяти правительств стали возглавляемые социалистами кабинеты Рикардо Лагоса (2000–2006) и Мишель Бачелет (2006–2010; 2014–2018).

Наибольшие политические вызовы на этапе 1990-х годов были связаны с нерешенностью военно-гражданских отношений и вопросом о наказании военных, защищенных юридическим иммунитетом.

Несмотря на сопротивление ультраправого сектора и вооруженных сил, для расследования фактов политического насилия были созданы две специальные Комиссии правды и примирения, названные по именам их руководителей: Комиссия Реттига (1990–1992) и Комиссия Валеча (Комиссия о политических заключениях и пытках, 2003–2011). К 1991 г. было подтверждено 3195 случаев гибели политических заключенных, а к 2011 г. установлено общее число подвергшихся преследованиям, арестам и пыткам (40 289 человек), что было признано окончательным результатом работы комиссий⁷.

⁷ Informe de la Comisión Presidencial Asesora para la Calificación de Detenidos-Desaparecidos, Ejecutados Políticos y Víctimas de Prisión Política y Tortura. Available at: <http://www.indh.cl/wp-content/uploads/2011/10/Informe2011.pdf> (accessed: 20.11.2019).

Государство признало свою моральную вину перед всеми жертвами репрессий: погибшими, их родителями, супругами и детьми, выжившими политзаключенными. Родственникам погибших были выплачены денежные компенсации, предоставлены медицинские льготы, детям — ежемесячные стипендии при получении среднего и высшего образования. Все демократические президенты заявляли о необходимости дальнейшего продвижения «по пути правды, справедливости и воздаяния» (Р. Лагос), о задаче совершенствования политических институтов, воспитании и просвещении общества [Дьякова, 2019b].

Вилла Гримальди (место заключения и пыток) в 1994–1997 гг. была превращена в мемориальный комплекс; в 2005 г. был создан Национальный институт по правам человека, в задачи которого входила правозащитная и просветительская деятельность; в 2010 г. открыт Музей памяти и прав человека.

Тем не менее никому из демократических президентов не удалось найти однозначное решение вопроса о вине военных, которое устроило бы все политические силы. В итоге наказание понесли ближайшие соратники А. Пиночета: шеф тайной спецслужбы DINA генерал Мануэль Контрерас (в 1995 г. осужден на 7 лет, в 2002–2005 гг. приговорен к нескольким пожизненным срокам, умер в заключении); генерал Серхио Арельяно Старк, руководитель спецподразделения «Караван смерти» (получил несколько пожизненных сроков); генерал Педро Эспиноса и бригадир Мигель Краснов (осуждены пожизненно). Обвинения были предъявлены еще 500 военным, из которых 70 были осуждены за организацию убийств и похищений.

По мере укрепления демократии были начаты судебные процессы и против А. Пиночета, в 2002 г. лишённого поста пожизненного сенатора, а в 2004 г. по решению Верховного и Апелляционного судов — иммунитета от судебного преследования. Смерть экс-диктатора 11 декабря 2006 г. не позволила завершить начатые процессы и вынести официальное обвинение.

Таким образом, несмотря на ряд важных шагов по восстановлению исторической справедливости, как лично А. Пиночет, так и военные в целом не подверглись массовому судебному преследованию в той мере, в какой того требовали чилийские и международные правозащитные организации. Этот компромисс со стороны демократической власти стал вынужденной платой за обеспечение гражданского мира, но заложил основы будущих политических противоречий.

В 2005 г. правительство социалиста Р. Лагоса провело глубокую реформу Конституции, ликвидировавшую все «авторитарные анклавы» и покончившую с институциональным наследием пиночетизма. На этапе 2000–2010 гг. были нормализованы военно-гражданские отношения, во главе вооруженных сил встали фигуры, нацеленные на строгое подчинение демократическому правовому государству; правые партии постепенно дистанцировались от пиночетизма и стали активными участниками политической жизни [Дьякова, 2013: 233–238]. Это были важнейшие вехи в новейшей истории страны, свидетельствовавшие о процессе глубокого укоренения демократических институтов и ценностей. В то же время принципиальные вопросы, связанные с окончательной оценкой событий 1973–1990 гг., решены не были, и прошлое для части общества стало превращаться в психологический груз, неразрывно связанный с непроработанной «травмой исторической памяти».

Социальная политика демократических правительств

В социальном плане период поставторитарного развития, начавшись с задач преодоления абсолютной бедности в 1990-е, в годы президентств Р. Лагоса и М. Бачелет стал временем формирования долгосрочной стратегии развития общества, реализации масштабных проектов, распространения преимуществ экономического роста на широкие слои населения.

В 2000 г. в бедности жили 20,6% чилийцев (в 1990 г. — 38,6%) [Arenas de Mesa, Gusman Cox, 2003: 132]. Помимо задачи прямого повышения уровня доходов этих слоев на основе адресных денежных пособий и льгот правительство Р. Лагоса поставило цель уменьшить социальную исключенность и смягчить остроту социального неравенства. Основное направление социальной политики стало меняться, ориентируясь на преодоление не только абсолютной (выраженной в минимальном доходе), но и относительной бедности, на изменение самосознания и психологического самочувствия бедных слоев. В 2002 г. была принята масштабная социальная программа «Солидарная Чили», ориентированная на экономическую и психо-социальную поддержку семей по включению их в рынок труда и повышению качества человеческого капитала.

Приоритетная роль в социальной стратегии отводилась образованию. В 2004 г. вступил в силу Закон об обязательном 12-летнем образовании, целью которого было преодолеть неравенство

и сегрегацию первоначально на школьном уровне и повысить образовательный потенциал общества в целом⁸. В 2009 г. первое правительство М. Бачелет приняло новый Закон об образовании, расширивший возможности для молодежи из бедных семей (увеличение стипендий, улучшение инфраструктуры и качества преподавания в муниципальных школах бедных районов). Тем не менее не были ликвидированы ни рыночные принципы, ни неравенство, ни система платного образования. В итоге, несмотря на значительные усилия левоцентристских правительств и специальные программы, средняя школа оказалась не в состоянии прервать «замкнутый круг» социального неравенства, превратиться в действенный социальный лифт для молодежи из бедных слоев. Это стало источником растущего общественного разочарования.

Важнейшими мерами правительства М. Бачелет стали также: принятие в 2008 г. Закона о пенсиях⁹, предусматривающего обязательное минимальное обеспечение («базовую солидарную пенсию») для пожилых людей из уязвимых социальных групп, не имевших личных вкладов в пенсионные фонды; повышение качества первичной медицинской помощи, обеспечение доступности высокотехнологичных медицинских услуг для всех, особенно женщин и детей. В итоге Чили стала страной с одним из самых высоких в регионе показателей по охране здоровья материнства и детства, с очень низкой младенческой смертностью при рождении (в 2008 г. — 7 человек на 1000 родившихся), что было сопоставимо с уровнем развитых государств мира¹⁰.

Благодаря целенаправленным мерам и экономическому росту основная цель социальной политики — поднять уровень жизни широких слоев населения — в значительной степени была достигнута: бедность сократилась в 2009 г. до 11,9%. Это стало впечатляющим результатом по сравнению с 1990 г. и на фоне других латиноамериканских стран¹¹. Тем не менее уровень социального неравенства существенно не уменьшился (коэффициент Джини в 2009 г. состав-

⁸ Lagos R.E. Abrir las puertas. Discursos escogidos: Marzo 2004 – Febrero 2005. T. V. Santiago de Chile: Ed. Gobierno de Chile, 2005. P. 250.

⁹ Ley de Pensión Básica Solidaria № 20.255 de 17 de marzo 2008 // Biblioteca del Congreso Nacional. Available at: <https://www.leychile.cl/Navegar?idNorma=269892> (accessed: 20.06.2013).

¹⁰ Objetivos de desarrollo del Milenio. La progresión hacia el derecho a la salud en América Latina y el Caribe. Santiago de Chile: CEPAL, 2008. P. 41, 51.

¹¹ Panorama social de América Latina 2007. Santiago de Chile: CEPAL, 2008. P. 77.

лял 49). Такие показатели, благополучные для Латинской Америки, в чилийской ситуации стали вызывать большее, чем в предыдущие годы, недовольство широких общественных слоев. Целенаправленная социальная политика сопровождалась не преодолением социальных барьеров, а консервацией отсталости беднейших групп, превратившихся в постоянных реципиентов государственных дотаций [Moulian, 2002].

Наращение политических рисков особенно четко обозначилось в период первого президентства Себастьяна Пиньеры, лидера коалиции правых партий, впервые пришедших к власти в 2010–2014 гг. с программой коррекции избыточно социального, по мнению части общества, курса. Однако неудачный проект реформы образования (2011), нацеленный не на усиление его социальной функции, а на улучшение качества преподавания для ускорения экономического развития и на дифференциацию учащихся «по способностям и результатам», привел к массовому протестному движению молодежи и растущему недовольству стремлением правоцентристов повысить эффективность чилийской экономической модели в ущерб принципам социальной справедливости.

Наращение социально-политических рисков (2014–2018)

Современный этап развития страны связан со вторыми президентскими сроками социалиста М. Бачелет (2014–2018) и правоцентриста С. Пиньеры (с 2018 г.).

Уже в начале своего второго президентства М. Бачелет приступила к проведению масштабной программы социально-политических реформ. Эта программа включала: принятие новой Конституции (вместо действующей 1980 г., «пинчетовской» по происхождению); изменение биномиальной системы выборов в Конгресс на пропорциональную, дающую равные шансы всем партиям; введение бесплатного образования. Реформы провозглашались как окончательное преодоление наследия пинчетизма в политической и социальной сферах, как расширение социальных возможностей для молодежи из бедных семей. Однако реализация самых значимых проектов оказалась связана с огромными трудностями и в итоге привела к разочарованию и углублению идейной поляризации общества.

В 2015 г. было объявлено о начале конституционного процесса, однако завершить его принятием нового основного закона до 2018 г. не удалось. Реформа биномиальной системы выборов в Конгресс

(одобренная в 2015 г.) и переход к пропорциональной электоральной модели привели к увеличению мест в обеих палатах парламента, расширению возможностей для небольших политических партий и блоков. Одновременно начался неизбежный процесс сокращения политического влияния крупнейших партийных коалиций — правоцентристской и левоцентристской [Дьякова, 2018].

Наиболее серьезной социальной реформой из всех заявленных стало кардинальное изменение системы образования: введение бесплатного образования на всех уровнях — от школьного до университетского. Законопроект был одобрен Конгрессом 23 декабря 2015 г. после напряженного обсуждения конкретных механизмов реализации. Если на школьном уровне, где сосуществовали школы разных типов (бесплатные муниципальные, полностью частные и смешанные, финансируемые государством (с помощью специальной субсидии, выплачиваемой на каждого ученика) и семьей), главная задача состояла в том, чтобы обеспечить принцип бесплатности и доступности, прекратить «конкурсный отбор» в хорошие школы и родительские доплаты, то ситуация с высшим образованием была значительно более сложной [Дьякова, 2016]. Все вузы страны, представленные как частными, так и государственными университетами, были платными. В условиях ухудшения экономической ситуации в Чили принцип бесплатности на первом этапе предполагалось распространить не на всех, а только на 70% поступающих учиться молодых людей из наименее обеспеченных слоев общества (в 2017 г. их число составило 257 тыс. человек)¹². Для финансирования программы была проведена налоговая реформа, увеличившая налоги на крупный бизнес (с 20 до 27%).

Настаивая на поэтапности изменений, правительство выступило за сохранение существующей дифференцированной системы стипендий и образовательных кредитов (условия выплаты которых стали максимально льготными). Однако отсутствие принципа универсальности в получении бесплатного университетского образования, незавершенность и сложность проекта, с которым было связано столько надежд, вызвали разочарование молодежи и массовые студенческие протесты в Сантьяго и других крупных городах. Деятельность правительства к 2018 г. стала объектом постоянной жесткой критики. Правые упрекали президента и ее команду в не-

¹² Mensaje presidencial 1 de junio de 2017 // Ministerio de Educación. Available at: <http://mensajepresidencial.gob.cl/> (accessed: 10.08.2017).

простительном популизме, левые, особенно молодые коммунисты (Коммунистическая партия, Partido Comunista, РС, была включена в 2013 г. в левоцентристскую коалицию), считали, что изменения происходят слишком медленно.

Таким образом, кардинальные реформы, начатые М. Бачелет, ускорили социально-политические процессы и обострили противоречия, назревавшие на протяжении всего последнего десятилетия. Усилились идеологические расхождения внутри самих левоцентристов: между христианскими демократами, по ряду вопросов открыто поддерживавшими правых, и стремительно радикализировавшимся левым флангом. Впервые за все время своего существования левоцентристская коалиция не смогла предложить единого кандидата на выборах 2017 г., что фактически означало ее распад (который формально был объявлен уже после голосования).

Однако самым опасным политическим итогом второго президентства М. Бачелет стало растущее разочарование в возможностях демократической власти кардинально сократить социальное неравенство. При относительно низких показателях бедности (8,6%) разрыв в распределении доходов оставался высоким: в 2017 г. 50% бедных домохозяйств владели 2,1% национального дохода, а 10% наиболее богатых — 66,5%¹³. Это свидетельствовало о невозможности реализовать идеалы социальной справедливости, стремительно распространявшиеся в близкой к левой политической культуре молодежной среде.

В 2016 г. на левом фланге возникло радикальное объединение под названием Широкий фронт (Frente Amplio, FA), в состав которого вошли небольшие партии (в том числе студенческие и региональные), не находившие отражения своих идей в политике правящей левоцентристской коалиции и выступившие с критикой ее «устаревших» принципов. Идеология FA представляла собой пестрое соединение антикапиталистических взглядов и «демократии участия», а его лидеры (среди которых было много фигур молодежного студенческого движения) заявляли о своей приверженности социалистическим ценностям и необходимости кардинального пересмотра неолиберальных основ чилийской экономики.

Эффект неоправданности массовых социальных ожиданий привел к стремительной радикализации политической жизни, росту

¹³ Panorama social de América Latina 2018. Santiago de Chile: CEPAL, 2019. P. 62.

протестных настроений, появлению новых политических движений и фигур. Это особенно наглядно продемонстрировала электоральная кампания 2017 г. Несмотря на то что в результате второго тура (17 декабря 2017 г.) президентом был избран С. Пиньера, лидер правоцентристской коалиции, получивший 54,57% голосов¹⁴, в первом туре, состоявшемся 19 ноября, 28% голосов избирателей было отдано за крайних радикалов — левых или правых [Дьякова, 2018].

Кандидат Широкого фронта, известная журналистка Беатрис Санчес, заявлявшая о необходимости большей социальной солидарности, реального гендерного равенства, кардинальной реформы пенсионной системы, набрала 20,3% голосов, что стало безусловным успехом нового левого движения. Вместе с тем независимый ультраправый кандидат Хосе Антонио Каст, пиночетист, сторонник консервативной идеологии, получил 7,9% голосов¹⁵. В этих цифрах отчетливо проявились общественное разочарование в ценностях идеологического центризма, тенденция к критическому пересмотру всех его постулатов, поиску альтернативных вариантов развития. Однако ни новое умеренно-технократическое правительство, ориентированное на «осторожный реформизм», ни лидерский стиль избранного президента не могли соответствовать этим вызовам [Дьякова, 2019a].

Основой программы правых было повышение эффективности экономического развития — ускорение темпов роста (который в 2018 г., по оценкам МВФ, составил 3,8% — самый высокий результат с 2013 г.)¹⁶. В социальной сфере предполагались умеренная коррекция масштабных реформ М. Бачелет и продолжение начатых предшественниками и рассчитанных на несколько лет поступательной работы долгосрочных программ в отношении семьи, детей, пенсионеров.

С самого начала деятельности правоцентристского правительства практически все его инициативы блокировались на этапе обсуждения в Палате депутатов из-за непримиримой позиции леворадикальных партий, представленных коммунистами и FA¹⁷.

¹⁴ Elección de Presidente 2017 // Servicio regional // La Tercera. Available at: <http://www.servelecciones.cl/> (accessed: 20.11.2017).

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Chile vuelve liderar crecimiento económico regional // La Tercera. Available at: <https://www.latercera.com/pulso/noticia/chile-vuelve-liderar-crecimiento-economico-regional-tras-siete-anos-espera/288888/> (accessed: 31.01.2019).

¹⁷ Elección de Diputados 2017 // Servicio Electoral. Available at: <http://www.servelecciones.cl/> (accessed: 20.11.2017).

Правящая коалиция, получив 72 мандата из 155, рассчитывала на сотрудничество с умеренной частью оппозиции. Налоговая реформа, которую с трудом удалось провести через Палату депутатов, нацеленная на максимальное привлечение инвестиций, льготы для малого и среднего бизнеса, вызвала острую критику левых политиков. Пенсионная реформа, предложенная правительством на фоне старения населения, ухудшения экономической ситуации и основанная на сочетании рыночных инструментов (индивидуальных отчислений) с увеличением доли «базовых солидарных» выплат, была отклонена оппозицией как неоправданное применение неолиберального подхода¹⁸.

В сфере образования новый кабинет предложил вернуть право отдельных школ проводить вступительные тесты и создать сеть специальных лицеев высокого уровня подготовки, обучение в которых было бы бесплатным¹⁹. Правительство стремилось усилить качество среднего специального образования, а не только обеспечить его доступность. Законопроект вызвал жесткую критику Палаты депутатов за нарушения принципов равенства и не был одобрен.

Не меньшие сложности были связаны с «индейским вопросом» и эскалацией протестного движения индейцев-мапуче, требовавших вернуть индейским общинам их исторические земли, занятые лесозаготовительными предприятиями. Это движение, развивавшееся давно и наиболее активное в регионе Араукания, к 2018 г. приобрело насильственный характер (включая поджоги, грабежи, нападения на полицейских). «План Араукания»²⁰, выдвинутый С. Пиньерой и основанный на привлечении инвестиций в экономику и социальную сферу проблемного региона, не привел к прорыву в разрешении конфликта, а трагическое убийство одного из активистов-мапуче в 2018 г. только усилило радикально-протестные настроения.

В контексте нараставшего недовольства различных социальных групп реформистская стратегия С. Пиньеры вызывала всё большее раздражение. Левоориентированная часть общества, особенно молодежь, стремилась к решительным действиям и быстрым результатам.

¹⁸ Reforma a pensiones: el rompecabezas de las jubilaciones en Chile. Available at: <https://www.diarioconcepcion.cl/economia-y-negocios/2018/11/11/reforma-a-pensiones-el-rompecabezas-de-las-jubilaciones-en-chile.html> (accessed: 07.02.2019).

¹⁹ Larraín L. Admisión Justa // El Libero. Available at: <https://ellibero.cl/opinion/luis-larrain-admision-justa/> (accessed: 27.01.2019).

²⁰ Acuerdo Nacional por el Desarrollo y la Paz en La Araucanía // Gobierno de Chile. Available at: <https://www.gob.cl/acuerdoporlaaraucania/> (accessed: 10.08.2019).

Массовое протестное движение 2019 г. Власть и общество в поисках выхода

Поводом для начала массового протестного движения стало повышение платы за проезд в метро, которое было анонсировано правительством 6 октября 2019 г. (с 800 до 830 песо). Система оплаты в чилийском метро очень дифференцирована и предусматривает льготы для пенсионеров, студентов и школьников, которые никто не собирался отменять; тем не менее средняя оплата проезда должна была возрасти до 40 долл. в месяц, что стало бы серьезной нагрузкой для бедных семей.

Решение правительства уже 7 октября 2019 г. вызвало разрозненные протесты школьников и студентов, которым власти первоначально не придали особого значения: молодежные уличные демонстрации за последние годы стали привычной частью жизни. К 17–18 октября отдельные беспорядки переросли в массовое протестное движение, которое вышло из-под контроля карабинеров, сопровождалось поджогами магазинов, отелей, банков и применением насилия с обеих сторон. В итоге в Сантьяго возник транспортный коллапс, были разгромлены 77 из 136 станций метро, 9 из них сгорели полностью.

С 19 по 28 октября президент ввел чрезвычайное положение и комендантский час в столице, затем в 15 из 16 регионов страны; на улицы для контроля за ситуацией были выведены войска, что стало беспрецедентным случаем с 1990 г. Столкновения с полицией и военными привели к человеческим потерям с обеих сторон. За время острой фазы конфликта (к середине ноября 2019 г.) погибли 25 человек, были ранены около 2400, более 4000 человек задержаны.

Характерной чертой нового протестного движения стала не только его крайняя ожесточенность, но и то, что оно было организовано с помощью социальных сетей: никто, в том числе и оппозиционные леворадикальные партии, первоначально не руководил процессом. Требования протестующих носили ярко выраженный социальный характер: кардинальное сокращение социального неравенства, повышение зарплат, справедливая пенсионная система, доступные и качественные здравоохранение и образование, а также немедленное принятие новой Конституции (вопрос об оплате метро быстро отошел на задний план). Ни власть, ни даже оппозиция не смогли сразу оценить весь масштаб протестов: ультралевые силы его поддерживали, не взяв на себя основную ответственность за организацию; уме-

ренные призвали остановить насилие; президент и правительство оказались не готовы к быстрой реакции.

23 октября 2019 г. С. Пиньера выступил с заявлением, которое стало признанием вины и ответственности власти как за сложившуюся ситуацию, так и за накопленные десятилетиями проблемы и получило в прессе название «Mea culpa»: «Я это признаю и прошу прощения», — сказал президент²¹. Одновременно были отправлены в отставку 8 ключевых фигур из 16 министров правительства (в том числе экономики, финансов, а также соратник С. Пиньеры министр внутренних дел Андрес Чадвик, в отношении которого было начато расследование за нарушения гражданских прав).

В эти же дни правительство приняло «Новую социальную повестку», в которой объявлялась немедленная реализация ряда значительных социальных мер: повышение на 15% минимальной заработной платы, увеличение на 20% «солидарных» пенсий, переход к реформе здравоохранения, перераспределение доходов между богатыми и бедными муниципалитетами, увеличение налогов на представителей наиболее богатого слоя общества. Повышение платы за проезд в метро было отменено.

Помимо публичного признания ответственности власти президент призвал к диалогу оппозицию. Первая встреча состоялась 22 октября, но участие в ней приняли только умеренные левоцентристы. Остальные (социалисты, коммунисты и лидеры FA) это приглашение отклонили.

Стремление правительства найти быстрый выход из ситуации не имело эффекта: 25 октября 2019 г. состоялась самая многочисленная в истории Чили манифестация, только в Сантьяго собравшая 1 млн 200 тыс. человек (при населении города 7 млн). Чилийцы протестовали во всех городах страны (особенно массово — в Вальпараисо, Мауле и Консепсьоне). В период с 18 октября по 10 ноября, по оценкам полиции, в уличных маршах приняли участие более 3,715 млн человек²². Активную роль в развитии протестных акций играли организации индейцев-мапуче.

Радикализация протестного движения, нарастание насилия и отсутствие сигналов о его смягчении вынудили левую оппозицию

²¹ Piñera pide perdón y anuncia paquete de medidas para frenar la crisis // La Tercera. Available at: <https://www.latercera.com/nacional/noticia/> (accessed: 05.11.2019).

²² Carabineros estima 3,7 millones de asistentes a manifestaciones en 24 días // La Tercera. Available at: <https://www.latercera.com/nacional/noticia/carabineros-estima-37-millones-asistentes-manifestaciones-24-dias/896954/> (accessed: 12.11.2019).

принять приглашение правительства на вторую встречу, организованную новым министром внутренних дел Гонсало Блумелем 31 октября. Участие в ней приняли представители практически всех оппозиционных сил, за исключением коммунистов и двух небольших партий, входящих в состав наиболее непримиримого ФА²³. Одновременно проявилась нацеленность оппозиции, несмотря на расхождения по многим вопросам, прекратить насилие, о чем заявляли в своих интервью не только видные социалисты (Р. Лагос, М. Бачелет, Серхио Битар и др.) и христианские демократы, но даже лидер ФА Б. Санчес. Поддержав социальный протест, она осудила насилие и отказалась считать свое движение организатором событий. Несмотря на то что радикальные политики на левом фланге требовали немедленной отставки действующего президента, настроения значительной части оппозиции свидетельствовали о наличии и другой тенденции — нацеленности на поиск компромисса между наиболее влиятельными политическими силами.

10 ноября 2019 г. президент объявил о начале конституционного процесса по разработке и безотлагательному принятию новой Конституции страны. Нерешенным оставался вопрос о том, в какой форме будет приниматься основной закон — в рамках «смешанного» Конвента (50% членов — из состава Конгресса, 50% — избираются прямым голосованием) или Конституционной ассамблеи (100% членов должны быть избраны). Мнения оппозиции в данном случае также разделились: «умеренные» высказались за вариант «смешанного» Конвента, «непримиримые» — за Конституционную ассамблею, предполагающую непосредственное участие граждан.

12 ноября в поддержку Конституционной ассамблеи по призыву ФА и коммунистов, профсоюзов и организаций гражданского общества была проведена Всеобщая национальная забастовка, к которой подключились госслужащие, работники здравоохранения, образования, торговли, морских портов, горнодобывающей и строительной отраслей и впервые за все время протестов — сотрудники аэропорта Сантьяго²⁴. Основное требование состояло в кардинальном пере-

²³ La compleja articulación que busca la oposición en medio de la crisis que incluye desde la DC hasta el FA // El Libero. Available at: https://ellibero.cl/actualidad/la-compleja-articulacion-que-busca-la-oposicion-en-medio-de-la-crisis-que-incluye-desde-la-dc-hasta-el-fa/?mc_cid=891535c61c&mc_eid=3ff5671c12 (accessed: 12.11.2019).

²⁴ Paro nacional en Chile en demanda de Asamblea Constituyente // Excelsior. Available at: <https://www.excelsior.com.mx/global/paro-nacional-en-chile-en-demanda-de-asamblea-constituyente/1347245> (accessed: 14.11.2019).

смотре всей модели экономического развития страны. Забастовка сопровождалась массовыми маршами в крупнейших городах.

Кроме человеческой и политической составляющих протесты имели и высокую экономическую цену: экономический рост по результатам 2019 г. был понижен экспертами до 2,0% (вместо 3,0%), рост инвестиций, ожидавшийся на уровне 4%, упал к концу года до 1,5% и прогнозируется (при самой благоприятной ситуации) не более 2,5% в 2020 г.²⁵ Общий ущерб, по данным Министерства финансов Чили, составил не менее 4,5 млрд долл. (в том числе не менее 380 млн долл. потребует ремонт станций метро)²⁶. Были отменены саммит АТЭС в Сантьяго и климатический саммит ООН, запланированные на ноябрь и декабрь 2019 г. (что повлияло и на туристическую отрасль — одну из важнейших в экономике страны). В ноябре упал курс чилийского песо по отношению к доллару, снизившись до минимума своих многолетних значений. Малый и средний бизнес потерял, по приблизительным подсчетам, 150 тыс. рабочих мест. Но монетизировать основной ущерб только в цифрах оказалось сложно: он состоял в значительных имиджевых потерях страны на международной арене, в стремительном падении всех индикаторов национального благополучия, опирающегося на стабильность экономики и предсказуемость политики.

Реакция президента и правительства в ходе кризиса вызывала противоречивые оценки в обществе, но общий фон, несмотря на различия политических позиций, оставался негативным. На левом фланге правительство и лично С. Пиньеру упрекали в неоправданном использовании армии на улицах города, на правом — осуждали за недостаточную решимость в наведении порядка. Умеренная часть настаивала на необходимости переговоров, конструктивном поиске компромисса, но все предлагаемые «сверху» шаги на низовом уровне встречали либо неприятие, либо стремление увеличить уступки. По мере развития конфликта все сильнее обесценивались политические заявления и действия власти. Рейтинг поддержки президента в ноябре упал до 14%, стал очевидным факт глубокого недовольства

²⁵ Expertos consultados por el Banco Central aplican fuerte corrección a cálculo de crecimiento del PIB 2019, 2020 y 2021 // La Tercera. Available at: <https://www.latercera.com/pulso/noticia/expertos-consultados-por-el-banco-central-aplican-fuerte-correccion-a-calculo-de-crecimiento-del-pib-en-2019-y-2020/897247/> (accessed: 12.11.2019).

²⁶ ¿Cuánto les costará a los chilenos los daños de las protestas? // Panama Post. Available at: <https://es.panamapost.com/mamela-fiallo/2019/11/19/chilenos-danos-protestas/> (accessed: 19.01.2020).

его правлением, а в отдельные моменты — и его несоответствия сложившейся ситуации как лидера.

После общенациональной забастовки 12 ноября С. Пиньера выступил с обращением к нации, заявив о необходимости «трех национальных соглашений: о мире, социальной справедливости и Конституции»²⁷. 15 ноября 2019 г. все политические партии (входившие в правящую коалицию и оппозиционные, за исключением коммунистов и одной из партий FA) подписали соглашение «За мир и новую Конституцию»²⁸ о проведении 26 апреля 2020 г. общенационального плебисцита по основному политическому вопросу в стране — о принятии новой Конституции («одобряю» или «отказываюсь») и формах реализации конституционного процесса (Конвент или ассамблея).

Этот шаг стал проявлением характерной ключевой особенности политической культуры Чили — стремления партий договариваться и заключать соглашения, направленные на реализацию общенациональных интересов. В то же время компромисс 15 ноября 2019 г. только наметил путь выхода из конфликта, но не гарантировал его успех. Начался кризис в рядах FA, из состава которого вышли три партии, несогласные с позицией руководства; это усилило поляризацию внутри самих левых сил, привело к выделению еще более радикального крыла, нацеленного на продолжение жесткой протестной линии и отказ от любых переговоров с правительством вместе с требованием отставки действующего президента. 9 марта 2020 г. ни коммунисты, ни представители FA не пришли на встречу, организованную президентами Сената и Палаты депутатов для подтверждения всеми политическими партиями мирного курса накануне общенационального плебисцита²⁹. Вместе с тем более выраженной стала позиция «умеренных», центристских сил (христианских демократов, части социалистов, ряда правых), стремившихся к прекращению насилия и практики массовых мобилизаций. Внутри правых партий обозначились как противники, так и сторонники одобрения

²⁷ El día en que el gobierno se reencontró consigo mismo // El Libero. Available at: https://ellibero.cl/actualidad/el-dia-en-que-el-gobierno-se-reencontro-consigo-mismo/?mc_cid=8b868063a6&mc_eid=3ff5671c12 (accessed: 14.11.2019).

²⁸ Firman Acuerdo por la Paz Social y Nueva Constitución. Available at: https://www.camara.cl/prensa/noticias_detalle.aspx?prmId=138442 (accessed: 16.11.2019).

²⁹ El duro golpe de un sector de la oposición al itinerario democrático para resolver la crisis // El Libero. Available at: https://ellibero.cl/actualidad/el-duro-golpe-de-un-sector-de-la-oposicion-al-itinerario-democratico-para-resolver-la-crisis/?mc_cid=2d57e77d08&mc_eid=3ff5671c12 (accessed: 12.03.2020).

новой Конституции и все отчетливее стали звучать голоса тех, кто готов был принять любой выбор народа, считая это неотъемлемой частью демократического процесса³⁰. Не было однозначных оценок и в отношении досрочного прекращения полномочий С. Пиньеры.

В преддверии голосования 26 апреля 2020 г. на фоне развернувшихся общественных дискуссий (на телевидении, в СМИ, в организациях гражданского общества и местных советах — *cabildos*) продолжение протестных действий, сопряженных с насилием, стало особенно опасным. Это вредило и массовой агитационной кампании в поддержку решения «одобряю». В январе радикальная молодежная организация, объединяющая старшеклассников, попыталась сорвать проведение единого общенационального экзамена для поступления в университеты (в ряде школ страны этот экзамен пришлось повторять)³¹. В начале марта вновь усилились молодежные протестные акции под лозунгами «Пиньера, вон!», произошли насильственные столкновения с полицией.

11 марта 2020 г. Чили должна была праздновать 30-летие перехода к демократии (в этот день в 1990 г. А. Пиночет официально сложил с себя полномочия главы государства). Тем не менее это важнейшее событие было отмечено предельно сдержанно: радикальное протестное движение последних месяцев обесценило в глазах широких слоев общества 30 лет последовательного демократического развития, нивелировало все политические достижения, в том числе наиболее принципиальное — сам факт мирного перехода к демократии. Что привело страну к такой фундаментальной переоценке ценностей?

Очевидно, что чилийские протесты были обусловлены не отдельными непопулярными мерами правительства, а глубокими внутренними процессами социально-политического характера. Эти процессы во многом стали оборотной стороной чилийской модели эффективного экономического развития и масштабной социальной политики, которая вывела из абсолютной бедности практически половину населения страны, но не привела к кардинальному сокращению социального неравенства. Возник «новый средний класс», не ощущавший уверенности в завтрашнем дне, но чувствительный

³⁰ La campaña del terror ante un eventual triunfo del 'Rechazo' en el plebiscito de abril // El Libero. Available at: <https://ellibero.cl/actualidad/la-campana-del-terror-ante-un-eventual-triunfo-del-no-en-el-plebiscito-de-abril/> (accessed: 12.01.2020).

³¹ PSU: cinco historias de una jornada turbulenta // La Tercera. Available at: www.latercera.com/ <https://www.latercera.com/nacional/noticia/psu-cinco-historias-una-jornada-turbulenta/963955/> (accessed: 17.01.2020).

к сохранению социальных барьеров, к низкому качеству доступных ему услуг, к рискам экономического кризиса.

Предшествующее правительство М. Бачелет, начав кардинальные реформы, породило массовые социальные ожидания молодежи, но оказалось не в состоянии их удовлетворить, что создало тот эмоциональный фон, на котором и развернулось современное протестное движение. Социальное неравенство, не преодоленное за годы демократического развития, и недостаточность результатов реализованных социальных программ вызвали глубокое общественное разочарование. Выбор в пользу повышения эффективности экономической модели и ускорения темпов экономического роста, который сделала часть общества в 2017 г., отдав свои голоса за С. Пиньеру, стал катализатором, ускорившим рост массового недовольства. Первый этап деятельности технократического по стилю и умеренно-неолиберального по сути правительства многократно усилил эти настроения. Сыграла свою роль и очередная годовщина 11 сентября, обострившая «травму памяти», но сдержанно отмеченная властью. Активная и жесткая леворадикальная оппозиция, представленная новыми силами, поддержала начавшееся движение, быстро перешедшее в неконтролируемый и насильственный социальный протест.

Таким образом, чилийская общественно-политическая модель, основанная на серии компромиссов элит и принципах экономической эффективности, спустя 30 лет оказалась перед серьезными рисками внутреннего характера, перед необходимостью глубокой коррекции стратегии развития с учетом ценностей социальной справедливости и массовых общественных ожиданий.

В какой мере этот противоречивый, драматический этап, переживаемый Чили, соответствует фундаментальной логике демократического развития? По мнению крупнейших теоретиков, политическая практика демократии, включающая неопределенность, кризисы, перерывы стабильности, нарастание противоречий, предполагает и постоянное совершенствование реальных моделей, поиск ответов на новые вызовы и критические ситуации [Dahl, 1989; Diamond, 2015; Plattner, 2015]. Шанс перейти на этот уровень есть и у Чили.

Сегодня будущее страны зависит от соединения многих условий: от способности президента и правящей коалиции к преодолению самого глубокого политического кризиса за последние 30 лет и готовности всех политических сил к соблюдению заключенного многостороннего компромисса; от того, насколько этот компромисс отражает настроения широких социальных слоев; насколько наибо-

лее активные и молодые общественные силы стремятся к мирному исходу и ценят его преимущества; насколько способны смягчить свою непримиримую позицию ультрарадикальные группы. Непредвиденным и непреодолимым обстоятельством стала эпидемия COVID-19, в результате которой плебисцит, назначенный на 26 апреля, был перенесен на 25 октября 2020 г.

Несмотря на все препятствия и проблемы, ряд факторов — принятие новой «социальной повестки», начало конституционного процесса и открытого диалога с обществом, заключение политического договора, основанного на общем стремлении к прекращению насилия, — позволяют предположить, что независимо от конкретных обстоятельств и судьбы действующего кабинета выход из кризиса все-таки будет реализован на основе демократического, правового пути, по которому страна следовала последние 30 лет своего развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богуш Е.Ю., Щелчков А.А. Политическая история Чили XX века. М.: Высшая школа, 2009.
2. Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2010.
3. Дьякова Л.В. Историческая память и политическая поляризация в Чили // Латинская Америка. 2019. № 12. С. 61–73. DOI: 10.31857/S0044748X0007341-4.
4. Дьякова Л.В. Медленный реформизм Себастьяна Пиньеры // Латинская Америка. 2019. № 5. С. 6–30. DOI:10.31857/S0044748X0004715-5.
5. Дьякова Л.В. Чили: на трудном пути демократии // Латинская Америка. 2016. № 5. С. 52–62.
6. Дьякова Л.В. Чили: ревизия старых компромиссов // Латинская Америка. 2018. № 2. С. 5–15.
7. Дьякова Л.В. Чилийская демократия: преемственность и перемены. М.: ИЛА РАН, 2013.
8. Липсет С.М. Третьего пути не существует. Перспективы левых движений // Полис. Политические исследования. 1991. № 5. С. 15–32.
9. Липсет С.М. Третьего пути не существует. Перспективы левых движений // Полис. Политические исследования. 1991. № 6. С. 19–39.
10. Лукин А.В. Возможна ли другая демократия? // Полис. Политические исследования. 2014. № 1. С. 10–27.
11. Лэйн Д. Мираж демократии // Полис. Политические исследования. 2014. № 6. С. 127–148.
12. Мартыанов В.С., Фишман Л.Г. Преодоление капитализма: от морального коллапса к моральной революции? // Полис. Политические исследования. 2012. № 1. С. 63–75.

13. Семененко И.С. «Человек политический» перед альтернативами общественных трансформаций: опыт переосмысления индивидуального измерения политики // Полис. Политические исследования. 2012. № 6. С. 9–26.
14. Симонова Л.Н. Финансовая либерализация: чилийский вариант. М.: ИЛА РАН, 2003.
15. Arenas de Mesa A., Gusman Cox J. Política fiscal y protección social en Chile // Revista de la CEPAL. 2003. No. 81. P. 123–141.
16. Barton J.R. State Continuismo and Pinochetismo: The keys to the Chilean transition // Bulletin of Latin American Research. 2002. Vol. 21. No. 3. P. 358–374. DOI: <https://doi.org/10.1111/1470-9856.00048>.
17. Dahl R.A. Democracy and its critics. New Haven: Yale University Press, 1989.
18. Diamond L. Facing up to the democratic recession // Journal of Democracy. 2015. Vol. 26. No. 1. P. 141–155. DOI: 10.1353/job.2015.0009.
19. Drake P., Jaksic I. El ‘modelo’ chileno. Democracia y desarrollo en los noventa // El modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa / Ed. by P. Drake, I. Jaksic. Santiago de Chile: LOM, 2002. P. 11–38.
20. El Chile que se viene. Ideas, miradas, perspectivas y sueños para el 2030 / Ed. by R.E. Lagos, O.M. Landerretche. Santiago de Chile: Ed. Catalonia, 2011.
21. Escalona C. Chile, 20 años después. 1988–2008. Santiago: Diagrama, 2008.
22. Fontaine Aldunate A. Los economistas y el Presidente Pinochet. Santiago de Chile: Zig-Zag, 1988.
23. Fukuyama F. Dealing with inequality // Journal of Democracy. 2001. Vol. 22. No. 3. P. 79–89.
24. Garretón M.A. La posibilidad democrática en Chile. Santiago de Chile: FLACSO, 1989.
25. Gómez Leyton J.C. Chile 1990–2007. Una sociedad neoliberal avanzada // Chile Hoy. Revista de Sociología. 2007. No. 21. P. 57–59. DOI: 10.5354/0719-529X.2007.27517.
26. Huneeus C. El gobierno de Michelle Bachelet a mitad de camino // Anuario Iberoamericano / Ed. by C. Malamud, P. Isbell, C. Tejedor. Madrid: Real Instituto Elcano-EFE, 2008. P. 77–95.
27. Lagos M. Una prosperidad no democrática // Chile Hoy. Revista de Sociología. 2007. No. 21. P. 139–163.
28. Mainwaring S. Transitions to democracy and democratic consolidation: Theoretical and comparative issues. Working Paper of Kellogg Institute, 1989. No. 130. Available at: https://kellogg.nd.edu/sites/default/files/old_files/documents/130_0.pdf (accessed: 09.11.2018).
29. Morandé F. Del trauma a la serenidad: veinte años de evolución económica y política en Chile. Buenos Aires: CIEDLA, 1993.
30. Moulían T. Chile actual: anatomía de un mito. Santiago de Chile: LOM, 2002.

31. Navia P. Autoridad moral de Bachelet. Available at: <http://www.infolatam.com/2015/03/22/> (accessed: 15.04.2015).
32. O'Donnell G., Shmitter P.C. Transitions from the authoritarian rule. Tentative conclusions about uncertain democracies. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 2013.
33. Peña Gonzalez C. Chile actual: el proyecto político de la Concertación // Chile Hoy. Revista de Sociología. 2007. No. 21. P. 33–45. DOI: 10.5354/0719-529X.2007.27515.
34. Plattner M.F. Is democracy in decline? // Journal of Democracy. 2015. Vol. 26. No. 1. P. 5–10.
35. Rivas P. Chile, un largo septiembre. Santiago de Chile: LOM, 2007.
36. Siavelis P.M. Continuidad y transformación del sistema de partidos en una transición ‘modelo’ // El ‘modelo’ chileno: democracia y desarrollo en los noventa / Ed. by P. Drake, I. Jaksic. Santiago de Chile: LOM, 2002. P. 223–239.
37. Silva P. Searching for civilian supremacy: The concertacion governments and the military in Chile // Bulletin of Latin American Research. 2002. Vol. 21. No. 3. P. 375–396.
38. Sniderman P.M., Highton B. Facing the challenge of democracy: Explorations in the analysis of public opinion and political participation. Princeton: Princeton University Press, 2011.
39. Valenzuela A., Dammert L. Problems of success in Chile // Journal of Democracy. 2006. Vol. 17. No 4. P. 65–79.
40. Vasconi A.T., Arancibia S. Chile: economía y política (1983–1986). La Habana: CEA, 1988.
41. Vergara Estévez J. La ‘democracia protegida’ en Chile // Chile Hoy. Revista de Sociología. 2007. No. 21. P. 45–52.

L.V. Diyakova

THE CHILEAN MODEL CONFRONTING EXPECTATIONS OF SOCIAL JUSTICE

*Institute of Latin American Studies,
Russian Academy of Sciences
21/16 Bolshaya Ordynka Str., Moscow, 115035*

The Chilean development model by objective parameters is a combination of a developed democracy, a targeted social policy, and an effective, competitive economy. However, the protest movement that began in October 2019, which included both peaceful and violent actions, was directed not only against the center-right government of Sebastian Pinera (2018–2022), but also against the entire system as a whole. This movement demonstrated the disillusionment and dissatisfaction of the broad social strata with the

results of political and social development and indicated the beginning of a protracted, intractable crisis.

The fundamental reason for the protests was a deep contradiction between economic efficiency and social justice, laid down during the neoliberal modernization of Augusto Pinochet (1973–1990), and not overcome during the 30 years of democratic development, despite a large-scale social policy. The system of ‘elite compromises’, which provided a political basis for the transition from authoritarianism to democracy, also became an object of harsh criticism.

The paper shows the specifics of the Chilean model in historical retrospect, identifies contradictions and issues that have triggered a socio-political conflict, particularly the rise of mass social expectations, strengthened by the reforms of the second government of M. Bachelet (2014–2018), and considers the features of the current crisis.

Keywords: Chile, protests, neoliberal reforms, the model of elite compromises, social justice, Sebastian Pinera, Michelle Bachelet.

About the author: *Lyudmila V. Diyakova* — Doctor of Sciences (Political Science), Leading Research Fellow at the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: diakova65@mail.ru).

REFERENCES

1. Bogush E.Yu., Shchelchikov A.A. 2009. *Politicheskaya istoriya Chili XX veka* [Political history of twentieth-century Chile]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. (In Russ.)
2. Dzolo D. 2010. *Demokratiya i slozhnost'. Realisticheskii podkhod* [Democracy and complexity. A realist approach]. Moscow, SU-HSE Publ. (In Russ.)
3. Diyakova L.V. 2019a. Istoricheskaya pamyat' i politicheskaya polarizatsiya v Chili [Historical memory and political polarization in Chile]. *Latinskaya Amerika*, no. 12, pp. 61–73. DOI: 10.31857/S0044748X0007341-4. (In Russ.)
4. Diyakova L.V. 2019b. Medlennyi reformizm Sebast'yana Pin'ery [The slow reformism of Sebastian Piñera]. *Latinskaya Amerika*, no. 5, pp. 6–30. DOI:10.31857/S0044748X0004715-5. (In Russ.)
5. Diyakova L.V. 2016. Chili na trudnom puti demokratii [Chile on the hard way of democracy]. *Latinskaya Amerika*, no. 5, pp. 52–62. (In Russ.)
6. Diyakova L.V. 2018. Chili: reviziya starykh kompromissov [Chile: Revision of old compromises]. *Latinskaya Amerika*, no. 2, pp. 5–15. (In Russ.)
7. Diyakova L.V. 2013. *Chiliiskaya demokratiya: preemstvennost' i peremeny* [The Chilean democracy: Continuity and change]. Moscow, ILA RAS Publ. (In Russ.)
8. Lipset S.M. 1991a. Tre't'ego puti ne sushchestvuet. Perspektivy levyykh dvizhenii [There is no third way. Perspectives of left-wing movements]. *Polis. Political Studies*, no. 5, pp. 15–32. (In Russ.)

9. Lipset S.M. 1991b. Tret'ego puti ne sushchestvuet. Perspektivy levyykh dvizhenii [There is no third way. Perspectives of left-wing movements]. *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 19–39. (In Russ.)
10. Lukin A.V. 2014. Vozmozhna li drugaya demokratiya? [Is another democracy possible?]. *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 10–27. (In Russ.)
11. Lain D. 2014. Mirazh demokratii [The mirage of democracy]. *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 127–148. (In Russ.)
12. Mart'yanov V.S., Fishman L.G. 2012. Preodolenie kapitalizma: ot moral'nogo kollapsa k moral'noi revolyutsii? [Overcoming capitalism: From moral collapse to moral revolution?]. *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 63–75. (In Russ.)
13. Semenenko I.S. 2012. 'Chelovek politicheskii' pered al'ternativami obshchestvennykh transformatsii: opyt pereosmysleniya individual'nogo izmereniya politiki [The 'political man' before alternatives of social transformations: Experience of rethinking the individual dimension of politics]. *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 9–26. (In Russ.)
14. Simonova L.N. 2003. *Finansovaya liberalizatsiya: chiliiskii variant* [Financial liberalization: The Chilean version]. Moscow, ILA RAS Publ. (In Russ.)
15. Arenas de Mesa A., Gusman Cox J. 2003. Política fiscal y protección social en Chile. *Revista de la CEPAL*, no. 81, pp. 123–141.
16. Barton J.R. 2002. State Continuismo and Pinochetismo: The keys to the Chilean transition. *Bulletin of Latin American Research*, vol. 21, no. 3, pp. 358–374. DOI: 10.1111/1470-9856.00048.
17. Dahl R.A. 1989. *Democracy and its critics*. New Haven, Yale University Press.
18. Diamond L. 2015. Facing up to the democratic recession. *Journal of Democracy*, vol. 26, no. 1, pp. 141–155. DOI: 10.1353/job.2015.0009.
19. Drake P., Jaksic I. 2002. El 'modelo' chileno. Democracia y desarrollo en los noventa. In Drake P., Jaksic I. (eds.). *El 'modelo' chileno: democracia y desarrollo en los noventa*. Santiago de Chile, LOM, pp. 11–38.
20. Lagos R.E., Landerretche O.M. (eds.). 2011. *El Chile que se viene. Ideas, miradas, perspectivas y sueños para el 2030*. Santiago de Chile, Ed. Catalonia.
21. Escalona C. 2008. *Chile, 20 años después. 1988–2008*. Santiago, Diagrama.
22. Fontaine Aldunate A. 1988. *Los economistas y el Presidente Pinochet*. Santiago de Chile, Zig-Zag.
23. Fukuyama F. 2001. Dealing with inequality. *Journal of Democracy*, vol. 22, no. 3, pp. 79–89.
24. Garretón M.A. 1989. *La posibilidad democrática en Chile*. Santiago de Chile, FLACSO.
25. Gómez Leyton J.C. 2007. Chile 1990–2007. Una sociedad neoliberal avanzada. *Chile Hoy. Revista de Sociología*, no. 21, pp. 57–59. DOI: 10.5354/0719-529X.2007.27517.

26. Huneus C. 2008. El gobierno de Michelle Bachelet a mitad de camino. In Malamud C., Isbell P., Tejedor C. (eds). *Anuario Iberoamericano*. Madrid, Real Instituto Elcano-EFE, pp. 77–95.
27. Lagos M. 2007. Una prosperidad no democrática. *Chile Hoy. Revista de Sociología*, no. 21, pp. 139–163.
28. Mainwaring S. 1989. *Transitions to democracy and democratic consolidation: Theoretical and comparative issues*. Working Paper of Kellogg Institute, no. 130. Available at: https://kellogg.nd.edu/sites/default/files/old_files/documents/130_0.pdf (accessed: 09.11.2018).
29. Morandé F. 1993. *Del trauma a la serenidad: veinte años de evolución económica y política en Chile*. Buenos Aires, CIEDLA.
30. Moulian T. 2002. *Chile actual: anatomía de un mito*. Santiago de Chile, LOM.
31. Navia P. 2015. *Autoridad moral de Bachelet*. Available at: <http://www.infolatam.com/2015/03/22/> (accessed: 15.04.2015).
32. O'Donnell G., Shmitter P.C. 2013. *Transitions from the authoritarian rule. Tentative conclusions about uncertain democracies*. Baltimore, London, The Johns Hopkins University Press.
33. Peña Gonzalez C. 2007. Chile actual: el proyecto político de la Concertación. *Chile Hoy. Revista de Sociología*, no. 21, pp. 33–45. DOI: 10.5354/0719-529X.2007.27515.
34. Plattner M.F. 2015. Is democracy in decline? *Journal of Democracy*, vol. 26, no. 1, pp. 5–10.
35. Rivas P. 2007. *Chile, un largo septiembre*. Santiago de Chile, LOM.
36. Siavelis P.M. 2002. Continuidad y transformación del sistema de partidos en una transición ‘modelo’. In Drake P., Jaksic I. (eds.). *El ‘modelo’ chileno: democracia y desarrollo en los noventa*. Santiago de Chile, LOM, pp. 223–239.
37. Silva P. 2002. Searching for civilian supremacy: The concertacion governments and the military in Chile. *Bulletin of Latin American Research*, vol. 21, no. 3, pp. 375–396.
38. Sniderman P.M., Highton B. 2011. *Facing the challenge of democracy: Explorations in the analysis of public opinion and political participation*. Princeton, Princeton University Press.
39. Valenzuela A., Dammert L. 2006. Problems of success in Chile. *Journal of Democracy*, vol. 17, no. 4, pp. 65–79.
40. Vasconi A.T., Arancibia S. 1988. *Chile: economía y política (1983–1986)*. La Habana, CEA.
41. Vergara Estévez J. 2007. La ‘democracia protegida’ en Chile. *Chile Hoy. Revista de Sociología*, no. 21, pp. 45–52.

Т.А. Воротникова*

**БОЛИВИЯ ПЕРЕД ВЫБОРОМ:
ВОЗМОЖНА ЛИ КОНСОЛИДАЦИЯ
«РАЗДЕЛЕННОГО ОБЩЕСТВА»?****

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт Латинской Америки Российской академии наук»
115035, Москва, ул. Большая Ордынка, 21/16*

Протестная волна, начавшаяся в 2019 г., захлестнула многие страны Латинской Америки. Не стало исключением и Многонациональное Государство Боливия, где резкая дестабилизация обстановки привела к серьезному внутривнутриполитическому кризису. Данная статья направлена на изучение возможности преодоления конфликтного состояния в Боливии, рассматриваемого через призму концепции «разделенного общества». В первой части статьи проанализированы основные линии разлома внутри боливийского общества, связанные с этническими и культурно-цивилизационными различиями, экономическими диспропорциями, высоким уровнем социальной и политической поляризации. Показано, как путем сложного балансирования, уступок и компромиссов режиму Эво Моралеса удалось достичь внутреннего равновесия и поддерживать его в течение достаточно продолжительного времени. Во второй части рассмотрены причины, которые привели к резкому обострению ситуации и кризису в 2019 г. К ним автор относит политические просчеты правительства, выявившие общую неустойчивость политической системы страны и грозившие обернуться серьезной деформацией демократических институтов; смену моделей электорального поведения населения; постепенное возрастание роли вооруженных сил. Автор связывает возможности преодоления этих вызовов с расширением социальной политики в сочетании с принципами консоциализма, но подчеркивает, что консолидация боливийского общества потребует много времени.

Ключевые слова: Боливия, разделенное общество, протестная волна, Эво Моралес, политический режим, поляризация, консоциализм.

* Воротникова Татьяна Александровна — кандидат политических наук, ученый секретарь Института Латинской Америки РАН (e-mail: vorotnikovat@yandex.ru).

** Исследование подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-014-00042.

Латиноамериканская протестная волна 2019 г. — случайность или неизбежное следствие? В разных странах она имела свои причины и свои результаты как для национальных обществ, так и для политических систем. Самые радикальные изменения произошли в Многонациональном Государстве Боливия, где дестабилизация привела к крутому виражу политического развития. Цель автора статьи — оценить риски и изучить возможности преодоления конфликтного состояния в Боливии, рассматриваемого через призму концепции «разделенного общества».

В гуманитарных науках общества с высокой степенью поляризации между его сегментами, обладающими аскриптивными признаками (раса, национальность, религия, язык и др.), принято называть многосоставными, фрагментированными, неоднородными, глубоко разделенными и т.д. В данном случае эти термины выступают синонимами и в определенной мере могут быть взаимозаменяемы. Для таких обществ характерны конфликты между группами, у которых конкурирующие представления о своем государстве [Кудряшова, 2016]. При этом сразу несколько групп борются за власть, а их размежевание имеет ярко выраженный политический характер (более заметный, чем в тех случаях, когда подобные противоречия продиктованы иными причинами, например классовыми) и обусловлено исторически [Horowitz, 2014].

Наличие конфликтов и глубоких противоречий зачастую воспринимается как фактор нестабильности и препятствие для функционирования демократии. В противовес этому социальная однородность, народная сплоченность и идеологическое единство могут считаться залогом успешного государственного развития. Соответственно возникает резонный вопрос: возможно ли достижение стабильной демократии в «разделенном обществе» и насколько необходимым условием для этого является стремление к консолидации его сегментов?

Классическая для данной проблематики концепция «сообщественной (консоциативной) демократии» предлагает решение путем формирования коалиционного управления, которое базируется на сотрудничестве элит и компромиссных договоренностях между представителями различных групп [Лейпхарт, 1997]. Неотъемлемыми элементами такой системы должны стать право «вето» у меньшинства и высокая степень автономии каждого сегмента. Первостепенное значение также имеет принцип политического участия, основанный на пропорциональности избирательной системы и соразмерности, в том числе в распределении должностей, что в

условиях поляризации становится важнее, чем принципы правления большинства или наличия сильной оппозиции.

Интересным примером возможностей и пределов применимости этой теории может служить боливийский кейс [Larraín Landaeta, 2007]. При этом следует отметить, что сложный характер горизонтального взаимодействия в боливийском обществе можно рассматривать в позитивном ключе, принимая во внимание его созидательный и креативный потенциал на пути становления более эгалитарного и справедливого общества [García Linera, 2013]. Для реализации такого сценария установление элементов консоциативной демократии играет ключевую роль, так как в противном случае отсутствие широкого общественного консенсуса и политической воли может привести к ослаблению демократических институтов [Montaño Nogales, 2011]. Данное исследование продолжает разработку концепции «разделенных обществ» применительно к современной социально-политической ситуации, сложившейся в Боливии накануне и после голосования 2019 г.

Коротко о цепочке событий, приведших к нынешнему кризису. 20 октября 2019 г. в Боливии прошли всеобщие выборы. Жители избирали главу государства на очередные пять лет и представителей в Многонациональную законодательную ассамблею — двухпалатный парламент. После драматического подведения итогов голосования было объявлено о победе Эво Моралеса Айма (2006–2019), набравшего 47% голосов избирателей и опередившего своего ближайшего соперника Карлоса Месу Хисберта чуть более чем на 10%¹ (согласно Конституции страны это необходимый минимум в случае, если ни один из кандидатов не набирает более 50%) [Ивановский, 2014]. Оппозиция заявила о возможной фальсификации и призвала своих сторонников бороться за проведение второго тура выборов. Наиболее радикально настроенные противники режима Э. Моралеса вышли на улицы с требованием отставки правительства. Протесты приняли непредсказуемый оборот, угрожавший внутренней безопасности по всей стране. Полицейские выступили на стороне протестующих, отказавшись усмирять демонстрантов. За ними последовали профсоюзы: с заявлением в поддержку проведения новых выборов

¹ Tribunal Supremo de Bolivia completa el 100% del conteo electoral: el resultado da a Evo Morales como ganado // CNN Español. 25.10.2019. Available at: <https://cnnespanol.cnn.com/2019/10/25/tribunal-supremo-de-bolivia-completa-el-100-del-conteo-electoral/> (accessed: 01.11.2019).

и просьбой добровольно уйти с поста президента к Э. Моралесу обратилось руководство крупнейшего и очень влиятельного в стране Боливийского рабочего центра (Central Obrera Boliviana, COB). Точку поставили военные, также призвавшие главу государства сложить полномочия². 10 ноября Э. Моралес подал в отставку, после чего покинул страну. Высшее руководство Боливии, соратники президента — вице-президент, министры, депутаты, главы департаментов и городских администраций — один за другим уходили со своих должностей. Однако в свою очередь маршем на Ла-Пас выступили сторонники Э. Моралеса, требуя вернуть прежнее правительство. Страна оказалась во власти социальных волнений, невиданных с начала века. 14 лет политической стабильности и экономического роста сменились гражданскими протестами, насилием и вынужденным безвластием. Временное исполнение обязанностей главы государства приняла второй вице-спикер Сената оппозиционный политик Жанин Аньес, обещав провести новые демократические выборы³.

Линии разлома

Тем, кто достаточно внимательно следит за траекторией развития боливийской демократии, прошедшие события, возможно, не показались столь неожиданными. Причина тому — наличие константных противоречий внутри боливийского общества, не преодоленных в рамках тех форм демократии, которые страна испытала на себе за более чем тридцатилетний период (после падения режима военных диктатур и восстановления демократических процедур с 1982 г.). Некоторые из этих противоречий лежат на поверхности, другие же не столь очевидны, но имеют твердые основания.

Самый наглядный из внутренних конфликтов в стране — *этнический раскол*. Боливийское государство — сложнокультурное, многосоставное, мультиэтническое, оно имеет серьезное базовое отличие от ряда соседей по региону, где присутствуют коренные народы, которые отстаивают свое право на идентичность по отношению к национальному большинству (как, например, мапуче в Чили,

² Cronología de la crisis en Bolivia que desembocó en la renuncia de Evo Morales // Infobae. 10.11.2019. Available at: <https://www.infobae.com/america/2019/11/10/cronologia-de-la-crisis-politica-que-sacude-a-bolivia/> (accessed: 15.11.2019).

³ Mathias C. The world upside down in Bolivia // Dissent. 18.11.2019. Available at: https://www.dissentmagazine.org/online_articles/the-world-upside-down-in-bolivia (accessed: 20.01.2020).

мексиканские этносы полуострова Юкатан или индейские племена Бразилии). Боливийское большинство, напротив, составляют именно многочисленные индейские этносы и жители, имеющие индейские корни. Многие из них обладают самостоятельными политическими интересами, но при отсутствии единой политической позиции находятся в цивилизационном конфликте с носителями элитарной креольской культуры. Данное обстоятельство предопределило специфику борьбы за власть «Движения к социализму» Э. Моралеса (Movimiento al Socialismo, MAS) и траекторию его политического успеха.

Политический проект Э. Моралеса строился на «трех китах»: сильной экономике, единой партии и индейской идентичности. Последнюю обеспечивала мощная поддержка самых крупных из коренных народов Боливии — кечуа и даже в большей степени аймара (к которым принадлежит Э. Моралес), населяющих высокогорные регионы страны, в том числе Ла-Пас. Их культурно-ценностные маркеры на протяжении многих лет пребывания у власти MAS доминировали и в политической практике государства. К таким маркерам можно отнести установки на коммунитарность, ориентацию на общинные механизмы управления, возрождение исконных смыслов и символики, связанных с индейской культурой и историческим опытом сопротивления колониальному господству. Новая Конституция закрепила в качестве государственного индейский флаг Whipala, лидеры страны принимали участие в древних обрядах и церемониях, а имена героев прошлого присваивали значимым социальным проектам (например, программе по выплате денежных пособий) и первому боливийскому спутнику «Тупак-Катари», названному в честь лидера восстания индейцев против испанских колониальных властей в XVIII в.

За время нахождения MAS у власти были реализованы меры, направленные на устранение вековой расовой дискриминации и расширение партисипативных прав ранее исключенных из политики групп населения [Воротникова, 2019b]. Значительно увеличилось представительство коренных народов в структурах власти, в том числе в национальном парламенте, члены которого стали выступать на местных языках, а женщины-депутаты — носить традиционные пышные юбки — польеры, некогда презиравшиеся в метисном обществе.

Важная роль этнического фактора является отличительной особенностью боливийского «разделенного общества». Наличие фунда-

ментального водораздела между «двумя Боливиями» — индейской и белой (по выражению боливийского философа-индихениста⁴ Фаусто Рейнаги) [Makaran-Kubis, 2009] обусловило четкую политическую поляризацию. В массовом сознании закрепились стереотипные установки, что MAS — проиндейская партия, хотя ее реальная политика скорее отражала стремление к достижению некоего компромисса между индейской общиной и креольским либеральным обществом, а оппозиция заведомо воспринималась как олицетворение наиболее радикального варианта последнего. Отчасти этому способствовали и некоторые заявления оппозиционных политиков, в том числе Ж. Аньес, которые многие сочли расистскими⁵.

В осенние события вмешался еще один фактор, а именно *роль религии* в формировании политической идентичности. Противопоставление христианской церкви и исконных индейских верований в последнее время стало приобретать всё более ярко выраженное политическое значение. Библия стала символом оппозиционного протеста — Ж. Аньес принесла присягу, держа в руках том Священного Писания, который был торжественно помещен в президентском дворце. При этом подавляющее большинство боливийцев считают себя христианами, однако консервативный католицизм Ж. Аньес сигнализировал некоторым о возвращении господства европейского компонента в боливийской культуре. К. Меса в свою очередь предпочел разыгрывать «метисную» карту, апеллируя к той части общества, которая лишь отчасти имела индейские корни и предпочитала считать себя метисами.

Боливийские *запад* и *восток* культурно и исторически представляют собой два различных типа хозяйственного уклада. Частично эта линия разлома совпадает с этническим вопросом, но не ограничивается им. Речь идет об экономических диспропорциях, влекущих серьезные последствия идеологического характера. В западных горных регионах и на Альтиплано преобладают общинные устои, кооперативный тип собственности, а также мелкие частные

⁴Индихенизм – направление в общественной мысли, философии, социологии, искусстве и литературе Латинской Америки, цели которого – осмысление места и роли индейского населения в обществе и государстве, защита культурных, языковых, политических и иных прав коренных народов региона.

⁵Kurmanav A., Krauss C. Ethnic rifts in Bolivia burst into view with fall of Evo Morales // The New York Times. 15.11.2019. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/11/15/world/americas/morales-bolivia-Indigenous-racism.html> (accessed: 20.11.2019).

землевладения — минифундии. Для востока, напротив, характерна ориентированность на крупные сельскохозяйственные угодья (в том числе для коренных народов равнин, организованных по принципу автономных территорий) и промышленные предприятия, в первую очередь по добыче углеводородов. Данное противоречие особенно наглядно проявилось во время острого конфликта 2007–2009 гг. между властью и оппозицией, мобилизовавшего граждан восточных департаментов против принятия новой Конституции и за автономию от высокогорного Ла-Паса. В целях консолидации (без гомогенизации) центральное правительство предложило особую экономическую модель, получившую название «андско-амазонский капитализм», которая сочетала элементы европейского капитализма и общинной экономики [García Linera, 2009]. Одним из механизмов реализации данной модели предполагалось развитие транспортной инфраструктуры, так как отсутствие дорожного сообщения долгое время оставалось непреодолимым препятствием, тормозившим экономический прогресс и внутреннюю интеграцию страны. Так или иначе, неравномерность в развитии регионов находилась в центре политических дебатов на протяжении всего правления MAS.

Еще одна линия разлома — *социально-экономическая поляризация*. Традиционное деление на бедных и богатых оставалось серьезным вызовом для страны, несмотря на бесспорные достижения правительства Э. Моралеса по сокращению гигантских показателей бедности и социальных диспропорций. Экономическое расслоение часто называют одной из главных причин протестной волны 2019 г., прокатившейся не только по Боливии, но и по другим странам Латинской Америки. Однако следует отметить, что по уровню неравенства Боливия, ранее находившаяся на последней строчке, в период с 2002 по 2018 г. поднялась на позиции выше среднего по региону. Индекс Джини упал с 0,612 до 0,438 — это лучше, чем в Чили, Бразилии, Колумбии и других государствах Латинской Америки, и ниже средних региональных значений. Тем не менее в вопросах бедности (показатель крайней бедности составлял 14,5%, бедности — 33%) страна по-прежнему заметно отставала почти от всех своих соседей, таких как Аргентина (3,6 и 24%), Бразилия (5,4 и 19%) и Чили (1,4 и 10%), однако еще хуже дела обстояли в Мексике, Гондурасе и Сальвадоре⁶.

⁶ Panomara Social de América Latina. Santiago de Chile: CEPAL, 2019. Available at: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/44969/5/S1901133_es.pdf (accessed: 12.01.2020).

Не менее важным индикатором нараставшей дестабилизации стал усиливавшийся *раскол между элитами*. Политический проект Э. Моралеса с самого начала был прицельно направлен на деконструкцию традиционной системы взаимодействия элит. Частично этого удалось достигнуть, но не в полной мере. Под тяжестью политического кризиса начала 2000-х годов рухнула выстроенная в неолиберальный период «пактовая» система передачи власти⁷. На смену многопартийности пришла моноструктура, центральное положение в которой заняла партия MAS, агрегировавшая крестьянские организации, индейские движения, шахтерские кооперативы и профсоюзы. В первую очередь было достигнуто доминирование в парламентском поле. В 2005 г. MAS получила абсолютное большинство в нижней палате, а в 2009 и 2014 гг. — две трети депутатских мест (88 из 130 кресел в нижней палате и соответственно 26 и 25 из 36 мест в Сенате) [Ивановский, 2014]. Деконструкции прежних паттернов и иерархий способствовали усиление социальной мобильности, увеличение партисипативности и повсеместное обновление кадров в структурах государственного аппарата [Щелчков, 2016b]. Тем не менее экономическое лидерство, а также доступ к высшему образованию и частным школам по-прежнему оставались прерогативой представителей старых элит. Разрозненность и неспособность противников режима выработать консолидированную позицию многие годы не давали возможности оформиться реальной альтернативе. Однако монополия MAS на власть раздражала правые политические силы.

Нарастание противоречий между старой и новой элитами обнажило поляризацию общественного сознания, которую обобщенно можно представить как *столкновение двух парадигм* развития страны — неолиберальной и постнеолиберальной. Несмотря на признание социальных завоеваний режима, правоконсервативная часть общества не разделяла многих ценностных установок и стиля управления президента. Отрицание той парадигмы, в которой страна развивалась на протяжении 14 лет, в первую очередь отразилось на внешнеполитических действиях переходного правительства, предпринявшего ряд кардинальных шагов⁸, таких как выход из

⁷С принятием «Пакта во имя демократии» в 1985 г. в Боливии установилась «пактовая демократия» – политическая система, формально основанная на либерально-демократических принципах, при которой смена власти осуществлялась между тремя ведущими политическими партиями страны за счет временных союзов и коалиций.

⁸Nagovitch P. Explainer: Presidential candidates in Bolivia's 2020 special elections // Americas Society. Council of the Americas. 06.02.2020. Available at: <https://www.as-coa>.

АЛБА⁹, сближение с Вашингтоном (восстановление после 11-летнего перерыва дипломатических отношений на уровне послов), высылка кубинских врачей, жесткая позиция по Венесуэле и признание ее самопровозглашенного и.о. президента Хуана Гуайдо.

Причины кризиса

Системные линии разлома сформировали специфику боливийского «разделенного общества», во многом определив направление протестного взрыва, который в совокупности элементов сложно разложить на составные части. Тем не менее постэлекторальный кризис 2019 г. имел свои ситуативные причины, среди которых можно обозначить следующие.

Политические решения. Дестабилизации предшествовал довольно сложный и неоднозначный политический контекст. Э. Моралес находился у власти с 2006 г.: он завоевал победу на выборах в 2005 г., а позднее, после принятия новой Конституции и в соответствии с ней, «обнулив» первый срок, был избран на пост главы государства еще дважды — в 2009 и 2014 гг. В феврале 2016 г. состоялся референдум по вопросу изменения статьи Основного закона, ограничивавшей пребывание у власти двумя пятилетними мандатами подряд. Теоретически положительный итог всенародного голосования давал бы возможность Э. Моралесу баллотироваться в четвертый раз, однако, несмотря на популярность президента и его курса, граждане Боливии высказались против внесения такой поправки [Centellas, 2018]. Тем не менее в 2017 г., проигнорировав волю большинства, Конституционный суд вынес решение в пользу Э. Моралеса¹⁰, сославшись на положение об избирательных правах Американской конвенции о правах человека, ратифицированной Боливией, где защищалось право каждого избирать и быть избранным. В январе 2019 г. впервые прошли праймериз, на которых были определены будущие кандидаты. От партии власти снова были выбраны Э. Моралес и его соратник и вице-президент Альваро Гарсиа Линера — выдающийся теоретик современного левого движения в Латинской

org/articles/explainer-presidential-candidates-bolivias-2020-special-elections (accessed: 03.03.2020).

⁹ Боливарианский альянс для народов нашей Америки (Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA).

¹⁰ El Tribunal Constitucional de Bolivia autorizó la repostulación presidencial de Evo Morales // Infobae. 28.11.2017. Available at: <https://www.infobae.com/americas/americas-latina/2017/11/28/el-tribunal-constitucional-de-bolivia-autorizo-la-repostulacion-presidencial-de-evo-morales/> (accessed: 20.01.2020).

Америке. Однако процедурная коллизия поставила под сомнение легитимность власти и оказалась детонатором дальнейшего социально-политического противостояния.

Через несколько месяцев после отставки Э. Моралес назвал ошибочным свое решение выдвигаться на четвертый срок¹¹. В начале 2020 г. были объявлены новые кандидаты на посты президента и вице-президента страны. Ими стали соответственно Луис Арсе Катакора — модернизатор, автор боливийской экономической политики, занимавший пост министра экономики, и Давид Чокеуанка — популярный политик, бывший министр иностранных дел в правительстве Э. Моралеса, позже возглавлявший блок АЛБА и выступавший с радикально индихенистских позиций¹². Таким образом, MAS продемонстрировала намерение преодолеть разногласия и объединить своих сторонников благодаря балансу между различными течениями внутри партии.

Между тем от центра и правых за голоса противников режима Э. Моралеса боролись сразу несколько кандидатов. Оппозиция снова столкнулась со старой проблемой, связанной с неспособностью преодолеть внутренние разногласия и выдвинуть единого кандидата. Именно этой разобщенности Ж. Аньес намеревалась избежать, когда сначала (после вступления в должность в ноябре 2019 г.) обещала не баллотироваться на новых выборах, а позднее все же объявила о своем желании включиться в гонку, объединив в своей коалиции «Вместе» («Juntos») несколько политических сил¹³.

В это условное разделение на левых и правых не вполне вписывалась позиция К. Месы — политика умеренных взглядов, который в избирательном процессе 2019 г. воплощал идею противостояния режиму Э. Моралеса. К. Меса строил свою кампанию прежде всего на необходимости укрепления демократических институтов в стране и приоритетности антикоррупционных мер. Он настаивал на про-

¹¹ Evo Morales admite que ‘fue un error volver a presentarme’ para un cuarto mandato // Clarin Mundo. 17.01.2020. Available at: https://www.clarin.com/mundo/evo-morales-admite-error-volver-presentarme-cuarto-mandato_0_Vple7Hxj.html (accessed: 18.01.2020).

¹² Evo Morales anunció que Luis Arce será el candidato a presidente del MAS en las nuevas elecciones de Bolivia // Infobae. 19.01.2020. Available at: <https://www.infobae.com/america/america-latina/2020/01/19/evo-morales-anuncio-que-luis-arce-sera-el-candidato-a-presidente-del-mas-en-las-nuevas-elecciones-de-bolivia/> (accessed: 21.01.2020)

¹³ Jeanine Áñez, presidenta interina de Bolivia, anunció que competirá en las elecciones // Clarin Mundo. 24.01.2020. Available at: https://www.clarin.com/mundo/jeanine-anez-presidenta-interina-bolivia-anuncio-competira-elecciones_0_Jew17NeG.html (accessed: 25.01.2020).

ведении новых выборов и призывал своих сторонников оставаться на улицах с мирным протестом против официальных результатов голосования¹⁴.

Острая конкурентная борьба как на октябрьских выборах, так и в новой избирательной кампании, стартовавшей в 2020 г., свидетельствовала о наличии в Боливии разделенного электората. Политическая поляризация отодвинула в сторону дебаты по решению насущных проблем, в том числе в экономике, которая по сравнению с очень успешными предыдущими годами [Arauz et al., 2019] начала испытывать издержки от падения цен на сырьевые товары и сокращения объемов экспорта (что выразилось, в частности, в снижении темпов роста, ослаблении торгового баланса и др.)¹⁵, а задачи социального характера оказались второстепенными по отношению к вопросам культурно-цивилизационной идентичности.

Таким образом, правительство допустило деформацию в работе демократических институтов, что привело к слому процесса передачи власти и потенциально открыло путь к дальнейшей политической разбалансировке.

Неустойчивость политической системы. Как это ни парадоксально, но именно то, что обеспечивало долгие годы стабильность режима, таило в себе и залог его крушения.

Сразу после прихода к власти правительство MAS приступило к кардинальному переустройству государства, делая ставку на «обуздание» капитализма, отдавая приоритет государственному регулированию и социальной защите граждан. Следует, однако, уточнить, что, несмотря на название партии, построение социализма в его классическом понимании отодвигалось в далекое будущее [Воротникова, 2019a].

Для решения поставленной задачи требовалось найти общий язык с предпринимательским классом, оказывавшим серьезное сопротивление начинаниям правительства. Такой компромисс был достигнут за счет предоставления бизнесу гарантий защиты его интересов, в том числе в виде налоговых льгот и государственных инвестиций: напрямую, через государственные контракты, и косвенно — через улучшение общей инфраструктуры. Это позволило MAS усилить

¹⁴ O'Boyle B. Bolivia is still stuck on Evo Morales // Americas Quarterly. 14.02.2020. Available at: <https://www.americasquarterly.org/article/bolivia-is-still-stuck-on-evo-morales/> (accessed: 20.02.2020).

¹⁵ Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe. Santiago de Chile: CEPAL, 2019. Available at: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/45000/BPE2019_Bolivia_es.pdf?sequence=120&isAllowed=y (accessed: 15.03.2020).

свою электоральную базу лояльным предпринимательским классом. В данной схеме правительство оставалось политически доминирующим, но вынуждено было признать свою экономическую уязвимость по отношению к структурной мощи бизнеса. В свою очередь экономически значимые бизнес-элиты, чьи традиционные политические союзники почти полностью утратили свои позиции, осознавали собственную уязвимость перед гегемонистской правящей партией. Формировавшийся альянс, основанный на ограниченном наборе общих целей, носил прагматический и тактический характер, но при отсутствии широкой политической и идеологической общности не обладал необходимой стратегической устойчивостью. Как отмечает немецкий исследователь Джонас Вольфф, сложилась ситуация, при которой «политический и макроэкономический успех постнеолиберальной программы правительства, а также ее противоречия и ограничения — две стороны одной медали» [Wolff, 2019: 119].

Относительное равновесие в отношениях между государством и бизнесом было нарушено результатами февральского референдума 2016 г., который стал первой реальной победой оппозиции, продемонстрировавшей попытку скоординированных действий под общим знаменем сопротивления электоральной и институциональной гегемонии MAS [Driscoll, 2017]. Большинство представителей бизнеса по-прежнему занимали осторожную позицию, предпочитая не выражать открыто свои политические предпочтения, но их симпатии оставались на стороне правоцентристских сил. Это доказала волна протестов против выдвижения кандидатуры Э. Моралеса на очередной президентский срок, нараставшая с 2018 г. Несмотря на то что Конфедерация частных предпринимателей Боливии (Confederación de Empresarios Privados de Bolivia) воздержалась от прямой поддержки этих выступлений, к призыву оппозиции открыто присоединились несколько важных организаций, в том числе Национальная торговая палата (Cámara Nacional de Comercio), Ассоциация производителей масличных культур и пшеницы (Asociación de Productores de Oleaginosas y Trigo), Сельскохозяйственная палата Востока (Cámara Agropecuaria del Oriente) [Wolff, 2019]. А уже в осенних событиях 2019 г. непримиримое сопротивление Э. Моралесу фактически возглавил Луис Камачо — лидер мощной организации «Гражданская платформа за Санта-Крус», отстаивающей интересы восточных департаментов.

Смена моделей электорального поведения. Политический триумф Э. Моралеса и его партии на выборах 2005 г., победу на референдуме 2008 г. и безоговорочное лидерство в двух последующих избира-

тельных кампаниях обеспечивала мощная коалиционная поддержка крестьянских синдикатов, индейских общин, профсоюзов, кооперативов, федераций кокалерос, женщин и других социальных и профессиональных групп и объединений. Но уже во время второго президентского срока в отношениях между правительством MAS и низовыми движениями и организациями начала возникать напряженность. Аккумуляция недовольства происходила в различных секторах боливийского общества — не только среди экономической элиты, настроенной против Э. Моралеса с самого начала, но также в городских средних слоях и в группе разочарованных бывших сторонников, в том числе представителей коренных народов, ожидания которых не оправдывала власть. В свою очередь рост благосостояния населения и закономерное появление нового среднего класса способствовали выдвижению общественного запроса на политические изменения, артикулировавшего нетерпимость к коррупции во власти, ограничениям свободы средств массовой информации и отсутствию прозрачности системы государственного управления [Driscoll, 2017].

К наиболее серьезным вызовам для власти можно отнести выступления против повышения тарифов на топливо в 2010 г., беспорядки во время акции протеста шахтеров в 2016 г., а также резонансный конфликт с индейскими общинами, давший толчок широкой дискуссии о десаррольистской и экойндеанистской¹⁶ концепциях развития страны.

В 2011 г. правительство инициировало строительство автомагистрали, которая должна была связать западные районы с восточным департаментом Бени. Часть трассы по проекту проходила через национальный парк Исиборо Секуре (Territorio Indígena Parque Nacional Isiboro Sécure, TIPNIS) — территорию проживания коренных народов, ведущих традиционный образ жизни. И если одна часть боливийского общества выступала в поддержку модернизационных проектов, то многие индейские и экологические движения восприняли этот шаг как предательство их интересов со стороны государства, гарантировавшего защиту Пачамамы — Матери-природы, что сильно сказалось на доверии к президенту [Lalander, 2015, 2017].

¹⁶ Теория десаррольизма (от исп. «развитие») предусматривает модернизацию экономической и социальной структуры путем индустриализации, усиления государственно-капиталистического сектора, демократизации политической системы и других мер, направленных на обеспечение экономической независимости; в то время как экойндеанизм подразумевает сохранение традиционных типов хозяйствования, поддержание экосистемы, поиск баланса и гармонии между человеком и природой.

Этническое голосование, когда волеизъявление избирателей продиктовано главным образом этнической принадлежностью, а не любыми другими (политическими, социальными или экономическими) критериями, на протяжении многих лет оставалось преобладающим в Боливии [Guzmán Prudencio, Rodríguez-López, 2018]. Однако этнический фактор начал утрачивать позиции на фоне усиления двух уравнивающих друг друга тенденций. С одной стороны, урбанизация и прогресс в социально-экономическом положении населения постепенно приводят к сокращению числа носителей местных языков и коренных этносов в целом. В частности, эту тенденцию подтвердили результаты переписи населения в Боливии 2012 г., согласно которым доля граждан, указавших принадлежность к тому или иному индейскому этносу, снизилась по сравнению с аналогичными данными 2001 г. с 62 до 42% [История Боливии с древнейших времен до начала XXI века, 2015]. С другой стороны, происходит консолидация движений коренных народов. Они оказывают всё более заметное влияние на формирование общественно-политической повестки, ставя в центр внимания индейскую идентичность.

В последние годы исследователи указывали на изменения в предпочтениях боливийских избирателей¹⁷, в частности на сокращение влияния правящей партии среди общин аймара. Эту тенденцию можно объяснить тем, что этнополитическая мобилизация в Боливии становилась всё более сложной и прежние механизмы завоевания симпатий населения переставали работать с былой эффективностью.

Новые формы неравенства, социально-экологический протест, неравномерная модернизация многонационального государства постепенно размывали политическую, экономическую, культурную и даже военную гегемонию государства и элит [Шинкаренко, 2019]. В стране, «где государство всегда было слабым, а общество — сильным» [История Боливии с древнейших времен до начала XXI века, 2015: 600], тенденция утраты (даже частичной) связи с низовыми структурами представляла потенциальную опасность для сохранения социально-политической стабильности и преемственности режима.

¹⁷ Centellas M. Evo Morales and the MAS's future // Global Americans. 2016. Available at: <https://theglobalamericans.org/2016/02/evo-morales-and-the-mass-future/> (accessed: 02.04.2020); Stefanoni P., Gigie S. La nueva derecha Andina // Anfibia. Universidad Nacional de San Martín. Available at: <http://revistaanfibia.com/cronica/la-nueva-derecha-andina/> (accessed: 02.04.2020).

Позиция вооруженных сил. Как и во многих латиноамериканских государствах, в политической истории Боливии армия всегда играла важную роль. В XX в. страна пережила сложный период сменявших друг друга военных диктатур, который начался с военного переворота во главе с генералом Рене Баррьентосом в 1964 г. и завершился демократическим переходом в 1982 г. В ходе последовавшего процесса восстановления демократии военные утратили свое политическое влияние и превратились в крайне непопулярную в народе силу, поскольку стали восприниматься прежде всего как часть репрессивного аппарата, задействованного в борьбе с наркоторговлей и насильственным уничтожении плантаций коки, что провоцировало многочисленные конфликты и столкновения с крестьянами.

Политический кризис начала 2000-х годов поставил перед тогдашним правительством MAS задачу обеспечить стабильность политических и социальных преобразований и найти необходимую опору и инструменты для проведения реформ. Такую опору Э. Моралес увидел в создании альянса с силовиками, который стал возможен благодаря схождению базовых принципов (сильное централизованное государство и этатистский характер экономики), сближавших индейско-крестьянскую идеологию MAS и консервативные установки военных, тесно связанных с неолиберальными и просевероамериканскими силами [Чернышов, 2020]. Общие представления о курсе развития страны обеспечили Э. Моралесу поддержку армии в преодолении переломного для режима момента во время первого президентского срока, грозившего обернуться государственным переворотом. Тогда в конфликте с автономистами, вспыхнувшем в восточных департаментах (о котором речь уже шла выше), военные встали на сторону правительства. Благодаря позиции высшего командования ВС Боливии, а также широкому международному и региональному резонансу (при активном содействии UNASUR¹⁸) конфликт был нейтрализован).

Союзнические отношения MAS с военными выстраивались не напрямую, а через предоставление различных привилегий, льгот и уступок [Frenkel, Stola, 2011], в том числе за счет масштабных государственных инвестиций в технологическое обновление и модернизацию вооруженных сил. Позднее, во время второго прези-

¹⁸ Союз южноамериканских наций (Unión de Naciones Suramericanas, UNASUR).

дентского срока, правительство инициировало принятие широкого законодательного пакета в области обороны и безопасности, направленного на расширение функций силовиков, тем самым переводя неформальное партнерство в институциональное русло. Тот факт, что власти «спустили на тормозах» расследование преступлений, совершенных военными ведомствами в период диктатур, при том что военное руководство отказалось рассекречивать архивы тех времен, можно рассматривать как еще одну уступку в обмен на лояльность. [Frenkel, Stola, 2011].

Постепенно роль вооруженных сил как актора в процессе реформ возрастала, распространяясь на все аспекты жизни общества и действия властей. Так, военные обеспечивали национализацию углеводородов в мае 2006 г. Правительство привлекало армейские подразделения в качестве инструмента обеспечения социальных гарантий, объясняя это тем, что они являются практически единственными представителями государственной власти, присутствующими на всей территории Боливии, включая отдаленные сельские и горные районы. В частности, армия была задействована в распределении денежных пособий, таких как «бонус Хуансито Пинто» (выплачиваемый семьям, чьи дети должны учиться в школе, в целях преодоления проблемы детского труда), — одной из флагманских мер правительства. Военнослужащие также активно участвовали в социальных кампаниях по оказанию медицинской помощи, вакцинации, ликвидации неграмотности, строительству дорог и в других гражданских работах [Frenkel, Stola, 2011].

Успех такого альянса гарантировал стабильность режима, но и нес определенные риски, которые заключались в усилении влияния вооруженных сил на разных уровнях гражданского общества, укреплении их политической власти и возрождении представлений о собственной исторической и мессианской роли, характерной для Латинской Америки XX в. Не только в Боливии, но и в других странах региона, таких как Бразилия, Чили, Венесуэла, вооруженные силы вернули свое общественное значение, отчасти в результате действий самих гражданских лидеров, которые рассчитывали тем самым обеспечить поддержку своих политических проектов. Сказалось также отсутствие институциональных основ по осуществлению гражданского контроля над военным аппаратом. Восстановление утраченных позиций вернуло армии традиционное «право вето». Поддерживая правительство

или предлагая ему уйти, военные снова обрели способность, которую ряд исследователей называют «модерирующей силой»¹⁹, что потенциально создавало новые вызовы для боливийской и латиноамериканской демократии.

* * *

Протестная волна 2019 г. показала, что почти каждое государство в Латинской Америке имеет дело с собственным внутренним кризисом. Боливия смогла избежать социально-политического хаоса: страну возглавила временный президент, возобновил работу парламент, в котором две трети мест сохранили представители партии MAS. Боливийское общество сумело прийти к необходимому консенсусу, чтобы остановить насилие и перевести народный бунт в русло диалога и демократии, поставив перед будущим руководством страны непростую задачу объединить поляризованное население и предложить политический проект развития, который бы устраивал все стороны конфликта.

Политические преобразования Э. Моралеса означали новый виток в общественно-политическом развитии и перестройку государственной системы. Курс на интеграцию и модернизацию страны обеспечивался за счет статуса-кво между элитами, государственного инвестирования и реализации крупных инфраструктурных проектов при сохранявшейся зависимости от эксплуатации природных ресурсов, что вызывало неоднозначный отклик у населения, разделяющего ценности и принципы, традиционные для индейской культуры. Прогресс в экономическом развитии и социальные достижения правительства MAS не компенсировали наличия глубоких внутренних противоречий и конфликтов. Предпринятых шагов было недостаточно, чтобы нивелировать риски поляризации и радикализации в многосоставном и разделенном обществе. В результате этого сложный баланс между различными группами интересов, благодаря которому достигалась устойчивость режима, был нарушен, что повлекло трансформацию всей системы.

Преодоление этих вызовов станет необходимым условием для работы следующего правительства Боливии. По-видимому, дальнейшее укрепление экономической стабильности и расширение инклюзивных социальных мер в сочетании с консенсусной политикой

¹⁹ Malamud A., Marsteintredet L. Bolivia y democracias interrumpidas // El Pais. 13.11.2019. Available at: <http://agendapublica.elpais.com/golpeada-pero-de-pic-el-futuro-de-la-democracia-en-america-latina/> (accessed 20.02.2020).

в культурно-ценностном пространстве будут сохранять первостепенное значение на пути государственного развития и недопущения кризисного уровня поляризации. Независимо от исхода повторных выборов для консолидации боливийского общества потребуется гораздо больше времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воротникова Т.А. Левая политическая мысль в современной Боливии // *Латиноамериканский исторический альманах*. 2019. Т. 1. № 23. С. 185–199. DOI: 10.32608/2305-8773-2019-23-1-185-199.
2. Воротникова Т.А. Политические конфликты в мультиэтническом обществе: созидательный потенциал и риски поляризации для Боливии // *PolitBook*. 2019. № 1. С. 169–180.
3. Ивановский З.В. Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры: Справочник. М.: ИЛА РАН, 2014.
4. История Боливии с древнейших времен до начала XXI века / Отв. ред. Е.А. Ларин, А.А. Щелчков. М.: Наука, 2015.
5. Кудряшова И.В. Как обустроить разделенные общества // *Политическая наука*. 2016. № 1. С. 15–33.
6. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект-Пресс, 1997.
7. Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности / Отв. ред. З.В. Ивановский. М.: ИЛА РАН, 2017.
8. Чернышов А.Л. Постэлекторальный кризис 2019 г. в Боливии: региональный фактор и роль силовых структур // *Латинская Америка*. 2020. № 1. С. 22–32. DOI: 10.31857/S0044748X0007756-0.
9. Шинкаренко А.А. Экологический активизм в Латинской Америке: к вопросу о некоторых категориях // *Русская политология*. 2019. № 4 (13). С. 30–37.
10. Щелчков А.А. Кризис латиноамериканских левых режимов: боливийская драма // *Свободная мысль*. 2020. № 1. С. 93–106.
11. Щелчков А.А. Левая альтернатива неолиберализму. Культурная и демократическая революция в Боливии в начале XXI века // *Латиноамериканский исторический альманах*. 2016. № 17S. С. 192–240.
12. Щелчков А.А. Революция под знаменем Пачамамы. Боливия в начале XXI века // *Новая и новейшая история*. 2016. № 5. С. 119–137.
13. Arauz A., Weisbrot M., Bunker A., Johnston J. Bolivia's economic transformation: Macroeconomic policies, institutional changes, and results. Washington: Center for Economic and Policy Research, 2019.
14. Centellas M. Bolivia in 2017: Headed into uncertainty // *Revista de ciencia política*. 2018. Vol. 38. No. 2. P. 155–179. DOI: 10.4067/s0718-090x2018000200155.

15. Driscoll A. Bolivia's 'democracy in transition': More questions than answers in 2016 // *Revista de ciencia política*. 2017. Vol. 37. No. 2. P. 255–279. DOI: 10.4067/s0718-090x2017000200255.
16. Espinosa Molina F. Bolivia: La circulación de sus élites (2006–2014). Santa Cruz de la Sierra: El País, 2015.
17. Frenkel A., Stola I. La alianza del gobierno de Evo Morales y las Fuerzas Armadas en el proceso de transformación del Estado boliviano // *Revista perspectivas de políticas públicas*. 2011. No. 1. P. 161–179.
18. García Linera A. La potencia plebeya: acción colectiva e identidades indígenas, obreras y populares en Bolivia. Compilador Pablo Stefanoni. Bogotá: Siglo del Hombre Editores y Clacso, 2009.
19. García Linera A. Las tensiones creativas de la Revolución. La quinta fase del Proceso de Cambio. LaPaz, 2013.
20. García Montero M., Sánchez F. Los ciclos políticos y económicos de América Latina y el boom de las materias primas. Madrid: Tecnos, 2019.
21. Gigler B.S. Poverty, inequality and human development of indigenous peoples in Bolivia. Working Paper Series. No. 17. Georgetown University, 2009. DOI: 10.1596/978-1-4648-0420-5.
22. Guzmán Prudencio G., Rodríguez-López F. Voto étnico en Bolivia. Cohesión, disgregación y clivajes étnicos // *Política y gobierno*. 2018. Vol. 25. No. 1. P. 65–100.
23. Horowitz D.L. Ethnic power sharing: Three big problems // *Journal of Democracy*. 2014. Vol. 25. No. 2. P. 5–20.
24. Lalander R. Entre el ecocentrismo y el pragmatismo ambiental: Consideraciones inductivas sobre desarrollo, extractivismo y los derechos de la naturaleza en Bolivia y Ecuador // *Revista chilena de derecho y ciencia política*. 2015. Vol. 6. No. 1. P. 109–152.
25. Lalander R. Indigeneidad, descolonización y la paradoja del desarrollismo extractivista en el Estado Plurinacional de Bolivia // *Revista chilena de derecho y ciencia política*. 2017. Vol. 8. No. 1. P. 47–81.
26. Larraín Landaeta H.M. La democracia consociativa como régimen político para Bolivia // *Revista política y estrategia*. 2007. No. 105. P. 111–127.
27. Makaran-Kubis G. El nacionalismo étnico en los Andes: el caso de los aymaras bolivianos // *Latinoamérica*. 2009. No. 49. P. 35–78.
28. Montaña Nogales H.E. La democracia posible en Bolivia (2000–2009) // *Revista ciencia y cultura*. 2011. No. 26. P. 7–32.
29. Wolff J. Business power and the politics of postneoliberalism: Relations between governments and economic elites in Bolivia and Ecuador // *Latin American Politics and Society*. 2016. Vol. 58. Iss. 2. P. 124–147. DOI: 10.1111/j.1548-2456.2016.00313.x.
30. Wolff J. The political economy of Bolivia's post-neoliberalism: Policies, elites and the MAS government // *European Review of Latin American and Caribbean Studies*. 2019. No. 108. P. 109–129. DOI: 10.32992/ERLACS.10468.

T.A. Vorotnikova

**BOLIVIA AT A CROSSROADS:
IS CONSOLIDATION OF A ‘DIVIDED SOCIETY’
FEASIBLE?**

*Institute of Latin American Studies,
Russian Academy of Sciences
21/16 Bolshaya Ordynka Str., Moscow, 115035*

A protest wave which began in 2019 has swept across many Latin American countries. The Multinational State of Bolivia, where rapid destabilization of political situation has led to a serious internal crisis, was no exception. The paper examines the prospects for conflict resolution in Bolivia through the lens of the ‘divided society’ concept. The first section identifies the key fault lines in Bolivia including ethnic, cultural, and civilizational differences, economic disproportions, and high levels of social and political polarization. The author shows how the regime of Evo Morales managed to reach an internal balance and maintain it for quite a long time through complex balancing, concessions, and compromises. The second section identifies the causes behind the 2019 crisis. These include miscalculations of the government which has revealed general instability of the country’s political system and threatened to erode democratic institutions; changes in electoral behavior of the population; the increasing role of the armed forces. The author links the possibilities to overcome these challenges faced by Bolivia with the expansion of the social protection in conjunction with the principle of consociationalism, but stresses that even so the consolidation of the Bolivian society will be a time-consuming process.

Keywords: Bolivia, divided society, protest wave, Evo Morales, political regime, polarization, consociationalism.

About the author: *Tatiana A. Vorotnikova* — PhD (Political Science), Academic Secretary of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: vorotnikovat@yandex.ru).

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research according to the research project № 18-014-00042.

REFERENCES

1. Vorotnikova T.A. 2019a. Levaya politicheskaya mysl’ v sovremennoi Bolivii [Left political thought in modern Bolivia]. *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh*, vol. 1, no. 23, pp. 185–199. DOI: 10.32608/2305-8773-2019-23-1-185-199. (In Russ.)

2. Vorotnikova T.A. 2019b. Politicheskie konflikty v mul'tietnicheskom obshchestve: sozidatel'nii potentsial i riski polyarizatsii dlya Bolivii [Political conflicts in a multi-ethnic society: Creative potential and new risks for Bolivia]. *PolitBook*, no. 1, pp. 169–180. (In Russ.)

3. Iwanowski Z.W. 2014. *Latinskaya Amerika: elektoral'noe zakonodatel'stvo i vlastnye struktury* [Latin America: Electoral legislation and the power structures]. Moscow, ILA RAN Publ. (In Russ.)

4. *Istoriya Bolivii s drevneishikh vremen do nachala XXI veka* [History of Bolivia from ancient times to the beginning of the XXI century]. 2015. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

5. Kudryashova I.V. 2016. Kak obustroit' razdelennye obshchestva [How to accomplish stability in divided societies]. *Politicheskaya nauka*, no. 1, pp. 15–33. (In Russ.)

6. Lijphart A. 1977. *Democracy in plural societies: A comparative exploration*. New Haven, Yale University Press [Russ. ed.: Leipkhart A. 1997. *Demokratiya v mnogostavnykh obshchestvakh: sravnitel'noe issledovanie*. Moscow, Aspekt Press Publ.].

7. Iwanowski Z.W. (ed.). 2017. *Politicheskie konflikty v Latinskoj Amerike: vyzovy stabil'nosti i novye vozmozhnosti* [Political conflicts in Latin America: Challenges of stability and new opportunities]. Moscow, ILA RAN Publ. (In Russ.)

8. Chernyshov A.L. 2020. Postelektoral'nii krizis 2019 g. v Bolivii: regional'nii faktor i rol' silovykh struktur [2019 post-electoral crisis in Bolivia: The regional factor and the role of the law enforcement agencies]. *Latinskaya Amerika*, no. 1, pp. 22–32. DOI: 10.31857/S0044748X0007756-0. (In Russ.)

9. Shinkarenko A.A. 2019. Ekologicheskii aktivizm v Latinskoj Amerike: k voprosu o nekotorykh kategoriakh [Environmental activism in Latin America: On certain categories]. *Russkaya politologiya*, no. 4 (13), pp. 30–37. (In Russ.)

10. Shchelchikov A.A. 2020. Krizis latinoamerikanskikh levyykh rezhimov: boliviiskaya drama [The crisis of Latin American leftist regimes: Bolivian drama]. *Svobodnaya mysl'*, no. 1, pp. 93–106. (In Russ.)

11. Shchelchikov A.A. 2016a. Levaya al'ternativa neoliberalizmu. Kul'turnaya i demokraticeskaya revolyutsiya v Bolivii v nachale XXI veka [The left alternative to neoliberalism. The cultural and democratic revolution in Bolivia]. *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh*, no. 17S, pp. 192–240. (In Russ.)

12. Shchelchikov A.A. 2016b. Revolyutsiya pod znamenem Pachamamy. Boliviya v nachale XXI veka [Revolution under Pachamama's banner. Bolivia at the beginning of the 21st century]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 5, pp. 119–137. (In Russ.)

13. Arauz A., Weisbrot M., Bunker A., Johnston J. 2019. *Bolivia's economic transformation: Macroeconomic policies, institutional changes, and results*. Washington, Center for Economic and Policy Research.

14. Centellas M. 2018. Bolivia in 2017: Headed into uncertainty. *Revista de ciencia politica*, vol. 38, no. 2, pp. 155–179. DOI: 10.4067/s0718-090x2018000200155.

15. Driscoll A. 2017. Bolivia's 'democracy in transition': More questions than answers in 2016. *Revista de ciencia política*, vol. 37, no. 2, pp. 255–279. DOI: 10.4067/s0718-090x2017000200255.
16. Espinosa Molina F. 2015. *Bolivia: La circulación de sus élites (2006–2014)*. Santa Cruz de la Sierra, El País.
17. Frenkel A., Stola I. 2011. La alianza del gobierno de Evo Morales y las Fuerzas Armadas en el proceso de transformación del Estado boliviano. *Revista perspectivas de políticas públicas*, no. 1, pp. 161–179.
18. García Linera A. 2009. *La potencia plebeya: acción colectiva e identidades indígenas, obreras y populares en Bolivia*. Bogotá, Siglo del Hombre Editores y Clacso.
19. García Linera A. 2013. *Las tensiones creativas de la Revolución. La quinta fase del Proceso de Cambio*. LaPaz.
20. García Montero M., Sánchez F. 2019. *Los ciclos políticos y económicos de América Latina y el boom de las materias primas*. Madrid, Tecnos.
21. Gigler B.S. 2009. *Poverty, inequality and human development of indigenous peoples in Bolivia*. Working Paper Series. No. 17. Georgetown University. DOI: 10.1596/978-1-4648-0420-5.
22. Guzmán Prudencio G., Rodríguez-López F. 2018. Voto étnico en Bolivia. Cohesión, disgregación y clivajes étnicos. *Política y gobierno*, vol. 25, no. 1, pp. 65–100.
23. Horowitz D.L. 2014. Ethnic power sharing: Three big problems. *Journal of Democracy*, vol. 25, no. 2, pp. 5–20.
24. Lalander R. 2015. Entre el ecocentrismo y el pragmatismo ambiental: consideraciones inductivas sobre desarrollo, extractivismo y los derechos de la naturaleza en Bolivia y Ecuador. *Revista chilena de derecho y ciencia política*, vol. 6, no. 1, pp. 109–152.
25. Lalander R. 2017. Indigeneidad, descolonización y la paradoja del desarrollismo extractivista en el Estado Plurinacional de Bolivia. *Revista chilena de derecho y ciencia política*, vol. 8, no. 1, pp. 47–81.
26. Larraín Landaeta H.M. 2007. La democracia consociativa como régimen político para Bolivia. *Revista política y estrategia*, no. 105, pp. 111–127.
27. Makaran-Kubis G. 2009. El nacionalismo étnico en los Andes: el caso de los aymaras bolivianos. *Latinoamérica*, no. 49, pp. 35–78.
28. Montaña Nogales H.E. 2011. La democracia posible en Bolivia (2000–2009). *Revista ciencia y cultura*, no. 26, pp. 7–32.
29. Wolff J. 2016. Business power and the politics of postneoliberalism: Relations between governments and economic elites in Bolivia and Ecuador. *Latin American Politics and Society*, vol. 58, iss. 2, pp. 124–147. DOI: 10.1111/j.1548-2456.2016.00313.x.
30. Wolff J. 2019. The political economy of Bolivia's post-neoliberalism: Policies, elites and the MAS government. *European Review of Latin American and Caribbean Studies*, no. 108, pp. 109–129. DOI: 10.32992/ERLACS.10468.

А.В. Сарабьев*

ПРОТЕСТНАЯ ВОЛНА И КОНТРМЕРЫ СТРАХА: ЛИВАНСКИЙ АКТ МИРОВОЙ ДРАМЫ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт востоковедения Российской академии наук»
107031, Москва, ул. Рождественка, 12*

В статье представлен анализ динамики развития социальных протестов в Ливане в период с октября 2019 г. по март 2020 г., когда в стране были введены беспрецедентно жесткие карантинные меры в целях борьбы с вирусной пандемией. Подробно рассмотрены причины и предпосылки развития протестного движения в Ливане. Автор подчеркивает, что социально-экономические требования протестующих к исполнительной власти (в частности, о проведении реформ, направленных на устранение глубокого имущественного расслоения в обществе) с самого начала сочетались с требованиями демократизации общественно-государственных отношений на светской основе, устранения политического конфессионализма. При этом автор отмечает ряд особенностей народных выступлений в Ливане, которые существенно выделяли их на фоне протестной волны, охватившей многие страны мира: объединение демонстрантов поверх конфессионально-общинных и партийных границ, удивительную согласованность требований и действий протестующих при отсутствии общего руководства и т.д. В то же время автор заключает, что последовавшая смена правительства не повлекла за собой заметных изменений, на которые рассчитывали участники протестов. Состав нового кабинета далеко не был свободен от конфессионально-партийной ангажированности, а законы и меры, принятые в рамках борьбы с пандемией, были призваны, по всей видимости, еще больше «заморозить» сложившуюся благоприятную ситуацию для парламентского большинства и сформированного на его основе правительства. В частности, в текстах указов и законопроектов этого периода отчетливо прослеживается стремление власти не допустить впредь массовых протестов, подобных тем, которые случились осенью 2019 г. При этом данные меры не встретили серьезного сопротивления со стороны населения: несмотря на то что положение широких слоев многократно ухудшилось из-за введенных ограничений,

* Сарабьев Алексей Викторович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН (e-mail: alsaraby@ivran.ru).

а многие потеряли единственный источник дохода, страх перед угрозой распространения коронавируса оказался гораздо более эффективным средством для остановки протестов, чем любые карательные меры правительства. Автор заключает, что динамика межпартийной конкуренции, не затихавшей даже в условиях жестких карантинных мер, свидетельствует о несбыточности надежд протестовавшего населения на начало «транзита» — перехода от традиционного кланово-конфессионального устройства ливанской политической системы к нормам и принципам, в большей степени соответствующим классическим представлениям о демократии.

Ключевые слова: социальный протест, политический транзит, демократизация, политический конфессионализм, пандемия, карантин, Ливан.

Социальные протесты 2019 г.: забытый вопрос взаимосвязи

Вспыхнувшие в 2019 г. в разных уголках планеты социальные протесты напоминали волну. Такие страны мира, как Чили, Аргентина, Боливия, Эквадор [Окунева, 2020], Британия, Чехия, Алжир, Судан, Ирак, Ливан, а также анклавы Каталония и Гонконг испытали всплеск протестного движения против несправедливых законов, глубокого социального расслоения и ухудшающихся условий жизни большинства населения¹. Протесты переклестывали национальные и конфессиональные границы, и прибой этой «волны нестабильности» ощущался в соседних государствах, которым пока удалось ее избежать. Наблюдатели даже доходят до обобщений такого рода, что по всему миру в 2019 г. прошли именно антиправительственные протесты, волна «глобального импичмента»², и Россия так или иначе испытала бы на себе удары этого прибоя, если бы не опережающая тактика президента, выразившаяся, в частности, в смене правительства.

Эксперты задавались вопросами: как объяснить совпадение по времени народных выступлений в разных странах и что общего в характере этих протестов; является ли это протестное движение

¹ Быстрицкий А. Восстание масс — 2019 // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 25.12.2019. Доступ: <https://ru.valdaiclub.com/a/chairman-speech/2019-vosstanie-mass> (дата обращения: 29.12.2019).

² Глобальное пробуждение — 2019: эксперты сравнили протесты в разных странах // Новые известия. 11.12.2019. Доступ: <https://newizv.ru/news/politics/11-12-2019/globalnoe-probuzhdenie-2019-eksperty-sravnili-protesty-v-raznyh-stranah> (дата обращения: 20.12.2019).

началом социального хаоса, вызванного в том числе хаотизацией международных отношений; стали ли протесты отголосками противоречий между левыми и правыми идеологиями или же они порождены причинами, не связанными с этой устаревшей оппозицией? Все эти вопросы были чрезвычайно важны, ведь, казалось бы, ответы на них могли помочь спрогнозировать события, чтобы смягчить их возможные негативные эффекты. Однако ответы не просто не были найдены — были забыты сами вопросы.

Те, к кому были обращены требования манифестантов в разных странах, сумели развести региональные повестки социальных протестов, не допустив информационного объединения этих проявлений в глобальную протестную волну. Во многих государствах прошли фасадные перестановки в исполнительной власти, а затем последовали беспрецедентно жесткие карантинные меры, которые окончательно свели на нет уличные выступления.

Генеральная медиатема в мировом масштабе в марте–апреле 2020 г. — вирусная пандемия — на глубоком уровне сознания сместила вектор социальных ожиданий: с общественного благосостояния и прогресса на личное выживание перед лицом грозных сил природы. Прагматизм сменился пессимизмом. Место «общественного договора», предполагающего ответственность политиков, заняли ощущение социального бессилия и делегирование «транслегитимных» полномочий [Бек, 2007: 117] государственным властям. Целые сообщества сковал страх перед опасностью пандемии, вытолкнувший на дальний план как понятие социальной справедливости, так и местные общественно-культурные традиции. Возможно, именно так выглядит пресловутая архаизация общественного сознания, которую прежде относили лишь к социумам с сильным влиянием традиций.

Теперь власти получили возможность эффективно сохранять общественный порядок, наделив себя правом угрожать карательными мерами, не прибегая ни к каким кодексам: население в массе своей уже не требует лучшего и признает «надправовое» право, довольствуясь имеющимся материальным уровнем или занявшись лихорадочным пополнением разного рода припасов. Те, кто в этих условиях находил, что «черный лебедь» пандемии размахом крыльев напоминает утку, рисковали остаться «белыми воронами». В любом случае, социальные протесты, нараставшие по всему миру несколько месяцев до начала введения карантинных мер, остались в невозвратном прошлом, а рефлексия протестных явлений будто бы утратила актуальность.

Причины ливанских протестов в октябре 2019 — феврале 2020 г.

Конечно, для исследователя вопрос анализа протестной волны остается существенным, несмотря на ее резкую остановку. Очень показательный пример в этом отношении представляет собой Ливан, где народные выступления, охватившие почти всё работоспособное население, продолжались много месяцев — с 17 октября 2019 г.³ Накопившиеся проблемы достигли предела в сознании населения, хорошо информированного об уровне жизни людей в разных частях мира. Сформулированный протестующими запрос на социальную справедливость обострил дебаты о самых базовых принципах общественно-государственного устройства. Было похоже, что ливанцы подхватили эту волну, пришедшую из Ирака⁴, где протесты начались всего на несколько недель раньше. Очень может быть, что сближающим оба эти случая стал фактор политического конфессионализма [Ливанский вариант ближневосточной демократии, 2019; Vaughan, 2018], который в Ираке также существует, причем в более жесткой форме, чем в Ливане⁵.

Иракские массовые демонстрации могли, конечно, стать для ливанцев поводом к выступлениям, но у них имелись и собственные причины для протестов, и весьма существенные. Уже несколько лет подряд простые ливанские семьи испытывали разнообразные трудности, для устранения которых власти делали недостаточно, будучи заняты, как казалось ливанцам, политическими играми. Многочасовые перебои в подаче электроэнергии, проблемы с утилизацией бытовых отходов, ухудшавшаяся экологическая ситуация из-за периодических лесных пожаров, нараставшая безработица, особенно среди молодежи, дороговизна жилья, телекоммуникационных услуг и образования, высокие тарифы на жилищно-коммунальное обслу-

³ Абу Зейд А. Время пошло. Успеет ли новое правительство Ливана доказать свою эффективность за 100 дней? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 30.01.2020. Доступ: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vremya-poshlo> (дата обращения: 04.01.2020).

⁴ Ali Z. Iraqis demand a country // Middle East Report. № 292/3 (Fall/Winter 2019). Available at: <https://merip.org/2019/12/iraqis-demand-a-country> (accessed: 10.04.2020).

⁵ Интересно, что некоторые аналитики связывают ливанский конфессионализм с якобы неолиберальным курсом страны: «Это стало массовым восстанием против неолиберализма в ливанском стиле — неолиберализма своего рода, разыгрываемого в контексте поддерживаемого элитой конфессионализма». См., например: Majed R., Salman L. Lebanon's Thawra // Middle East Report. № 292/3.2019. Available at: <https://merip.org/2019/12/lebanons-thawra> (accessed: 10.04.2020).

живание и топливо — вот только некоторые проблемные области, препятствовавшие социальной стабильности.

На повседневной жизни ливанцев сказывались и структурные проблемы в экономике Ливана, в частности нехватка собственных мощностей для выработки и эффективного распределения электроэнергии [Fardoun et al., 2012], повсеместные случаи незаконных подключений⁶ и бизнес-интересы «генераторной мафии», которая за дополнительные поборы с населения якобы восполняла нехватку электричества во время веерных отключений государственных электростанций. К этому следует добавить, что в результате работы устаревшего оборудования с низкими экостандартами на мазутных ТЭЦ и перегруженности главных автотрасс загазованность воздуха местами втрое превышала допустимый уровень⁷. Внешний госдолг Ливана стремительно рос, затягивая финансовую систему страны всё глубже в кредитную яму. Наконец, прозвучавший на весь мир ливанский «мусорный кризис» 2015–2017 гг. так и не был разрешен по существу.

Социальная напряженность нарастала и в связи с политическими кризисами во всех ветвях государственной власти за последние несколько лет, причем активисты от разных партий намеренно поддерживали напряжение, черпая в этом политические очки для межпартийной конкуренции. Лишь в феврале 2019 г., после длительного периода согласования распределения министерских портфелей⁸, заработало легитимное ливанское правительство «национального согласия», возглавляемое премьером Саадом Харири, который представлял парламентское меньшинство. Казалось, государственные институты в полной мере восстановили свою работу и могли бы начать решать реальные проблемы населения. Однако ситуация стала развиваться с точностью до наоборот.

Неудачи ливанской исполнительной власти в экономике и социальной политике перешли порог критической массы осенью 2019 г., когда правительство, явно превысив меру терпения народа,

⁶ Whewell T. Lebanon electricity crisis: Stealing power to survive // BBC News. 13.12.2019. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-50760043> (accessed: 10.04.2020).

⁷ McDowall A. Fixing Lebanon's ruinous electricity crisis // Reuters. 29.03.2019. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-lebanon-economy-electricity/fixing-lebanons-ruinous-electricity-crisis-idUSKCN1RA24Z> (accessed: 10.04.2020).

⁸ Batruni C., Hallinan M. Government (non-)formation in contemporary Lebanon: Sectarianism, power-sharing, and economic immobilism // Civil Society Knowledge Centre, Lebanon Support. 01.09.2018. DOI: 10.28943/CSKC.002.60002.

ввело дополнительные налоги: на табак и на пользование популярными приложениями мобильной связи. Люди вышли на улицы, обратив свой гнев в сторону недееспособных политиков. Сразу зазвучали призывы к отставке всего правительства.

Несмотря на моментальную отмену скандальных решений о новых налогах, народ не успокаивался. Требования протестующих формулировались не централизованно, но как бы в недрах общества, а потому оказались в целом общими для огромных масс разгневанных ливанцев. Впрочем, некоторые общественные движения над остроумными формулировками лозунгов работали целенаправленно, как, например, движение «Бейрут мадинати» («Бейрут — мой город»)⁹, но не смогли выйти в лидеры или стать авангардом протестной волны.

Подробные сведения о требованиях демонстрантов на начальном этапе «революции» имеются на портале некоего «Ливанского исследовательского центра», сотрудники которого обработали данные опроса, проведенного среди участников протестов 23–26 октября 2019 г. на Площади Риада Сольха и Площади мучеников (213 респондентов: 51% женщин, 59% лиц от 20 до 29 лет). Представленная на одной из диаграмм информация гласит, что на тот момент отставки госчиновников и депутатов (*истикалят аль-масулиин*) требовали 33% опрошенных, возврата украденных капиталов — 32, подотчетности политиков, банков и коррумпированных чиновников — 27, контроля и прозрачности — 6, независимости судов — 2%. На другой диаграмме представлено такое распределение: требования подотчетности — 32%, улучшения социального обеспечения — 19, политического представительства — 18, разные требования социально-экономического характера — 15, искоренения конфессионализма — 12, гражданских прав — 4%¹⁰.

При этом респонденты старше 30 лет, согласно источнику, несколько выше, чем молодежь 20–29 лет, ставили политическое участие, искоренение конфессионализма и гражданские права и намного ниже — требования социально-экономического характера

⁹ Большая подборка плакатов и другого иллюстративного материала, подготовленного этим движением, имеется на репозитории Американского университета в Бейруте. См.: American University of Beirut. Available at: https://scholarworks.aub.edu.lb/bitstream/handle/10938/21517/BeirutMadinati_tweets_20191017-20191130.zip?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 12.05.2020).

¹⁰ Lebanon protests — Oct. 2019. The Lebanese Center for Policy Studies (LCPS) // American University of Beirut. University Libraries. Available at: <http://aub.edu.lb/libguides.com/c.php?g=981597&p=7097207> (accessed: 01.03.2020).

(12 и 17% соответственно). Еще одной интересной особенностью распределения стало преобладание у мужчин политических требований: политического представительства (19 и 15%) и подотчетности государственных органов (35 и 31%), а у женщин — гражданских прав (6 и 2%) и социального обеспечения, в особенности образования (21 и 16%)¹¹.

Политические требования включали: смену правительства — 38%, новый избирательный закон — 30, проведение досрочных выборов — 14, смену политического истеблишмента — 12, глубокие реформы — 6%. Требования социально-экономического характера были сосредоточены вокруг следующих проблем: сложность трудоустройства — 41%, социальные пособия — 20, общий кризис в стране и высокие налоги — по 7, размер зарплаты и поддержка от правительства — по 6, расходы на проживание и проблема бедности — по 3%¹².

Протестное движение ширилось: в него были вовлечены разные возрастные и социальные группы, оно охватило различные районы страны с неоднородным конфессиональным составом населения. Демонстранты действовали на удивление методично, словно их главной целью было специально поставить страну на грань коллапса, чтобы как можно сильнее встряхнуть застоявшееся политическое поле. Они блокировали ключевые транспортные артерии Ливана, особенно столицы: дороги преграждали горящими покрышками, устанавливали импровизированные блок-посты, причем на активистов не действовали ни уговоры, ни гнев таких же, как они, простых ливанцев, направлявшихся к родственникам, спешивших на работу или перевозивших грузы. На новостных сайтах привычной стала рубрика «Информация о заблокированных дорогах».

Акции проводились буквально повсеместно — от самого севера страны до самого юга, от кварталов крупных городов с ключевыми автострадами до крохотных отдаленных населенных пунктов и небольших автодорог¹³.

Многomesячное нарушение нормального течения жизни протестными акциями наносило колоссальный ущерб и без того не-

¹¹ Ibidem.

¹² Ibidem.

¹³ Полезная информация о проводившихся акциях протеста по всему Ливану собрана на подробной интерактивной карте: Map of collective actions in Lebanon // The Civil Society Knowledge Centre. Available at: https://civilsociety-centre.org/cap/collective_action?fbclid=IwAR3o4pmZKDz9Ju_Hixk11z59ddLLc-bkHjiS5rbSpJb0C_DHDYfkodViAP0 (accessed 29.05.2020).

прочной ливанской экономике. Внутренних ресурсов для выправления ситуации не хватало: дефицит бюджета в Ливане значительно увеличивался на протяжении нескольких лет, страна столкнулась с серьезным фискальным дисбалансом, рост государственного долга приближался к 5% [Araji et al., 2019: 76–77]¹⁴.

Отличительные черты протестной волны в Ливане

Несколько особенностей выделяют ливанские протесты из ряда других, пронесшихся по миру в конце 2019 г. (в Ливане их наиболее активная фаза продолжалась вплоть до конца января 2020 г.).

1. Не просто массовый (почти всё трудоспособное население страны), а подлинно надобщинный характер протестных акций: в них участвовали представители всех религиозных общин Ливана. Не наблюдалось привычного размежевания по партийному признаку, обычно отягчаемого кланово-конфессиональными различиями. Даже напротив, протестующие выражали свое недоверие политическим партиям, призывая к обновлению политической системы в целом. Наблюдались и встречные попытки — со стороны партий — дискредитировать протестное движение. Сообщалось, например, о выявленных провокаторах (якобы из «Хизбаллы»), которые пытались вызвать беспорядки¹⁵, а также о серьезной стычке уже на 100-й день протестов (25 января в столичном южном пригороде Джнахе) между демонстрантами и сторонниками партии «Амаль»¹⁶.

2. Целенаправленные акции не только против конфессионального принципа ливанской политики, но и против созданного по этой схеме правительства. Однако в ходе протестов обошлось без привычного в

¹⁴ Впрочем, группа ливанских ученых пришла к выводу, утешительному для ливанской экономики, хотя, на первый взгляд, парадоксальному. Полагая, что только прямые иностранные инвестиции (ПИИ) стимулируют экономическую активность, а банковские кредиты и сбор налогов, наоборот, препятствуют росту экономики, они доказывают, что «замедление экономической активности может стимулировать ПИИ по мере снижения стоимости капитала и рабочей силы» [Awdeh et al., 2019: 54]. Таким образом, по их логике, удешевление рабочей силы в Ливане (в том числе за счет сирийских беженцев?) дает надежду на приток ПИИ, а впоследствии и на экономический подъем.

¹⁵ Об этом было много информации в соцсетях. О подобных фактах сообщали также медиа, например: Ливанская армия пресекла провокацию шиитских организаций // Голос ислама. 23.10.2019. Доступ: <https://golosislama.com/news.php?id=37412> (дата обращения: 30.10.2019).

¹⁶ Сведения об этом содержались, в частности, в референтуре МИД РФ по Ливану («Хроника событий»), направляемой российским посольством в Бейруте.

других странах (например, во Франции) открытого противостояния демонстрантов и государственного аппарата подавления. Действия полиции и армейских подразделений, участвовавших в урегулировании ситуации, были на удивление сдержанными, словно силовики давали понять протестующим, что и они сами представляют ливанский народ с его наболевшими проблемами. И это несмотря на факты бесчинства манифестантов, стычки и беспорядки при блокировке ключевых автодорог и просто на улицах городов. Были даже случаи, когда группы протестующих жестко пресекали действия своих же «активистов», направленные против сил безопасности¹⁷. Это очень контрастировало с жесткостью властей в некоторых других странах.

3. Не только социально-экономические, но и отчетливые политические требования, которые почти сразу стали ведущими: протестующие призывали власти к «чистым» демократическим реформам и отходу от системы политического конфессионализма. По сути, речь шла о требовании демократических преобразований в Ливане на светской основе (*аль-маданийя*). Это, кстати, должно стать сюрпризом для историков, убежденных в неизменно «восточных» чертах ливанского общественно-политического устройства¹⁸, в исконно присущем ему «согласительном», консоциальном характере. Ливанская модель политического устройства давно привлекает внимание исследователей¹⁹, однако в политологической литературе тема взаимосвязи консоциальных принципов с феноменом конфессионализма в целом еще недостаточно разработана. В этой связи призывы к отказу от данной модели, ясно прозвучавшие на гребне демократической протестной волны в Ливане, могут послужить дополнительным импульсом к ее более глубокому и серьезному изучению.

¹⁷ Такие явления имели место и на юге страны, и в столичном районе (например, в ходе беспорядков в бейрутском даунтауне 17 января). Печальный антирекорд по числу раненых был поставлен на следующий день, когда госпитализированы оказались 377 человек, в том числе сотрудники сил безопасности. См. (со ссылкой на AFP): Charting three months of protest, from large-scale gatherings to riots // The Daily Star. 20.01.2020. Available at: <https://www.dailystar.com.lb/News/Lebanon-News/2020/Jan-20/499557-charting-three-months-of-protest-from-large-scale-gatherings-to-riots.ashx> (accessed: 30.10.2019).

¹⁸ Например, Л.Б. Алаев пишет о Ливане и Малайзии: «Мне кажется, что метод установления квот и достижения договоренностей о разделении полномочий может считаться типовой формой установления восточной демократии» [Алаев, 2019: 391].

¹⁹ См. подробнее: [Сарабьев, 2019; Ливанский вариант ближневосточной демократии, 2019].

Тактика ливанских политиков

Немедленной реакцией правительства Ливана на массовые митинги 17 октября 2019 г. была отмена решений, послуживших поводом для выступлений. В течение суток были отменены новые налоги²⁰. Вскоре зазвучали даже популистские предложения сократить вдвое зарплату всем чиновникам госаппарата²¹.

Деятели ведущих ливанских партий, депутаты разных фракций как один выступали с выражением сочувствия ливанцам, вынужденным выйти на улицы, чтобы добиться справедливости. Вскоре с подобными речами обратились к протестующим и церковные иерархи, в первую очередь «патриарх Ливана» (маронитский патриарх и католический кардинал) Бишара Бутрос ар-Раи²².

Следующим заметным шагом со стороны властей стало решение о сложении полномочий главы кабинета министров. Он объявил об этом в конце октября²³. Однако последующие действия С. Харири заставляли усомниться в искренности его намерений: он и его министры еще месяц занимали свои посты (в статусе исполняющих обязанности), поэтому протестующие продолжали требовать назначения нового премьера и отставки «коррумпированного правительства».

Еще через месяц, на исходе 2019 г., назначенный новый глава правительства Хасан Диаб объявил об откладывании на январь рассмотрения вопроса о составе будущего кабинета министров. В практической плоскости это означало, что прежние министры и дальше оставались на своих местах. Экс-премьер также фактически продолжал играть ведущую роль в исполнительной власти. Более того, он взял на себя и внешнеполитические функции вместо став-

²⁰ Халиль бад лика аль-Харири: тамм ат-такид аля инджаз аль-мувазана бидун ай дариба ау русум джадида [Халиль после встречи с Харири: дано заверение, что бюджет будет сверстан без каких-либо новых налогов или сборов] // Ан-Нашра. 19.10.2019. Available at: <https://www.elnashra.com/news/show/1357345/-خليل-بعدلقاء-الحريير-يتم-التأكيد-على-إنجاز-الموازنة-تجب> (accessed: 31.10.2019).

²¹ Chehayeb K., Sewell A. Why protesters in Lebanon are taking to the streets // Foreign Policy. 02.11.2019. Available at: <https://foreignpolicy.com/2019/11/02/lebanon-protesters-movement-streets-explainer> (accessed: 12.02.2019).

²² Ар-Раи akkaд тадаманаха ма' аль-мутазахирин ва да'а ли-ль-мухафаза аля сильмия ат-тазахир [Ар-Раи подтвердил свою солидарность с демонстрантами и призвал поддерживать мирный характер демонстраций] // Ан-Нашра. 18.10.2019. Available at: <https://www.elnashra.com/news/show/1356970/-الرعي-أكدتضامنه-مع-المتظاهرين-ودعا-للمحافظة-على-سبلم> (accessed: 12.12.2019).

²³ Его кабинет министров был сформирован лишь в начале года и озвучил свою программу 15 февраля 2019 г., т.е. проработал фактически 8,5 месяца.

шего крайне непопулярным и.о. главы МИД Джубрана Басиля. Так, именно С. Харири стоял за обращением в первых числах декабря 2019 г. к России, Соединенным Штатам, Саудовской Аравии, Египту, Англии, Франции, Италии, Испании, Китаю и Турции с просьбой о предоставлении товарных кредитов; именно он, а не уже избранный большинством депутатов (19 декабря) и одобренный президентом новый премьер и не и.о. главы ливанского МИД участвовал во встречах с прибывшим 20 декабря в Бейрут заместителем американского госсекретаря по политическим вопросам²⁴.

Вообще, многие заметные политики оставались на виду у массмедиа, несмотря на ключевое требование демонстрантов о тотальной смене действующих лиц политической арены: «Келлон я'ни келлон» (ливанский диалект араб. яз.: «Все — значит все»). Изменения такого рода ожидалось в Ливане давно — можно сказать, с начала «арабской весны», однако серьезного обновления состава властных кругов не происходило [Alianak, 2014: 161]. Сохранялась типичная для многих восточных стран, в особенности для Ливана, ситуация, когда вес и значение политика зависят от его поддержки определенными кланово-конфессиональными кругами, чьи интересы он в свою очередь и отстаивает [Алаев, 2019: 408].

В этих условиях реализованный ливанскими властями проект нового правительства «технократов», во главе которого и встал Х. Диаб, вызывает целый ряд вопросов. Почему этот проект вообще стал возможен? Только ли жесткость требований демонстрантов вынудила к нему прибегнуть? Какие способы подстраховки ведущие политики приберегли для себя, пойдя на этот шаг? Все эти вопросы нуждаются еще в дополнительном изучении, но уже сейчас можно сформулировать ряд предварительных наблюдений и выводов.

Во-первых, масштабы протестов не оставляли иного выхода, кроме смены правительства. При этом фигура нового премьера, профессора информатики, проректора Американского университета Бейрута, должна была удовлетворить требованиям протестующих, поскольку формально он не был связан ни с одной из ливанских партий.

Во-вторых, к смене кабинета министров подталкивали не только внутриливанская логика политической борьбы, но и настойчивые рекомендации извне. Для ливанской политической истории недавнего прошлого вообще были характерны частые смены министерского состава в кризисных ситуациях. С помощью политических роки-

²⁴ По данным референтуры МИД РФ по Ливану за декабрь 2020 г.

ровок обеспечивалась ротация доступа к властным ресурсам, чем смешивались карты оппозиционных блоков. Для населения страны они были призваны нести каждый раз новую надежду на перемены к лучшему. Что же касается установки на смену состава правительства извне, то, в частности, Международная группа поддержки Ливана (с Францией и ООН в качестве сопредседателей) призывала к скорейшему формированию нового правительства, ставя даже в зависимость от этого насущный вопрос предоставления Ливану финансовой помощи²⁵.

В-третьих, сколь ни замкнут высший политический клуб Ливана, всё же элиты пошли на формирование кабинета не из профессиональных политиков, а из специалистов (хотя, конечно, аффилированных с рядом ведущих партий), поскольку, по всей видимости, сочли риски для себя минимальными. Круги, близкие к президенту Мишелю Ауну, посчитали наилучшим поддержать состав «нейтрального правительства технократов», которое, судя по всему, обещало действовать в соответствии с политической линией главы государства, и это должно было способствовать закреплению указанных кругов на ключевых государственных постах. В свою очередь экс-премьер С. Харири, его единомышленники и партии, близкие к политической линии блока «Мустакбаль», могли рассчитывать, что в сложившейся тяжелой ситуации во всех отраслях ливанской экономики и на фоне трудного финансового положения новому правительству не удастся добиться заметных улучшений в краткосрочной перспективе, а это позволит переложить ответственность за бездействие прежних министров в глазах протестующих на новый кабинет. С. Харири даже выразился, что «дает» новому составу правительства 100-дневный срок для того, чтобы оно показало себя в действии, после чего собирается вернуться к активным политическим шагам²⁶.

Новый кабинет поспешил заявить о намерении провести за эти 100 дней первый (из трех) этап запланированных реформ, которые

²⁵ Ливан — Рабочее совещание Международной группы поддержки Ливана (11 декабря 2019 г., Париж) // Министерство Европы и иностранных дел. Доступ: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/dossiers-pays/liban/evenements/article/liban-reunion-de-travail-du-groupe-international-de-soutien-au-liban-11-12-19> (дата обращения: 20.01.2020).

²⁶ Аль-Джаммаль Р. Миат яум аля аль-хукума аль-любнания: ихфакат ва ин-тикасат [Сто дней ливанскому правительству: провалы и неудачи] // Аль-араби аль-джаид, 22.05.2020. Available at: <https://www.alaraby.co.uk/politics/2020/5/21/100-اليوم-على-الحكومة-اللبنانية-إخفاقات-و-انتكاسات> (accessed: 26.05.2020).

должны были коснуться и экономики, и финансово-банковской сферы, и борьбы с коррупцией, и общественной безопасности, и энергетики, и многих других направлений²⁷.

Правительство реформ

Процесс формирования нового кабинета министров проходил в обычном для ливанской политики режиме «консоциации»: долго и напряженно политические силы согласовывали распределение своих ставленников по министерским постам в «независимом правительстве технократов». Звучали и курьезные предложения. Например, друзкий лидер Валид Джумблат выступил 9 января с инициативой назначить на пост министра энергетики и водных ресурсов скрывшегося в Ливане от японского правосудия Карлоса Госна, бывшего многолетнего и эффективного руководителя альянса Renault — Nissan — Mitsubishi.

Состав нового правительства под председательством премьера-суннита Х. Диаба был утвержден президентом М. Ауном 21 января 2020 г. Из 20 членов кабинета 6 были женщины. В конфессиональном отношении портфели были распределены так: 5 министров-маронитов, 4 шиита, 4 суннита, 2 православных, 2 друза, 2 греко-католика, 1 армяно-григорианка²⁸ (правда, сначала были и другие предложения по составу, отвергнутые впоследствии: маронитам, православным и суннитам — по 4 министерских портфеля, шиитам — 3, друзам — 2, католикам — 1; или такая схема: маронитам, шиитам и суннитам — по 4, православным — 3, друзам, католикам и армяно-григорианам — по 1). Едва ли можно считать случайной такую пропорцию по конфессиям, учитывая, насколько она близка к реальному религиозно-конфессиональному составу населения: видимо, и на этот раз не обошлось без конфессиональных квот, пусть и неформальных.

В адресованном президенту и депутатам программном заявлении правительства говорилось, что «его министры признают принципы государственного суверенитета, разделения властей и передачи власти, а также свое внеконфессиональное видение [*пу'я гайр ат-*

²⁷ Аль-байян аль-визари [Министерское послание] // Маджлис аль-вузара аль-любнани. 21.01.2020. Available at: <http://www.pcm.gov.lb/Library/Images/Hok76Ministers/w76n.pdf> (accessed: 26.05.2020).

²⁸ Аль-и'лян ан ташкиль аль-хукума аль-любнанийя [Объявление о формировании ливанского правительства] // Амад ли-ль-и'лям. 21.01.2020. Available at: <https://www.amad.ps/ar/post/333021> (accessed: 26.05.2020).

та'ифийя], соответствующее принципам гражданственности и социальной справедливости»²⁹. Но на поверку правительство было создано в соответствии с обычным для Ливана конфессиональным распределением, и призывы протестующих к отмене принципа конфессионализма даже в этом моменте не были учтены.

В итоге, хотя правительство и провозглашалось как независимое и надпартийное, его сразу стали воспринимать как близкое к ведущему альянсу, включающему «пропрезидентское Свободное патриотическое движение [СПД] и шиитский тандем “Амаль” — “Хизбалла”»³⁰. Для этого были основания: 6 портфелей достались представителям СПД (блок «Сильный Ливан»), по 2 портфеля получили члены «Хизбаллы», «Амаль» и «Марады» (бывший альянс «8 марта»), 2 оказались беспартийными (включая главу правительства), 4 министра были назначены премьером (3 суннитов и 1 маронит), 1 представляла партию «Дашнакцутюн», 1 — Демократическую партию³¹.

Ни движение «Мустакбаль», ни «Ливанские силы», ни «Катаиб», ни прочие члены бывшего альянса «14 марта» не вошли в правительство. Они словно пошли ва-банк, предоставив кабинету большинства все возможности для того, чтобы приступить к решению громадных по своему масштабу проблем. Этот их шаг позволяет сделать два предположения. Во-первых, они, по всей вероятности, готовили свой ответный «сильный ход» после предполагавшегося ими провала «правительства технократов». Во-вторых, ожидания тех, кто возлагал надежды на изменение конфессионально-кланового принципа ливанской политики и демократизацию политического поля, остались за порогом наступившего года: произошло, напротив, углубление политического разделения сторон, группирующихся вокруг обладавших властными и материальными ресурсами лидеров: президента М. Ауна (а также оказавшихся несколько в тени могущественных фигур Х. Насраллы («Хизбалла») и Н. Берри («Амаль»)), с одной стороны, и С. Харири с дружественными ему кланово-партийными лидерами — с другой. Не исчезла и явная опора этих групп на соответствующие внешние силы, против чего (т.е. против компрадорства) также выступали ливанцы.

²⁹ Аль-байян аль-визари.

³⁰ Президент Ливана утвердил состав нового правительства // ТАСС. 22.01.2020. Доступ: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7574153> (дата обращения: 30.01.2020).

³¹ Об основных ливанских политических силах см. подробнее: [Сарабьев, 2015].

Прибой и спад протестной волны

Зимой 2020 г. в Ливане не ослабевали протестные акции, в которых участвовали самые разные конфессиональные группы населения, объединенного уже не только недовольством новым составом правительства, но и вообще конфессиональным принципом устройства ливанской политики. В середине января, в ключевой момент обсуждения кандидатур на министерские посты, протестующие объявили даже новый виток своей активности, который, как обещали, превзойдет по интенсивности все прежние акции. Теперь протесты шли преимущественно под лозунгами отмены системы политического конфессионализма как таковой, проведения глубоких демократических преобразований и перехода к социально ориентированной государственной политике, устранения сегрегации и всепроникающей конфессионально-политической конкуренции. Конечно, требования протестующих касались и иных проблемных пунктов, о которых мы упоминали ранее (высокие налоги, безработица и т.д.), но уже в несколько меньшей степени.

Люди, воодушевленные началом преобразований, надеялись на то, что в их стране запущен процесс, который в политологии обычно обозначается размытым понятием «переход». Дело осложнялось тем, что этот принятый в транзитологии термин трудно применим к ливанскому случаю: в самом деле, что конкретно должно предполагать «углубление демократизации» (а тем более — «демократический транзит») в таком обществе, как ливанское, где уже существует почти абсолютная свобода СМИ, открыто действуют политические партии самого разного толка, соблюдаются все формальные демократические процедуры, а важнейшие политические решения вырабатываются путем консенсуса?

Для многих было ясно: вероятность того, что ливанские протесты смогут привести к отходу от конфессионально обусловленной системы политического участия, очень невелика. Помимо объяснимого сопротивления политического истеблишмента имеется и другая веская причина. Дело в том, что участники протестов сами в разном качестве входят в состав клиентельных сетей и внутриобщинных связей (родственных, соседских, деловых). По мнению специалистов, самоопределение большинства ливанцев (или, иначе, идентичность, социокультурная память [Rocci, 2019: 12; Salloukh, 2019; Szekely, 2014: 107]) является в первую очередь самоопределением общинным, а уже во вторую — общенациональным, ливанским. Авторы

исследования коллективной памяти из Ливано-американского университета (ЛАУ, Бейрут) справедливо замечают: «Ливанский случай показывает, что общины нередко имеют два противоположных дискурса общей памяти, создавая по ходу внутреннее и внешнее “иное”. И конкуренция сводится к тому, чтобы доминировать, во-первых, в дискурсе памяти соответствующей общины, а во-вторых, и на национальном уровне, оспаривая другие общинные дискурсы в единой памяти ливанской нации» [Aboultaif, Tabar, 2019: 109].

Подобные особенности подмечают и авторитетные отечественные востоковеды. В частности, Л.Б. Алаев среди прочих политических традиций, присущих восточным обществам вообще, выделяет отличное от европейской политической культуры отношение к (1) социально-политическим «новшествам», (2) сущности власти (освященность традицией или даже сакральность), (3) ее преемственности, (4) фаворитизму, (5) кланово-групповой организации политического поля, (6) неотделимости политики от религии, (7) возможности существования формальной демократии при фактическом деспотизме, или квазидемократии [Алаев, 2019: 408–409, 389]. Эти характеристики внутренне противоречивы и обнажают, с одной стороны, социально-групповую идентичность (социокультурную память), а с другой — державную, общегосударственную, причем обе они находятся в постоянном конфликте друг с другом.

В соответствии с этими двумя краеугольными камнями самоопределения, как писала в ноябре 2019 г. исследовательница из ЛАУ Тамирас Фахури, народные выступления будут перерастать во всё более организованные акции по двум возможным «стратегиям» протестующих: «Они либо успешно ведут переговоры с политическим классом, который соглашается на постепенный переход, либо они вызывают внутриэлитные разногласия, вынуждающие некоторых ключевых политических игроков покинуть истеблишмент и присоединиться к протестующим» [Fakhoury, 2019b: 5]. Оба этих варианта в своей основе содержат деструктивное ядро, предполагающее подрыв сложившейся системы отношений на внутривнутриполитической арене. Вместо нее должна была быть представлена ясная программа новой организации ливанской политики — видимо, от лица интеллектуального авангарда протестующих.

Однако ни программы, ни состава такого авангарда не просматривалось. Сама автор прогнозов признавала: «...протестное движение еще не определило траекторию политического перехода Ливана» [Fakhoury, 2019b: 5]. Таким образом, оба представленных

ученой прогноза оказались беспочвенными и соответственно не сбылись, а такие признаки протестной волны в Ливане (как, кстати, и во Франции), дающие повод для демократического оптимизма, как отсутствие интересов конкретного лидера и горизонтальный характер политических акций, были недостаточными для успеха.

К тому же у протестующих не было понимания (возможно, как раз в силу отсутствия единого центра) способа координации своих действий с движениями, условно называемыми «группами гражданского общества» (такими как, например, упомянутая «Бейрут мадинати» или выделившаяся из ее среды политическая группа «Ли балади»³²). Ливанский обозреватель Низар Хасан писал, что активисты таких групп, приняв решение участвовать в парламентских выборах, «переносят битву с улиц в парламент», и это поднимает вопрос о взаимосвязях между политическими оппозиционными силами и более широкими общественными движениями. Можно согласиться с экспертом в том, что разобщенность этих мобилизующих субъектов, как правило, не согласующих друг с другом организацию совместных действий, сама по себе усиливает фрагментацию гражданского пространства³³.

Еще в 2016 г., основываясь на данных социально-психологических опросов, ученые делали вывод, что «изменение социальной системы, т.е. резкое реформирование или замена существующего конфессионализма на эгалитарную альтернативу, дало бы благоприятные результаты, улучшило бы межгрупповые отношения в Ливане» [Badaan et al., 2020: 142]. В сознании граждан эта мысль назрела как основополагающая для реформ во многих областях жизни общества, и она отчетливо была выражена в ходе протестов осенью 2019 г. — зимой и весной 2020 г.

Позитивные сдвиги в общественной организации востребованы обществом, и предчувствием таких преобразований давно делятся политологи как в самом Ливане, так и за его пределами. Однако звучат признания, что никто не в силах предсказать временные рамки для глубокой демократической трансформации страны и реформы, возможно, не будут воплощены в ближайшем будущем [Makdisi, El

³² El-Hage A.-M. 'Li Baladi', un mouvement politique est né // L'Orient le Jour. 18.01.2018. Available at: <https://www.lorientlejour.com/article/1094934/li-baladi-un-mouvement-politique-est-ne.html> (accessed: 20.01.2020).

³³ Hassan N. Collective action digest // The Civil Society Knowledge Centre. 04.02.2020. Available at: <https://civilsociety-centre.org/digest/collective-action-digest-4-february-2020> (accessed: 20.03.2020).

Khalil, 2017: 268]. По данным процитированных выше ученых, оправдание частью ливанцев конфессиональной системы (sectarian system justification) напрямую коррелировало с противодействием равенству (opposition to equality), социально-экономическим консерватизмом и групповым фаворитизмом [Badaan et al., 2020: 141]. Это означает, что сторонники конфессионализма будут защищать устаревшие, но дающие им привилегии формы политического участия.

Конфессиональный принцип политического представительства, с одной стороны, ослабляет горизонтальные общественные связи, дезинтегрирует страну, с другой — подталкивает властные верхи к изоляции от простых граждан и маргинализирует повестку последних, а значит, основания для социальных протестов в дальнейшем остаются.

Кроме того, социальные и экономические проблемы Ливана по-прежнему находятся в зависимости от внешней опеки, связанной, как правило, с интересами конфессионально обусловленных сил в регионе. Т. Фахури в этой связи пишет, что внешнее покровительство не способствует социальным реформам, но, напротив, «побуждает элиту разыгрывать “конфессиональную карту” и использовать внешние кризисы как возможности для получения рычагов влияния» [Fakhoury, 2019a: 19]. К внешним импульсам можно отнести, например, воздействие саудовско-иранских отношений на политические конфигурации ведущих ливанских альянсов. Но и такие непривычные пока объекты научного анализа, как экономические и социально-политические последствия пандемии 2020 г. и вызванного ею «глобального локдауна», способны стать внешними импульсами внутривнутриполитических изменений — теми кризисами, которые могут быть использованы политиками как «рычаги влияния» в конкурентной борьбе.

Консоциональное «единство противоположностей»?

Тем временем в конце апреля завершался срок в 100 дней, в который новое правительство обещало провести первый этап реформ. Экс-премьер С. Харири, предоставивший якобы этот срок новому кабинету министров, еще 10 апреля подводил неутешительный итог его работы: «Готовившему план экономического спасения [*хуттат инказ иктисади*] правительству мы решили предоставить льготный период в ожидании, что сможем судить об этом обещанном плане, но, похоже, оно движется к плану экономического самоубийства [*хуттат интихар иктисади*], построенному на отъеме депонированных

в банках денег ливанцев». Звучала и угроза: «Скоро мы заговорим по-другому, если вопрос не будет улажен»³⁴.

Между тем выполнение намерений правительства Х. Диаба могло угрожать судебными разбирательствами многим политикам-бизнесменам, ведь одним из пунктов его плана было следующее: «Следить за расследованиями и принимать необходимые меры в отношении денежных средств, которые были переведены за границу до и после 17 октября 2019 г., и проверять на соответствие действующему законодательству процедуру переводов и их источники»³⁵. С. Харири, имеющий иностранные гражданства и бизнес за рубежом, вполне мог оказаться мишенью такого рода нападок, причем на законных основаниях.

Можно было бы отнести прозвучавшую угрозу экс-премьера «заговорить по-другому» на счет обычной риторики политической конкуренции, если бы не одно обстоятельство, которое ставит под вопрос вообще серьезность последней. Внешне политическое поле Ливана выглядело глубоко расколотым: победившее якобы большинство сформировало свое правительство, в которое не вошла так называемая непримиримая оппозиция. Однако ни для ливанцев, ни для зарубежных обозревателей не было секретом, что уже несколько месяцев подряд отмечалось потепление взаимоотношений движения «Мустакбаль» и «Хизбаллы» — главных оппонентов, ориентирующихся в свою очередь на оппонентов региональных — Саудовскую Аравию и Иран, соответственно. Хотя по мере активных действий, предпринимаемых новым правительством Х. Диаба, к весне 2020 г. С. Харири и проявлял все больше признаки непримиримой оппозиции, многое указывало на то, что взаимопонимание между ведущими политическими лагерями сохраняется. Например, Хусейн Аси, автор аналитического материала на эту тему, писал в начале апреля 2020 г., что наблюдаемый внешний разлад в отношениях («освобождение», *тахаррур*) между «Хизбаллой» и «Мустакбаль» легко переоценить, причем многие были даже убеждены, что их «сосуществование в согласии» (*аль-мусакана*), пусть и в относительном, продолжается. По мнению обозревателя, «Хизбалла» осознавала, что нельзя сбрасывать

³⁴ Аль-Харири: йабду ан аль-хукума таттаджаху ли-хуттат интихар иктисади мабнийя аля масади амваль аль-любнанийин [Аль-Харири: «Похоже, что правительство движется к плану экономического самоубийства, основанного на изъятии денег у ливанцев»] // Ан-Нашра. 10.04.2020. Available at: <https://www.elnashra.com/news/show/1404694/الحريري-يبدو-أن-الحكومة-تتجه-لخطأ-انتحار-اقتصادي-مبن-> (accessed: 20.04.2020).

³⁵ Аль-байян аль-визари. С. 7.

сывать со счетов С. Харири как масштабную политическую фигуру, а тот в свою очередь отдавал себе отчет, что для возвращения в Дом правительства (Серай) ему не обойтись без «благословения» (*аль-мубарака*) «Хизбаллы», даже если «другие его сторонники» гарантируют ему это³⁶.

Если же вернуться к периоду, непосредственно предшествовавшему ливанским протестам, то Х. Аси называет его и вовсе «медовым месяцем», когда в составе кабинета, возглавляемого С. Харири, министры от «Хизбаллы» были «первыми его сторонниками и, возможно, даже “сетью безопасности”, на которую он мог опираться в своих вероятных баталиях внутри и вне правительства»³⁷. Положение не поменялось и во время функционирования совета министров в качестве и.о. — как минимум вплоть до соглашения о выдвижении в середине декабря 2019 г. Х. Диаба как преемника.

Таким образом, практически весь период активных протестов в Ливане два ведущих полюса ливанского политического истеблишмента сохраняли относительное единство и согласие, которое получило даже особое название — «сковывание конфликта» (*рабт ан-низа*), т.е. заморозка долгих напряженных взаимоотношений этих главных оппонентов. Последовавшие жесткие карантинные меры внесли свои коррективы в политический расклад, но изменили они его всерьез или нет — остается вопросом, поскольку сохраняется неопределенность региональной политической диспозиции в условиях «кризиса пандемии».

Заморозка протестов, сроков и ответственности...

Демонстрации продолжались и в третьей декаде января — в период выработки бюджета на текущий год, но уже скоро смена общемировой парадигмы привела к сворачиванию протестов. На первый план вышла борьба с коронавирусом, которая в Ливане велась с самых первых случаев заражения с применением очень жестких карантинных мер. Интересно, что большинство ливанцев заразились от прибывших из европейских стран (в частности, из британской столицы).

Специальным правительственным указом от 15 марта 2020 г. была объявлена «всеобщая мобилизация для борьбы с коронавиру-

³⁶ Аси Х. Халь интахат мархалят «рабт ан-низа» байна Хизбалла ва аль-Мустакбаль? [Завершился ли этап «сворачивания конфликта» между Хизбаллой и Мустакбаль?] // Ан-Нашра. 09.04.2020. Available at: <https://www.elnashra.com/news/show/1404221/?الله-المستقبل>! (accessed: 20.04.2020).

³⁷ Там же.

сом». Юридическая зыбкость такой формулировки, как «всеобщая мобилизация» (*ат-та'би'а аль-'амма*), потребовала разъяснений на высоком уровне, и они были даны в форме конкретных инструкций от лица главы правительства уже через неделю. Премьер заявил, что эти инструкции сформулированы «на основе предложений министра обороны, министра внутренних дел и муниципалитетов, министра здравоохранения, министра промышленности и министра экономики и торговли»³⁸ (т.е. подчеркивал авторство кабинета министров, не упомянув ни парламент, ни даже президента Ливана).

Основной акцент в распоряжении Х. Диаба был сделан на «обязательстве оставаться в своих домах и не оставлять их, за исключением крайней необходимости, а также ради предотвращения разного рода собраний в общественных местах и на частных территориях», и на «принятии неотложных необходимых мер для судебного преследования нарушителей в компетентных судебных органах»³⁹. Этот тезис повторялся дважды, и для его подкрепления оговаривалось использование сил армии и спецслужб: представить экстренные планы реализации упомянутой статьи указа поручалось «руководству армии, Главного управления сил внутренней безопасности, Главного управления общей безопасности, Главного управления государственной безопасности, муниципальной полиции и муниципальных профсоюзов»⁴⁰. Коллапс всей хозяйственной, социальной и культурной жизни страны стал реальностью ливанцев, но объявленные меры (карантин, lockdown) оказались действенными.

Еще через две недели, в первой декаде апреля, власти решили ужесточить ограничение на передвижения граждан: МВД опубликовало списки номеров автомобилей, которым было разрешено перемещаться по определенному графику⁴¹. На рядовых жителей распространялись беспрецедентные меры комендантского часа,

³⁸ Карар ли-Диаб тадаммун та'лимат татбикийя ли-и'лян ат-та'би'а аль-'амма [Постановление Диаба, содержащее практические рекомендации к исполнению Указа о всеобщей мобилизации] // LBC news. 22.03.2020. Available at: <https://www.lbcgroup.tv/news/d/corona-virus/التهنئة-الاعلان-تعليمات-تطبيقية-لاعلان-التعبئة-الع>/ar (accessed: 20.04.2020).

³⁹ Там же. Ст. 1.

⁴⁰ Там же. Ст. 2.

⁴¹ Сообщали, например, что в г. Триполи даже для передвижения адвокатов со служебными целями защиты подсудимых адвокатская коллегия была вынуждена составить специальное обращение на имя министра юстиции, а та в свою очередь делала запрос на имя президента.

нарушителям грозили аресты⁴². Между тем, по данным Всемирной организации здравоохранения, подтвержденных случаев заражения в стране с 22 февраля по 11 апреля 2020 г. было зафиксировано 609, а случаев гибели от этой болезни — 20⁴³ (важно, что на тот момент не было зарегистрировано ни одного случая заражения среди беженцев или перемещенных лиц).

В условиях жесткой изоляции, транспортной блокады и остановки производств в очередной раз пострадали наименее обеспеченные слои населения. Например, множество водителей общественного транспорта остались без работы и средств к существованию. В Триполи они провели сидячую забастовку с требованием к МВД запустить движение автотранспорта⁴⁴.

Впрочем, при таком количестве блокпостов и активном патрулировании страны военными и силами безопасности серьезных акций протеста можно было уже не бояться. Хотя министр по социальным делам Рамзи аль-Машрафие и упоминал о взрывоопасности ситуации⁴⁵, людей держал в домах уже не столько страх перед репрессивными мерами, сколько серьезные опасения пополнить печальную статистику зараженных. Подобная «автостабилизация» общественной ситуации заставила население надолго забыть о лозунгах недавних протестов.

Тем временем легислативная «заморозка» продолжалась. Не решившись ввести в стране режим чрезвычайного положения, правительство всё же выдвинуло неоднозначные законодательные инициативы. 9 апреля 2020 г. министры направили на утверждение в парламент законопроект о приостановке юридических и судебных сроков.

⁴² Любнан йушаддид иджра'ат ман' ат-таджаввуль [Ливан усиливает меры по ограничению передвижения] // Аш-Шарк аль-Авсат. № 15106. 07.04.2020. Available at: <https://aawsat.com/home/article/2220626/لبنان-يشدد-إجراءات-منع-التجول> (accessed: 20.04.2020).

⁴³ Lebanon. Last updated: 11.04.2020, 2:00pm // World Health Organization. Available at: <https://who.sprinklr.com/region/emro/country/lb> (accessed: 20.04.2020).

⁴⁴ Любнан йушаддид иджра'ат ман' ат-таджаввуль.

⁴⁵ В качестве меры со стороны своего министерства он объявил о предоставлении пособия малообеспеченным семьям в размере 400 тыс. л.ф. (256 долл.) на семью, которое направляли 44–47 тыс. семей, что вместе с другими пособиями охватывало около 150 тыс. ливанских семей, получавших государственную помощь. См.: Пола А. Вазир аш-шу'ун аль-иджтима'ийя аль-любнани: на'маль ли-таджаннуб аль-инфиджар [Ливанский министр по социальным делам: мы работаем над тем, чтобы не допустить взрыва] // Аш-Шарк аль-Авсат. № 15106. 07.04.2020. Available at: <https://aawsat.com/home/article/2220471/وزير-الشؤون-الاجتماعية-اللبناني-نعمل-لتجنب-الانفجار> (accessed: 20.04.2020).

Показательно, что вновь в документе правительства звучала дата начала ливанских протестов. Законопроект предполагал, что «в период с 18 октября 2019 г. по 30 июня 2020 г. приостанавливается действие всех юридических, судебных и договорных сроков [та'лик аль-мухаль аль-канунийя ва-ль-када'ийя ва-ль-'акдийя], предоставляемых лицам с публичными и частными правами для осуществления всех видов прав, независимо от того, являются ли эти сроки формальными или процедурными, либо распространяются на основании права; решение включает приостановку сроков гражданских, коммерческих и уголовных дел; указанные сроки будут возобновлены после окончания их приостановки»⁴⁶.

Верхняя дата «приостановки сроков» была связана, видимо, с прогнозами жестких карантинных мер — почти на три месяца вперед. Нижняя дата ясно указывала на начало массовых протестов в стране (т.е. закон обратной силы?). Напрашивается вывод, что в представлении юристов, готовивших законопроект, жесткость карантинных мер и наказание за участие в беспорядках периода массовых протестов оказались взаимосвязанными. Другое наблюдение касается масштабной программы самого правительства: очевидно, что министры попытались юридически подстраховать свои возможные неудачи в будущем. Ответственность исполнительной власти перед народом была, тем самым, как бы переложена на пандемию, вызвавшую необходимость жестких ограничительных мер.

* * *

Бурные перипетии ливанской общественно-политической жизни на протяжении полугода — с середины осени 2019 г. до середины апреля 2020 г. — напоминали античную трагедию. Однако вслед за развязкой сюжета (временной остановкой протестов и стабилизацией общества в состоянии тревоги нового типа — перед лицом пандемии) не последовал «катарсис» (обновление базовых принципов формирования органов власти). Это должно означать, что смысловой итог отнюдь не достигнут и впереди новые повороты сюжета, которые, вероятнее всего, будут повторять в общих чертах уже виденные

⁴⁶ Аль-хукума ахалят машру' аль-канун ар-рами иля та'лик аль-мухаль аль-канунийя ва-ль-када'ийя иля Маджлис ан-наваб [Правительство передало в Совет депутатов законопроект о приостановке юридических и судебных сроков] // Ан-Нашра. 09.04.2020. Available at: <https://www.elnashra.com/news/show/1404487/> *الحكومة أحالت مشروعي القانون-الرامي-إلى تعليق المهل* (accessed: 20.04.2020).

когда-то сценарии⁴⁷. Например, наподобие тех, когда главные действующие лица совершают тактический отход, а затем используют в своих интересах конфликтную ситуацию, чтобы попытаться взять в свои руки максимум власти.

Итак, значительная часть протестующих требовала глубоких демократических реформ на основе единой для всех ливанцев светской гражданственности, однако при этом сталкивались упомянутые противоречивые уровни самоопределения. Этот внутренний конфликт порождает некоторую неустойчивость (или даже двойственность) позиций и обуславливает обреченность народных выступлений на неуспех. И, судя по всему, пока социально-групповая (например, конфессиональная или клановая) принадлежность все-таки является доминирующей среди ливанцев по отношению к общенациональной идентичности.

Спад протестов стал результатом не только внутренних противоречий самого движения, но и сознательных шагов исполнительной власти по стабилизации ситуации в условиях борьбы с пандемией. При сопоставлении жесткости введенных карантинных мер в Ливане с лавированием правительства Х. Дибаба в настоящем море экономических и социально-политических проблем напрашивается вывод, что карантин был использован в интересах политических кругов, стремившихся свести на нет протестный потенциал населения. Настоящим ограничителем, однако, стали не полицейские меры или угрозы штрафов, а посеянный среди ливанцев страх, причем была заметна разница в подаче информации разными массмедиа: одни говорили об угрозе заболевания в спокойной конструктивной манере, другие же помещали раздражающие баннеры о вирусной инфекции и заполняли пространство сайтов визуальным материалом, напоминавшим о смертельной опасности этой болезни⁴⁸. Одним из результатов исполнения указа о «всеобщей мобилизации» на фоне охватившего людей страха перед болезнью стало умиротворение общественной ситуации вплоть до середины мая 2020 г.

⁴⁷ Действительно, после ослабления жестких карантинных мер в мае 2020 г. протесты возобновились, правда, далеко не с прежней силой. Но масштабная акция была назначена на 6 июня — трагический для всех арабов день начала арабо-израильской войны. Было ли это попыткой перевода ливанских протестов на региональный или общеарабский уровень, покажет время.

⁴⁸ Надеемся, что через некоторое время появятся исследования с анализом мотивов таких различий в информационной политике ливанских медиа в период карантина.

При всем этом оставалась надежда, что вынужденная тревожная «автостабилизация» ливанского общества в период карантина могла послужить благоприятным фоном для преобразований, обещанных ливанским «правительством реформ». Вполне предсказуемо, однако, что коренные изменения так и не были начаты, а власти пошли по проверенному пути, обратившись за помощью к Международному валютному фонду. После десятого раунда переговоров ливанской делегации с его представителями в начале июня 2020 г. правительство Х. Диаба продолжало связывать успех своей работы с финансовой помощью извне. При этом почти через пять месяцев после формирования нового кабинета план экономического спасения якобы только еще создавался: «Правительство, — заявляла министр перемещенных лиц 6 июня, — заинтересовано в разработке осуществимого экономического плана, и все его члены намерены серьезно работать, потому что его цель — спасти страну...»⁴⁹

Таким образом, причины социальных протестов не были устранены, к лозунгам митинговавших политики не прислушались, в очередной раз отодвинув во времени проведение давно назревших реформ. Впрочем, глубокие изменения в Ливане возможны только в случае синергии всех конфессионально обусловленных политических сил ради укрепления гражданственности, выведения этого уровня ливанской идентичности на первый план. Синергии, напоминающей ту, которую продемонстрировали ливанцы в ходе недавних социальных протестов — общеливанской, надобщинной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алаев Л.Б. Проблематика истории Востока. М.: Ленанд, 2019.
2. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / Пер. с нем. А.Б. Григорьева, В.Д. Седельникова. М.: Прогресс-Традиция; Территория будущего, 2007.
3. Ливанский вариант ближневосточной демократии // Ближний Восток в поисках политического будущего / Науч. ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин, отв. ред. А.В. Сарабьев. М.: ИВ РАН, 2019. С. 136–166.
4. Окунева Л.С. Латинская Америка пришла в движение: в чем смысл социальных протестов октября 2019 года? // Латинская Америка. 2020. № 1. С. 8–21. DOI: 10.31857/S0044748X0007755-9.

⁴⁹ Гада Шрейм ли-н-Нашра: Сундук ан-накд ад-дували аккад аля аркам аль-хукума ва-ль-инфитах аля-ш-шарк ихтималь варид фи кулли вакт [Гада Шрейм «Аль-Нашре»: МВФ подтвердил цифры правительства, и открытость по отношению к Востоку в любое время может стать возможной перспективой] // Ан-Нашра. 06.06.2020. Available at: <https://www.elnashra.com/news/show/1418402/غادة-شريم-لن-ناشرا: صندوق النقد الدولي-أكد-على-أرق> (accessed: 10.06.2020).

5. Сарабьев А.В. Ливан: обыкновенная «консоциальная демократия» в региональном контексте // Вестник МГИМО. 2019. № 12 (4). С. 89–112. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-89-112.
6. Сарабьев А.В. «Сейсмография» ливанского системного кризиса // Конфликты и войны XXI в. (Ближний Восток и Северная Африка) / Под ред. В.В. Наумкина, Д.Б. Малышевой. М.: ИВ РАН, 2015. С. 217–248.
7. Aboultaif E.W., Tabar P. National versus communal memory in Lebanon // Nationalism and Ethnic Politics. 2019. Vol. 25. No. 1. P. 97–114. DOI: 10.1080/13537113.2019.1565183.
8. Alianak S.L. The transition towards revolution and reform: The Arab Spring realised? Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014.
9. Araj S., Hlasny V., Ichrakieh L.M., Intini V. Targeting debt in Lebanon: A structural macro-econometric model // Middle East Development Journal. 2019. Vol. 11. No. 1. P. 75–104. DOI: 10.1080/17938120.2019.1583508.
10. Awdeh A., Jomaa Z., Zeaiter M.A. Exploring the effectiveness of financing resources in promoting economic growth in Lebanon // The Journal of Developing Areas. 2019. Vol. 53. No. 3. P. 43–57. DOI: 10.1353/jda.2019.0037.
11. Badaan V., Richa R., Jost J.T. Ideological justification of the sectarian political system in Lebanon // Current Opinion in Psychology. 2020. Vol. 32. P. 138–145. DOI: 10.1016/j.copsyc.2019.07.033.
12. Fakhoury T. Power-sharing after the Arab Spring? Insights from Lebanon's political transition // Nationalism and Ethnic Politics. 2019. Vol. 25. No. 1. P. 9–26. DOI: 10.1080/13537113.2019.1565173.
13. Fakhoury T. The unmaking of Lebanon's sectarian order? The October uprising and its drivers. IAI Commentaries, 19/66. 2019.
14. Fardoun F., Ibrahim Ou., Younes R., Louahlia-Gualous H. Electricity of Lebanon: Problems and recommendations // Energy Procedia. 2012. Vol. 19. P. 310–320. DOI: 10.1016/j.egypro.2012.05.211.
15. Makdisi S., El Khalil Y. Lebanon: Sectarian consociationalism and the transition to a fully fledged democracy // Democratic transitions in the Arab world / Ed. by I. Elbadawi, S.A. Makdisi. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 240–268.
16. Roccu R. Democratization beyond capitalist time: Temporalities of transition in the Middle East after the Arab uprisings // Middle East Critique. 2019. Vol. 28. No. 3. P. 1–15. DOI: 10.1080/19436149.2019.1633054.
17. Salloukh B.F. War memory, confessional imaginaries, and political contestation in postwar Lebanon // Middle East Critique. 2019. Vol. 28. No. 3. P. 341–359. DOI: 10.1080/19436149.2019.1633748.
18. Szekely O. The costs of avoiding transitional justice: Lessons from Lebanon // Transitional Justice and the Arab Spring / Ed. by K.J. Fisher, R. Stewart. London: Routledge, 2014. P. 94–111.
19. Vaughan K. Who benefits from consociationalism? Religious disparities in Lebanon's political system // Religions. 2018. Vol. 9. No. 2. DOI: 10.3390/rel9020051.

**PROTEST WAVE AND COUNTERMEASURES OF FEAR:
LEBANESE ACT OF A GLOBAL DRAMA**

*Institute of Oriental Studies
Russian Academy of Sciences
12 Rozhdestvenka st., Moscow, 107031*

The paper examines the dynamics of social protests in Lebanon from October 2019 till March-May 2020 when the government imposed unprecedentedly rigorous restrictive measures to combat the spread of COVID-19 infection. The paper identifies the underlying causes of the protests. The author stresses that from the very beginning socio-economic demands of protestors addressed to the executive power (particularly, to grapple with the rising income inequality) were accompanied by calls for democratization on the secular principles and elimination of political confessionalism. At the same time, the author outlines certain specifics of popular uprisings in Lebanon that distinguish them from simultaneous protests in other countries, namely their supra-ethnic, supra-religious and non-partisan character and their remarkable coherence and coordination, given the lack of overall leadership. The author emphasizes that the subsequent change of government has not brought, however, significant changes the protestors hoped for. The new Cabinet was not free from traditional confessional and political bias, whereas legal and administrative measures undertaken by the new government to combat the pandemic were, apparently, also aimed at ‘freezing’ the current situation favorable for both the parliamentary majority and the government. In particular, the recent laws and regulations reflect the Government’s desire to prevent the resumption of protests equivalent to those of the fall of 2019. All these measures did not face serious resistance, even though the economic situation of the population has worsened, and many people have lost their livelihoods. However, the fear of the COVID-19 has proved to be a more efficient means of preventing protests than any punitive measure. The author concludes that the dynamics of inter-party competition even under strict quasi-quarantine measures shows that the hopes of protestors for a genuine transition from a traditional clan and confessional structure of the Lebanese political system to the standards and principles of a developed democracy proved futile.

Keywords: social protest, political transit, democratization, political confessionalism, global pandemic, quarantine, Lebanon.

About the author: *Aleksei V. Sarabiev* — PhD (History), Leading Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: alsaraby@ivran.ru).

REFERENCES

1. Alaev L.B. 2019. *Problematika istorii Vostoka* [Problems of the history of the East]. Moscow, Lenand Publ. (In Russ.)
2. Beck U. 2002. *Macht und Gegenmacht im globalen Zeitalter: Neue weltpolitische Ökonomie*. Frankfurt am Main, Suhrkamp [Russ. ed.: Bek U. 2007. *Vlast' i ee opponenty v epokhu globalizma. Novaya vsemirno-politicheskaya ekonomiya*. Moscow, Progress-Traditsiya, Territoriya budushchego Publ.].
3. Livanskii variant blizhnnevostochnoi demokratii [Lebanese version of Middle East democracy]. 2019. In Baranovsky V.G., Naumkin V.V., Sarabiev A.V. (eds.). *Blizhnii Vostok v poiskakh politicheskogo budushchego* [Middle East in search of a political future]. Moscow, IOS RAS Publ., pp. 136–166. (In Russ.)
4. Okuneva L.S. 2020. Latinskaya Amerika prishla v dvizhenie: v chem smysl sotsial'nykh protestov oktyabrya 2019 goda? [Latin America has set in motion: What is the meaning of social protests in October 2019?]. *Latin America*, no. 1, pp. 8–21. (In Russ.)
5. Sarabiev A.V. 2019. Livan: obyknovennaya 'konsotsional'naya demokratiya' v regional'nom kontekste [Lebanon: Ordinary 'consociational democracy' in a regional context]. *MGIMO Review of International Relations*, vol. 12, no. 4, pp. 89–112. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-89-112. (In Russ.)
6. Sarabiev A.V. 2015. 'Seismografiya' livanskogo sistemnogo krizisa ['Seismography' of the Lebanese systemic crisis]. In Naumkin V.V., Malysheva D.B. (eds.). *Konflikty i voyny XXI v. (Blizhnii Vostok i Severnaya Afrika)* [Conflicts and wars in the 21st century (Middle East and North Africa)]. Moscow, IV RAN Publ.
7. Aboultaif E.W., Tabar P. 2019. National versus communal memory in Lebanon. *Nationalism and Ethnic Politics*, vol. 25, no. 1, pp. 97–114. DOI: 10.1080/13537113.2019.1565183.
8. Alianak S.L. 2014. *The transition towards revolution and reform: The Arab Spring realized?* Edinburgh, Edinburgh University Press.
9. Araj S., Hlasny V., Ichrakieh L.M., Intini V. 2019. Targeting debt in Lebanon: A structural macro-econometric model. *Middle East Development Journal*, vol. 11, no. 1, pp. 75–104. DOI: 10.1080/17938120.2019.1583508.
10. Awdeh A., Jomaa Z., Zeaiter M.A. 2019. Exploring the effectiveness of financing resources in promoting economic growth in Lebanon. *The Journal of Developing Areas*, vol. 53, no. 3, pp. 43–57. DOI: 10.1353/jda.2019.0037.
11. Badaan V., Richa R., Jost J.T. 2020. Ideological justification of the sectarian political system in Lebanon. *Current Opinion in Psychology*, vol. 32, pp. 138–145. DOI: 10.1016/j.copsyc.2019.07.033.
12. Fakhoury T. 2019a. Power-sharing after the Arab Spring? Insights from Lebanon's political transition. *Nationalism and Ethnic Politics*, vol. 25, no. 1. DOI: 10.1080/13537113.2019.1565173, pp. 9–26.
13. Fakhoury T. 2019b. The unmaking of Lebanon's sectarian order? The October uprising and its drivers. *IAI Commentaries*, 19/66.

14. Fardoun F., Ibrahim Ou., Younes R., Louahlia-Gualous H. 2012. Electricity of Lebanon: Problems and recommendations. *Energy Procedia*, vol. 19, pp. 310–320. DOI: 10.1016/j.egypro.2012.05.211.
15. Makdisi S., El Khalil Y. 2017. Lebanon: Sectarian consociationalism and the transition to a fully fledged democracy. In *Democratic transitions in the Arab world*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 240–268.
16. Roccu R. 2019. Democratization beyond capitalist time: Temporalities of transition in the Middle East after the Arab uprisings. *Middle East Critique*, vol. 28, no. 3, pp. 1–15. DOI: 10.1080/19436149.2019.1633054.
17. Salloukh B.F. 2019. War memory, confessional imaginaries, and political contestation in postwar Lebanon. *Middle East Critique*, vol. 28, no. 3, pp. 341–359. DOI: 10.1080/19436149.2019.1633748.
18. Szekely O. 2014. The costs of avoiding transitional justice: Lessons from Lebanon. In Fisher K.J., Stewart R. (eds.). *Transitional justice and the Arab Spring*. London, Routledge, pp. 94–111.
19. Vaughan K. 2018. Who benefits from consociationalism? Religious disparities in Lebanon's political system. *Religions*, vol. 9, no. 2. DOI: 10.3390/rel9020051.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

КОКОШИН А.А.

Заместитель главного редактора

ЮДИН Н.В.

Члены редколлегии:

БАБЫНИНА Л.О.

БАРСЕНКОВ А.С.

БАРТЕНЕВ В.И.

БЕЛОКРЕНИЦКИЙ В.Я.

ГЛАЗУНОВА Е.Н.

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ И.Д.

КУЗНЕЦОВ В.А.

ПАНОВ А.Н.

ПОТЕМКИНА О.Ю.

ПРОХОРЕНКО И.Л.

РЫХТИК М.И.

СЕРГУНИН А.А.

СИДОРОВ А.А.

СТЕПАНОВА Е.А.

ФЕНЕНКО А.В.

ХАХАЛКИНА Е.В.

ЯКОВЛЕВ А.И.

Редактор

МАЛЕВАННАЯ Е.А.

Адрес редакции:

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1-й учеб. корпус гуманитарных факультетов, факультет мировой политики, к. 601.

Тел. 8 (495) 939-52-71.

E-mail: vestnik.fmp@gmail.com

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-35059 от 23 января 2009 г.

Подписано в печать 30.07.2020. Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага офс. № 1.

Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 12,0. Уч.-изд. л. 11,2. Тираж экз.

Изд. № 11568. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)

Тел.: (495) 939-32-91. E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано: Публичное акционерное общество «Т8 Издательские Технологии».

109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.

ИНДЕКС 88513 (каталог «Пресса России»)

ISSN 0201-7385. ISSN 2076-7404

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 25. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА. 2020. Т. 12. № 2. 1–192.